

*Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области
Оренбургская областная универсальная научная
библиотека им. Н.К. Крупской
Оренбургское общество краеведов*

***«Капитанская дочка» А.С. Пушкина
в контексте истории, культуры,
литературы и искусства***

*материалы межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 180-летию публикации повести*

19 октября 2016 г.

Оренбург 2017

ББК 83.3 (2=411.2)52-8
УДК 8Р1
К 20

Ответственный за выпуск: Сковородко Л.П., директор ООУНБ им. Н.К. Крупской
Составитель: Утевалиева А.А., зав. отделом краеведения ООУНБ им. Н.К. Крупской
Редактор: Камскова Т.А., зав. редакционно-издательским отделом ООУНБ им. Н.К. Крупской

К 20 «Капитанская дочка» А.С. Пушкина в контексте истории, культуры, литературы и искусства: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию публикации повести, 19 октября 2016 г. – Оренбург: РИО ООУНБ им. Н. К. Крупской, 2017. – 188 с.

В сборнике представлены материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию публикации повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Среди обсуждаемых тем – историко-литературные исследования произведения, оренбургские страницы Пушкинианы. Издание предназначено филологам, краоведам, специалистам архивной, музейной, библиотечно-информационной сфер, всем, кто интересуется русской литературой и историей родного края.

ISBN 978-5-904401-11-5

ББК 83.3 (2=411.2)52-8

© авторы статей
© ГБУК «ООУНБ им. Н.К. Крупской»

От составителя

Настоящий сборник представляет собой материалы межрегиональной научно-практической конференции «Капитанская дочка» А.С. Пушкина в контексте истории, культуры, литературы и искусства», которая проводилась 19 октября 2016 года.

Великий русский писатель посетил Оренбургскую губернию осенью 1833 года. Целью его визита стал сбор достоверных фактов восстания под руководством Емельяна Пугачева. Итогом этой поездки явились вышедшие из-под пера гения русской литературы «Капитанская дочка» и «История Пугачева», в которых автор предстал перед читателями как литератор и как историк. Научный форум и сборник статей, сформированный на его базе, посвящены 180-летию выхода в свет повести Пушкина «Капитанская дочка».

Организаторами межрегиональной научно-практической конференции стали: министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, областная универсальная научная библиотека имени Крупской и оренбургское общество краеведов.

Можно констатировать, что конференция вызвала определенный интерес, свидетельством чего является этот сборник. В него вошли двадцать восемь статей, которые затрагивают различные аспекты историко-литературных, культурологических, педагогических, краеведческих исследований, посвященных не только повести «Капитанская дочка», но и всему творчеству А.С. Пушкина.

Сборник построен по проблемно-тематическому принципу и состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен изданиям, исследованиям и экранизациям повести «Капитанская дочка», второй раскрывает отдельные аспекты историко-литературного изучения произведений А.С. Пушкина, третий раздел представляет тему «Пушкин и Оренбургский край».

Авторский коллектив сборника разнообразен по составу. В него вошли учёные, литературоведы, журналисты, краеведы, архивисты, библиотекари, музейные работники, студенты.

Пленарное заседание

Значение образа капитанской дочки в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина

Скибин С. М.

«Капитанская дочка» занимает особое место в творчестве А.С. Пушкина. Безусловно, это самое лучшее его прозаическое произведение, ставшее итогом глубоких размышлений о судьбе России, ее истории и, в конечном счете, перспективах ее развития. Избегая прямого авторского философствования, дидактичности, открытой назидательности, Пушкин доверяет повествование провинциальному дворянину, который волей судьбы стал участником событий исторического масштаба. Тот факт, что повествователь решительно отрешивается от роли человека, стремящегося дать историческую оценку событиям (по его словам, он пишет «семейственную хронику» – воспоминание, имеющее лишь интимную ценность), заставляет еще глубже внедряться в подтекст повествования, дабы обнаружить подлинный философский смысл, понять суть пушкинского замысла, особенности восприятия исторического процесса. Такая преднамеренная завуалированность авторской позиции в романе обрекает исследователей на все новые и новые переосмысления пушкинского текста.

Для оренбуржцев «Капитанская дочка» имеет особое значение. Это связано, разумеется, с тем, что действие романа разворачивается на просторах Оренбургского края. Каждый российский школьник, знакомясь с романом Пушкина, погружаясь в атмосферу исторических событий прошлого, восхищается могучей стихией оренбургских буранов, смелостью и мужеством простых людей, населяющих этот край, любит мощью личности Пугачева, учится любви и верности у героев оренбургской истории со счастливым концом. Приезд Пушкина в наш город оставил неизгладимый след и в сердцах оренбуржцев, и на страницах «Капитанской дочки», навсегда связав Оренбург с именем и творчеством великого поэта.

Не случайно именно в Оренбурге была учреждена литературная пушкинская премия «Капитанская дочка». Казалось бы, для оренбургской премии трудно придумать более удачное название. Но естественно возникает вопрос: кто или что такое «Капитанская дочка»? Вариантов ответа не так много: это роман, это Маша Миронова, это какая-то мифологема, вызывающая ассоциации с Пушкиным и его творчеством. Литературных премий, названных в

честь главной героини романа, пожалуй, не встречается вообще. И причина проста, ибо в таком случае палимпсестом на фоне названия будет проступать образ героини. Стоит назвать толстовскую премию «Анна Каренина», и это сразу разделит общество на противников и сторонников такого наименования, ибо простимулирует интерес к произведениям, где центральным является «женский вопрос», и, в конечном счете, может лишить жюри толстовской премии возможности нейтрального подхода к выбору произведений.

Конечно, «Капитанская дочка» – и роман, и человек – явление особое, но прежде чем рассуждать о целесообразности такого названия премии, нужно ответить на главный вопрос: Почему Александр Сергеевич назвал свой роман «Капитанская дочка»?

Главная героиня «Капитанской дочки» воспринимается читателем, прежде всего, через призму отношения к ней повествователя, человека, любящего ее, гордящегося ею, обязанного ей чудом своего спасения. Изображенная с его позиции Маша Миронова вполне соответствовала образу героини любовной истории со счастливым концом. Однако место, которое отводит ей Пушкин в романе, является куда более значительным. Осмысление образа Марьи Ивановны в контексте пушкинского романа, вызывает у современных учителей определенные затруднения. Разумеется, они уделяют большое внимание чертам характера героини, ее нравственному облику, душевным качествам, но всего этого оказывается недостаточно, чтобы ответить на главные вопросы: Какую роль ей отводит Пушкин в этом произведении? Что делает Машу Миронову центральной героиней романа? Как вписывается образ капитанской дочки в общий замысел исторического романа? Почему роман называется «Капитанская дочка»?

Над своим произведением Пушкин работал с 1832 года, но лишь осенью 1836 года, отправляя роман в цензуру, он впервые раскрыл тайну его названия. И это стало убедительным свидетельством того, что оно не было случайным, а явилось итогом серьезных, многолетних размышлений. Уже сразу после публикации 22 декабря 1836 года в четвертом номере «Современника», критики, а потом и литературоведы пытались понять, какую цель преследовал писатель, остановившись на таком названии?! Ответить на этот вопрос было непросто.

В ходе работы над романом Пушкин познакомился с произведением А.П. Крюкова «Рассказ моей бабушки», опубликованным в «Невском альманахе на 1832 г.». В нем семидесятилетняя старушка рассказывает своему внуку «старинную

быль» о событиях, произошедших на оренбургской линии в Нижне-Озерной крепости во время восстания Пугачева, когда ей было 16 лет. Звали ее Настя, и была она дочерью коменданта крепости капитана Шпагина.

В тексте «Капитанской дочки» ощущается некоторое влияние этого произведения. Но, несмотря на название, в своем романе Пушкин ведет повествование от лица Гринева, а не Маши Мироновой, ибо ему, в соответствии с жанром произведения, нужен был герой и иного интеллектуального уровня, и ставший участником куда большего круга событий. Все это, однако, не является свидетельством того, что роль Маши Мироновой в контексте романа отодвигалась на авансцену.

Маша практически никогда не высказывает своих мыслей, суждений, своего отношения к происходящему, сдержанно выражает чувства, но все это только способствует формированию особого читательского отношения к образу, реализованному не столько в словах, сколько в действии и поступках. Перед Пушкиным стояла задача создать образ женщины минувшей эпохи, обладавший не только чертами, характеризовавшими жительницу оренбургской глубинки, но наделенный высоким нравственным чувством, которое бы всегда делало его современным. В сравнении с Гриневым, где Пушкину важен контраст между воспитанием и образованностью, об образовании Маши речь не идет вообще. И здесь логика понятна. Вспомним, что пишет Крюков о ее современнице капитанской дочке Насте: «бабушка моя во время своей молодости вовсе не читала романов (потому что не умела читать)»[1, с.118]. Маша, хотя и овладела грамотой (читает и пишет письма), но, пожалуй, этим и ограничивается ее потребность в словесности.

Если при создании образа Татьяны Лариной, Пушкину необходимо было показать как под воздействием дворянской и народной культур идет процесс формирования характера (отсюда интерес к кругу ее чтения и к влиянию фольклорной традиции), то в героине «Капитанской дочки» его интересует прежде всего то, как проявляются в простом человеке во время суровых испытаний высокие нравственные чувства. Есть все основания согласиться с Н.Н. Петруниной, которая полагает: «... капитанская дочка <...> в творчестве Пушкина достойна занять место рядом с Татьяной Лариной, став воплощением других граней национального характера» [2, с. 278].

Однако, на наш взгляд, важно обратить внимание и на то, что героические качества, по замыслу Пушкина, у Маши Мироновой не

столько формируются под влиянием обстоятельств, сколько проявляются под их воздействием, как результат следования народным нравственным идеалам. Это то, что определил Гоголь, любуясь героями «Капитанской дочки», как «простое величие простых людей». Он увидел великую заслугу Пушкина, его «призвание» в том, что тот смог «из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде» [3, с. 240]. Пушкин, проводя простых людей через ужасы русского бунта, через горнило суровых испытаний, в пламени которого многие из них гибнут, сумел обнаружить в современном ему человеке высокие качества национального характера. Через такое очищение в огне пугачевщины проходит и Маша Миронова. «Трусиха» (как ее называет собственная мать), трепетавшая при ружейном выстреле, мужественно переживает смерть родителей, проявляет необыкновенную стойкость, сохраняя верность своему возлюбленному, оказавшись в плену у Швабрина, без колебания отправляется в Петербург, ища милости у императрицы. Литературоведы [4, с. 440] уже делали акцент на том, что Марья Ивановна, обращаясь к неузнанной ею Екатерине II, говорит: «Я приехала просить милости, а не правосудия» [5, с. 80]. Действительно, для нее, как человека из народной среды, между «правосудием» и «милостью» есть существенная разница. Не зная законов и естественно не понимая их логики, догадываясь, что закон может быть истолкован по-разному, Маша надеется на сострадание как единственно верный путь к правосудию. И слово «милость» тут является ключевым. В нем сокровенный смысл не только для Маши, но и для Пушкина. В том же 1836 году, работая над своим «Памятником», ставшим поэтическим завещанием, он заменил стих «И милосердие воспел» [6, с. 1035] на более, по его мнению, значимый: «И милость к падшим призывал». Взывая к милости императрицы, Маша надеется на торжество человеческого в ее сердце. Как и Гринев, отправляясь с Пугачевым к Швабрину, верил в милость крестьянского царя. Пушкин в качестве одного из весомых аргументов в пользу того, что он воздвиг себе памятник, указывает на то, что он призывал проявить «милость к падшим». Капитанская дочка, преодолев все препятствия, просит милости у государыни. И это не случайное совпадение. Именно такой поступок выводит Машу Миронову, по замыслу Пушкина, в ключевую фигуру романа, что во многом объясняет его название.

Эпиграф «береги честь смолоду», предваряющий начало романа, наполнен более емким содержанием, чем это может показаться на первый взгляд. Напутствуя своего сына,

отправляющегося в Оренбург, полный вариант этой пословицы произносит отец: «береги платье снову, а честь смолоду». Но под давлением исторических событий в сознании Петра Гринева она сжимается до самой сути, становясь не столько констатацией народной мудрости, сколько отражением испытаний, которые выпали на долю юного героя. Сберечь честь можно, только оставаясь дворянином и человеком. Скоро и ему придется не только в соответствии с кодексом чести дворянина рублями оплачивать бильярдный долг, но и едва не заплатить собственной жизнью за честь быть русским дворянином.

В «Проекте вступления к роману», не вошедшем в окончательный текст, обращаясь к своему внуку, Гринев писал: «слава богу, дожил до старости, заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых. То же пророчу и тебе, любезный Петруша, еслиохранишь в сердце твоём два прекрасные качества, мною в тебе замеченные: доброту и благородство» [5, с. 99]. На двух качествах: доброте и благородстве, как верных средствах заслужить уважение, настаивает Гринев. Именно они открывают личности возможность совместить социальное и человеческое в своем сердце. И если бы сердце Пугачева не было согрето заячьим тулупчиком, по доброте души подаренным ему Гриневым, любовная история романа имела бы печальный финал.

Работая над «Капитанской дочкой», Пушкин продолжает искать положительную идею, которая могла бы объединить дворян и крестьян. Задача, о чем свидетельствуют его «Замечания о бунте», была достаточно сложной: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» [цит. по: 7, с. 206]. Если так уж «противоположны» выгоды, то что может объединить два этих враждующих сословия? Обращаясь к жанру исторического романа, Пушкин делает любовную историю простых людей – Маши Мироновой и Петра Гринева – центром повествования, где частные судьбы героев вплетены в историческую судьбу народа. Принцип историзма, который исповедовал Пушкин, позволял ему воспринимать историю как непрерывный и бесконечный процесс, он осознавал, что проблемы, возникающие в обществе, в том числе обретение социального идеала, могут быть решены не сиюминутно, а в ходе исторического процесса. По мнению Пушкина, социальное

противостояние исчезнет лишь тогда, когда в перспективе развития общества будет нивелирована социальная рознь, когда в политике государства человеческое возобладает над социальным.

Почти в каждом персонаже «Капитанской дочки» реализовано человеческое и социальное. Пугачев и жестокий предводитель крестьянского восстания, и человек, способный на добрые поступки в отношении Гринёва и Маши. Екатерина II и добрая женщина «в ночном чепце и душегрейке», готовая помочь сироте, и жестокая императрица, подавляющая восстание. Гринёв и честный молодой человек, способный на сильные чувства, и дворянин, слуга Отечества, готовый на самые решительные действия против бунтовщиков. По такому принципу изображаются и некоторые другие герои. У дворян и крестьян своя социальная правда. И здесь сложно найти компромисс, но у тех и других есть общее, что делает их одним народом, это общечеловеческие и общенациональные ценности.

Да, герои «Капитанской дочки» подчинены социальным и человеческим законам, но через весь роман проходит мысль Пушкина о том, что человеческое выше социального и перспектива развития общества предполагает возобладание человечности. Именно в этом направлении и должно происходить совершенствование социальных законов.

Счастье человека вовсе не связано с беспрекословным выполнением социального долга. Более того, человеческое у Пушкина ставится выше социального, а следование социальным законам лишь усиливает противоречия и губительно воздействует на человека.

На наш взгляд, в образе Швабрина сочетание человеческого и социального играет особую роль. В.Ф. Одоевский в письме к Пушкину, размышляя над причинами, толкнувшими Швабрина на измену, пришел к выводу, что они недостаточно убедительны: «Швабрин слишком умен и тонок, чтобы поверить возможности успеха Пугачева, и недоволен страстен, чтобы из любви к Маше решиться на такое дело. Маша так долго в его власти, а он не пользуется этими минутами. Покамест Швабрин для меня имеет много нравственно-чудесного; может быть как прочту в 3-й раз, лучше пойму» [3, с. 238–239].

Попробуем разгадать с позиции сочетания социального и человеческого загадку «нравственно-чудесного» в этом образе. Не станем полемизировать с Одоевским, действительно теоретически маловероятно, чтобы достаточно образованный и неглупый дворянин поверил в успех пугачевского бунта. И в то же время следует отметить, что возможность перехода бывшего гвардейского офицера

на сторону противника была заложена Пушкиным изначально. Если оценивать Швабрина в социальном аспекте, следует прежде всего отметить, что он дворянин, а значит принцип дворянской чести должен быть поставлен во главу угла (что и следует из эпиграфа к роману). Однако его поведение во время дуэли с Гриневым свидетельствует об обратном: он нарушает дуэльный кодекс и совершает бесчестный для дворянина поступок, нанеся удар не защищавшемуся противнику. В отличие от многих других персонажей, социальное и человеческое у Швабрина не получает резкого противопоставления. Социальная составляющая этой личности скомпрометирована ее бытовым поведением, человеческое и humane не совпадают в рамках этого характера. Швабрин – человек без чести об этом говорит и клеветы на свою прежнюю возлюбленную, и письмо к родителям Гринева, и переход в стан врага, и пленение Маши, и ложь в адрес Гринева на суде.

Причина перехода Швабрина на сторону пугачевцев имеет не социальные, а личностные корни. Особая роль в развенчании Швабрина отводится Маше Мироновой. Именно она острее других чувствует негативные качества его характера, которые не может принять ни при каких обстоятельствах. На вопрос Гринева, почему она считает Швабрина зачинщиком ссоры, Маша отвечает: «Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: не за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх» [5, с. 27]. Отрицательное качество Швабрина Маша видит в том, что он «насмешник», и его склонность к юмору тут не причем, чтобы осмеять человека Швабрин легко прибегает к лжи. Вот наблюдения Гринева из этой же IV главы. «Швабрин выдумал, будто бы он (Иван Игнатич – С.С.) был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился» [5, с. 21]. Швабрин злой человек. Он не любит людей. Он лжет, чтобы поставить человека в унижительное положение, осмеять его. Маша интуитивно испытывает неприязнь к нему. Оценивая человеческие качества Швабрина, она опирается на народную христианскую мораль. В ее представлении Швабрин не способен возлюбить ближнего своего, от него исходит угроза. Именно после разговора с Машей у Гринева открываются глаза на истину: «вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету» [5, с. 28]. Заслуживает внимания и ответ Швабрина на вопрос Гринева: «Как ты думаешь, чем это кончится?» – спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу.

Если же...» [5, с.35]. И хотя Швабрин не развивает свою мысль, тот факт, что он насвистывает французскую арию, позволяет предположить, что он не преисполнен патриотических чувств, а рассеянно произнесенная фраза: «Если же...» дает возможность истолковать ее не в пользу Швабрина.

Полагаем, что В.Э. Вацуро несколько польстил Швабрину, определяя его место в романе: «Швабрин несет в себе интеллектуальное начало; он «умнее» и образованнее Гринева, но это интеллектуальное начало в нем деструктивно. Швабрин – имморалист, «вольтерьянец» в том негативном качестве, которое подчеркивал Пушкин в тридцатые годы. Гринев, если угодно, – литературный аналог Дюлиса, носитель наивного, но этически полноценного начала» [8, с. 323]. Не вызывает сомнения то, что Швабрин достаточно умен, образован и аморален, но автор «Капитанской дочки» не дает оснований видеть за поведением Швабрина какую-то особую философскую позицию. Конечно, в его библиотеке было несколько французских книг, он называл своим учителем Тредиаковского и умел остроумно вести беседу. Однако нам кажется не убедительным само противопоставление «интеллектуального» и «наивного» начал в героях. В романе более очевидно другое противопоставление: аморальности и нравственности. И здесь основным оппонентом Швабрина является Маша Миронова. В водовороте исторических событий благодаря своим человеческим качествам «трусиха» Маша становится подлинной героиней, а геройствующий, бравирующий своей смелостью Швабрин – трусом и подлецом.

Сразу после публикации «Капитанской дочки» образ Маши Мироновой был воспринят как успех автора на пути создания женского национального характера, который может потускнеть при переводе романа. Так, 9 января 1837 года А. Тургенев в письме к К.Я. Булгакову выразил сомнения в том, что в переводе на французский язык удастся сохранить и сделать понятным для французов «оригинальность этого слога, этой эпохи, этих характеров старорусских и этой девичьей русской прелести» [3, с. 239]. С такой позицией Тургенева мы видим некоторую перекличку и в статье о «Капитанской дочке» известного в 40-60-е гг. XIX века писателя М.В. Авдеева, имевшего глубокие оренбургские корни. Размышляя над образом Маши, он писал: «История эта богата внешним разнообразием, но сама Маша, как действующее лицо, принимает в ней, как мы видим, мало участия. Ее внутренний мир, ее любовь и страдания едва обозначаются несколькими словами. Но, тем не менее,

простой и милый образ Маши является нам вполне цельным и ясным. Это образ счастливо наделенной несложной натуры, развившейся в тихой семье хороших, добрых и простодушных людей. Маша Миронова ничем не поражает взгляда, но когда присмотришься к ней, то ее тихая прелесть отрадно и успокоительно действует на душу» [9, с. 164]. В унисон с А. Тургеневым Авдеев восхищается «тихой прелестью» «милого образа», этой «счастливо наделенной несложной натурой». К доброжелательной оценке Авдеева пушкинской героини нужно прислушаться хотя бы по двум причинам. Во-первых, для своего времени, судя по его романам, Авдеев был крупным специалистом в области «женского вопроса», во-вторых, он является автором уникального сборника статей «Наше общество (1820-1870) в героях и героинях литературы» [10], где получили освещение образы героев и героинь русской литературы за полвека. Это было серьезное исследование, которое И.С. Тургенев ставил даже выше его романов.

Хотя, очевидно, что Авдеев анализировал образ Маши вне контекста романного замысла, отсюда и такой снисходительно-одобрительный тон. Не будем спешить полемизировать с ним еще и по той причине, что статья Авдеева содержала признаки спора с В.Г. Белинским, который в целом, хотя и дал достаточно высокую оценку мастерству Пушкина-прозаика (некоторые его «картины» считал «чудом совершенства»), но был довольно категоричен относительно Мироновой и Гринева: «Ничтожный, бесцветный характер героя повести и его возлюбленной Марьи Ивановны» [11, с. 577]. Как это не вызывающе звучит по отношению к великому критику, но факт остается фактом, Белинский не разгадал замысел Пушкина. То, что он называет «бесцветным», было преднамеренной завуалированностью образа, обоснованного замыслом романа, ибо суть подвига Марьи Ивановны в ее поступках и прежде всего этим она или близка, или отличается от других. Маша не исключительная, не особенная, она обыкновенная, если по-Белинскому – «бесцветная», но в критические минуты мобилизуются ее моральные силы, и она способна на подвиг.

Даже П.И. Чайковский, тонко чувствующий Пушкина, не смог воплотить в музыке сюжет «Капитанской дочки». И одно из основных препятствий для создания оперы он видел в особенности образа главной героини. По его мнению, «Мария Ивановна, недостаточно интересна и характерна, ибо она безусловно добрая и честная девушка и больше ничего, а этого для музыки недостаточно» [3, с. 253]. И такое одностороннее восприятие Маши Мироновой было, пожалуй, общепринятым в XIX веке.

Обыкновенность Марьи Ивановны была важна Пушкину как воплощение дремлющих в народе сил, составляющих в конечном счете его духовное богатство.

Размышляя над стилем «Капитанской дочки», знаменитый критик начала XX века Ю.И. Айхенвальд справедливо заметил: «Щедрый Пушкин умел быть художнически скупым» [3, с. 255]. Подтверждение этому находим и в описании внешности главной героини: «Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русскими волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели» [5, с. 21]. Здесь нет стремления дать точное портретное описание героини. Беглый взгляд Гринева, негативно настроенного по отношению к ней Швабриным, смог ухватить прежде всего признаки, свидетельствующие о ее психологическом состоянии, ее стыдливость. Оценочное описание внешности почти отсутствует. Для сравнения можно сопоставить с портретом Харловой из «Оренбургских записей» Пушкина: «... она была красавица, круглолица и не высока ростом» [12, с. 103]. В данном же случае нет не только ответа на вопрос, была ли Маша красавицей, но даже следует замечание повествователя: «С первого взгляда она не очень мне понравилась» [5, с. 21]. В этой ситуации обращение к внешности героини – лишь возможность показать ее внутреннее состояние. Немного спустя, когда прямолинейная капитанша заводит разговор о приданом Маши, автор сосредотачивается на ее реакции: «она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку» [5, с. 22]. И в дальнейшем Пушкин не описывает ее внешность, таким образом настаивая на том, что подлинная красота Маши Мироновой сокрыта в ее душе. Важен еще и такой эпизод. В следующей IV главе Гринев сообщает: «Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку» [5, с. 23]. Визуальное знакомство и рассказы о ней других – лишь прелюдия к подлинному знакомству, когда появилась возможность ощутить прелесть ее душевных качеств.

Черты характера, красота Марьи Мироновой получают особую значимость в период исторических катаклизмов, когда все напускное, манерное опадает, а высшую ценность приобретают простые человеческие качества: прямолинейность, доброта, верность, преданность, искренность, честность.

Можно поспорить с М. Цветаевой, которая с излишней категоричностью утверждала: «Вся любовь Пушкина ушла на Пугачева (Машу любит Гринев, а не Пушкин)... » [13, с. 135]. Однако все не так однозначно. У Пушкина не было беспристрастного отношения к Маше. В «Капитанской дочке», в отличие от «Евгения

Онегина», где, благодаря особенностям жанра романа в стихах, Пушкин имел возможность высказывать свои чувства к Татьяне, авторское отношение к героине предельно скрыто. Тут был реализован иной принцип создания центрального образа. Маша должна была вызывать симпатии у всех героев разных слоев общества и тем самым сблизить всех. По замыслу Пушкина, она – героиня, воплощающая общенациональный идеал. Отношение к Маше часто находящихся в непримиримой конфронтации персонажей, явилось свидетельством того, что у представителей разных лагерей и дворян, и крестьян, есть общий идеал красоты, есть то, что по мысли А. Тургенева, не может быть воспринято французами. По Пушкину, героическое – это не исключительное, а естественное продолжение обыденного. Точно так же и красота – это не исключительное явление, а воплощение многих граней личности, где внешность лишь одна из составляющих и далеко не самая важная. Искренность, простота, доброе отношение к людям, безыскусственность делают Машу необыкновенно привлекательной для многих. Нет ничего напускного в ее признании в любви: «она без всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности» [5, с. 30]. И в самом деле, Марья Миронова вызывает симпатии и у Екатерины II, и у Пугачева, и у Гринёва, и у Швабрина. Объясняя причину «радушного» отношения к Маше его родителей, повествователь заметил: «нельзя было ее узнать и не полюбить» [5, с. 78]. В Маше души не чают и девушка Палаша, и попадья, и Савельич [5, с. 78]. Если, действительно, красоте суждено спасти мир, то это именно тот случай.

Отвечая на запрос цензора: был ли у его героини конкретный прототип, посещавший императрицу, Пушкин писал: «Имя девицы Мироновой вымышлено» [14, с. 21]. И это соответствовало истине, но несколько не умаляло художественную ценность образа, достоверность и глубину характера, нравственную непогрешимость. По мнению Пушкина, следование вечным ценностям вписывает человека в контекст истории и оказывает влияние на ход исторического процесса в не меньшей степени, чем роль великих личностей.

Своей «Капитанской дочкой» Пушкин «воздвиг» нерукотворный памятник Маше Мироновой. А с ней вместе всем россиянкам, оказавшимся способными в тяжелое время испытаний сохранить любовь, бороться за нее, надеяться на справедливость, на торжество человеческих чувств в человеке и победить. Это героини своего времени. В Оренбурге есть много памятников и великим людям, и забавным «зверушкам». Все это конечно здорово. Но у нас

нет памятника капитанской дочке и это печально. Пушкин убедительно показал, что именно в Маше Мироновой находят проявление высокие качества национального характера, достойные увековечивания. Может быть хотя бы наши потомки прислушаются к нему. Как знать?...

Литература:

1. Крюков, А.П. Рассказ моей бабушки / А. П. Крюков // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. – Л.: Наука, 1985. – С.118 – 145.
2. Петрунина, Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции) / Н. Н. Петрунина. – Л.: Изд-во наука, 1987. – 335 с.
3. «Капитанская дочка» в критике и литературоведении // А.С. Пушкин Капитанская дочка. – Л.: Наука, 1985. – С.233 – 281.
4. Коровин, В.И. Пушкин / В. И. Коровин // История русской литературы XIX века. В 3 ч. Ч. 1 (1795 – 1830 годы). – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – С. 201 – 446.
5. Пушкин, А.С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1985. – 319 с.
6. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т.3 (кн.2). (Допечатка) / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1997. – 1379 с.
7. Макогоненко, Г.П. Исторический роман о народной войне / Г.П. Макогоненко // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. – Л.: Наука, 1985. – С.200 – 233.
8. Вацуро, В.Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина / В.Э. Вацуро // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин.Дом). – Л.: Наука, 1986. – Т. 12. – С. 305 – 323.
9. Авдеев, М.В. Маша Миронова. Характеристика героини «Капитанской дочки» Пушкина / М.В.Авдеев. – Новь, 1889, 1 авг. – Т. XXIX, № 19. – С. 164.
10. Авдеев, М.В. Наше общество (1820-1870) в героях и героинях литературы / М.В. Авдеев. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. – 291 с.
11. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений / В.Г. Белинский. – М., 1955. – 734 с.
12. Оренбургские записи // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. – Л.: Наука, 1985. – С.102 – 106.
13. Цветаева, М. Мой Пушкин / М. Цветаева. – М., 1967. – 172 с.
14. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т.16: 1835-1837 / А.С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 502 с.

«Бросал живительное семя»...

Бекасова Е. Н.

сеизыдесеяй, да сеет
(Евангелие от Матфея, гл. 13 стр. 3)

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя*
А.С. Пушкин

Творчество А.С. Пушкина «растворено в русской культуре последних полутора веков, и каждый, кто считает себя представителем этой культуры, самым существом своим знает, что Пушкин – «это наше всё». <...> Пушкин есть прецедент культуры, отразивший момент сложения новой «культурной парадигмы» [11, с. 60].

И будем надеяться, что А.С. Пушкин ещё долго будет способствовать, как писал Ф.М. Достоевский, «освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом» [9, с. 442].

Пушкин – явление, действительно, необычайное и, к сожалению, единственное. И трагичное. Поскольку природа не терпит пустоты, а пустота великих.

1836 год – свидетельство не только сжимающегося кольца вокруг Поэта, но и его сгущающихся раздумий о вечном. И здесь уже нет следов констатаций впечатлений ездока в телеге жизни, здесь уже подготовка к ночлегу, который как бы невпопад и не ко времени: *«О нет, мне жизнь не надоела, Я жизнь люблю, я жить хочу, Душа не вовсе охладела, тратя молодость свою»* [17, с. 533]. Подведение итогов жизненных событий (*«Чему, чему свидетели мы были»* [17, с. 534]) и личных достижений (*«Нет, весь я не умру...»* [17, с. 544]) соединилось в спокойствии к успокоению, которое вылилось не только в духовном стремлении к свободе и освобождению – *«Никому Отчёта не давать, себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»* [17, с. 533], но и в материальной покупке места на кладбище Святогорского монастыря – *«Но как же любо мне Осеню порой, в вечерней тишине, В деревне посещать кладбище родовое»...* [17, с. 532].

Однако *«ещё хранятся наслажденья для любопытства моего»* [17, с. 533], которые все устремлены в прошлое, чтобы пронзить будущее. Личное взросление накладывается на размышления о жизни

и судьбе своей, своих предков, потомков, России и человечества. Заявленное в тридцатые годы – *«Понятна мне времен превратность, Не прекословлю, право, ей»* [17, с. 467] – требовало объяснения, тем более, что эти превратности касались и лично потомка арапа: *«Решил Фиглярин, сидя дома, Что чёрный дед мой Ганнибал Был куплен за бутылку рома»* [17, с. 469].

Отсюда и неустанный и сознательный интерес к «предмету ничтожному» [15, с. 378] как герою его Музы: *«Дух века вот куда зашёл! Вот почему, архивы роя, Я разбирал в досужный час Всю родословную героя, О ком затеял свой рассказ»*... [17, с. 540]. Отсюда переход Поэта в Историки...

И в союзе с музой Клио родилась «Капитанская дочка». От её выхода в свет до смерти Поэта оставалось менее двух месяцев...

Оценить такое произведение в полной мере при всей его головокружительной простоте до сих пор сложно, тем более современникам, которым так хотелось видеть в Пушкине певца Руслана и Людмилы. Поистине, Пушкин «вышел рано, до звезды»...

Первый реалистический роман русской литературы нового времени соединил великую древнерусскую литературу с той, которая будет ещё впереди. Глубина древних притч, детски-наивных и увлекательно-сказочных, небольшой объём, но ёмкость шедевров древнерусской литературы соединились с наработками европейской и русской литературы и осмыслением великим Поэтом.

И получилась «Капитанская дочка», которая при всей её внешней забавности и скромности превосходит признанную энциклопедию русской жизни – «Евгения Онегина» по глубине проработки ВСЕХ проблем русского общества. В ней представлены – а главное – действуют все слои российского общества: от дикого башкирина до вышколенного немца, от дворовых до дворянской элиты, от разбойников до священников, старики, женщины, дети, царские особы в зеркальных отражениях – немка и донской казак, самозванцы по перевороту и бунту. Всё это народное море живёт своей жизнью, волнуется и скручивается в один тугой узел, который рубится по судьбам и жизням – *«метались смущённые народы; И высились и падали цари; И кровь людей то славы, то свободы, То гордости багрили алтари»* [1, с. 534].

В водовороте гражданской войны с особой остротой проявляется в человеке как человеческое, так и противное ему, и это уже было пройдено А. С. Пушкиным и в «Борисе Годунове», и в «Полтаве», и в «Моей родословной»...

Но в «Капитанской дочке» не только «*война, и мор, И бунт, и внешних бурь напор*» [17, с. 475], но и народ во всей своей широте и многоликости, который уже не безмолвствует, не пасётся мирно, не даёт себя ни резать и не стричь, и, отказавшись от «*наследства из рода в роды*» – ярма с гремушками и бича, сам ведёт «*игралище таинственной игры*» [17, с. 534]. И личность – (не героическая, не историческая, не при чинах) ещё недавнего недоросля и записного сержанта, как иронизирует Пушкин, герой «ничтожный» – вдруг выказывает свой русский дух [6], который во все времена давал выстоять России и при всех внешних и внутренних обстоятельствах сделать равным неравный спор, будь то нашествие монголов, или шведов, или всей Европы, ведомой звездой Наполеона, или если просто – пращур не поладил с властелином...

Тема бурана, народного бунта впервые поднята в «Капитанской дочке» во всей её русской необъятности и сплетении всевозможных причин и вин «верхов» и «низов». И не только поднята, но и на проклятые русские вопросы Кто виноват? и Что делать? были даны ответы – «*живительное семя*». Но сеятель «вышел рано, до звезды» и общество не сразу поняло и приняло его посев....

Перед нами симптомы бунта в самых их типических проявлениях. Если в «Истории Пугачёва» мы видим своеобразное препарирование бунта: с выписками из истории болезни, тщательным собиранием фактов и их анализом, поисками лекарств для исцеления и назначениями в конце исторического сочинения, – то в романе – сама жизнь во всём своём её многообразии, не разложимом на белое и чёрное, а тем более на белое и красное: каждый несёт свой крест и собирает разбросанные не только им камни. В «Капитанской дочке» со всей очевидностью реализуется гётевское «суха теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет». Со всей определённости это проявляется и в восприятии темы бунта, который прочитывается с излюбленной российской крайностью: или – или, а третье – если и дано, то тоже с проблеском раскольничьего «нам всем за единый аз умирать надобно». В какой-то степени вникнуть в суть пушкинского текста можно только через лингвистическую диагностику бунта [3; 7].

Слово бунт, заимствованное за польского, прошедшее украинское горнило было взято переимчивым, по определению А.С. Пушкина, русским языком. Подчёркиваем, что это не русское изобретение и не русская национальная забава. В русском характере – отстаивание своей земли от многочисленных захватчиков – от печенегов до современных блюстителей демократии [4; 5]. Запрограммировал на тысячелетие значимость и суть русского

воинского долга и отношения к своей и чужим землям русский князь Святослав получивший тяжёлый урок от своего народа – *«чюже си земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ»* [12, с. 32].

Поэтому в слове бунт есть нечто мелкое, игрушечное, несерьёзное, что-то от «кутерьмы», тем более, что мы все живём, как утверждает А.С. Пушкин, *«во дни переворотов – или переоборотов (как лучше?)»* [18, с. 140] – сути неизменной человеческой природы, подняться над которой и отречься от скотского не всегда и не всем удаётся....

Анализ Пушкинского творчества даёт нам полную анатомию злодейства не только на личном уровне (Моцарт и Сальери) – *«бездны роковой Души коварной»*, но и уровне вселенского масштаба применительно к России [4; 7]: *«худые времена, Крамол и смут во дни кровавы», «ярость бранных непогод», «смутная пора», «темное ли владычество», «казни свирепые», «Украйна глухо волновалась», «мятеж ... Средь петергофского двора», «крамолы и коварства» ...* Для А.С. Пушкина даже переломные эпохи, как принято их называть, Смутного времени и Булавинского восстания – это время, когда *«тягался с поляками Нижегородский мещанин», «с Булавиным мутят; Там будят диких орд отвагу»*. А.С. Пушкин в своих произведениях уже *«поверивший алгебру гармонией»* [4] долго ищет название и для *«кровавой зари Войны народной»* и её предводителя в «Капитанской дочке». Сначала это разбой и разбойник (как обозначил вожатого Савельич, уравнив его и офицерами – карточными шулерами). Впрочем, сам Пугачёв и его ближайшее окружение не отказываются от себя по своей любимой песне: *«Еще станет государь-царь меня спрашивать: Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын, Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал ...?»* [19, с. 349]. Но потрясение шайкой разбойников основ государственности меняет их статус – измена и изменник, к последнему прибавляется уже ставшее привычным на Руси – самозванец [4; 7]. При этом нет особой разницы между ворами, разбойниками, изменниками «низов» и «верхов»: Пугачёв и его партия во многом зеркально отражают реальных и якобы не самозванных властителей. Об этом свидетельствует выразительная сцена захвата Пугачёва его же «придворными» по уже многожды проигранному «верхами» сценарию: *«Что же? – сказал Пугачев, – вы хотите изменить своему государю?» – «Что делать!» – отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», – сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова,*

протянул ему свои руки и сказал: «вяжи!». Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я разбойник?» – говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали изменников» [13, с. 98].

Появляются и усиливающие феномен пугачёвщины ряды названий: злодей, злодействовать (по 12 случаев), мятеж, мятежник(и) / мятежный (соответственно 14 и 118 случаев), а на это возмущаются возмущением примкнувшие (соответственно 14 и 5 случаев). Здесь же все обертоны народного бунта – от уже повешенного *«бедного моего Ваньки»*, *«по глупости своей» приставшего к Пугачёву, до «караульного с дубиною», со снятой шляпой требующего у барина паспорт и, почёсываясь, объясняющего: «Да мы, батюшка, бунтуем»* [19, с. 410] – всё то, что в полной мере проявится впоследствии в стихийных восстаниях, революциях, различных акциях протеста и народных брожениях, когда потеря ориентиров, размывание границ добра и зла, насаждение каких-либо ценностей – революционных, коммунистических, капиталистических, европейских, но не человеческих – затягивает в омут всех, даже тех, кто пытается вырваться из их объятий.

Следует отметить, что А.С. Пушкин писал «Историю Пугачёва» – а на истории бунта настояли уже власти, введшие иноплеменное слово в свою терминологию ещё со времён Екатерины II, которая уже и Н.А. Радищева заклеимила «бунтовщиком, хуже Пугачева». Но нам кажется, что именно бунт как удар хлыста, как взрыв народного недовольства, как доказательство «необходимых новых перемен» становится выбором А.С. Пушкина и по своему исторически сложившемуся названию и отграничению от перманентных, но уже привычных всплесков возмущения непокорных или вышедших из покорности, которые, выйдя на государственный уровень, в соединении с изменой и самозванством взмечтаются мятежом, взрываясь бунтом [7, с. 69].

Перед нами уже новое явление, которое получает у А.С. Пушкина другое название – война: *«Не стану описывать нашего похода и окончания войны»* [19: с. 388]. И в связи с этим рядом обозначений феномена событий 1773-1775 гг. появляется знаменитое, столько раз повторяемое по разным поводам, но чаще с негативом в сторону российской специфики определение русского бунта. Однако наши исследования текстовых разночтений в прижизненном издании

«Капитанской дочки» в журнале «Современник» (*«Не приведи Бог видеть Русский бунт бессмысленный и беспощадный!»*) [14, с. 196]) и других изданиях (*«Не приведи, Бог, видеть Русский бунт бессмысленный и беспощадный!»*) [20, с. 223], *«Не приведи бог видеть русский бунт, (-) бессмысленный и беспощадный!»* [19, с. 388]) достаточно чётко свидетельствуют о том, что для А.С. Пушкина было крайней нежелательностью видеть Русский бунт бессмысленным и беспощадным, а не клеймить его исключительно бессмысленным и беспощадным [7, с. 69–72].

А.С. Пушкин первым предупреждал об этом и «Историей Пугачёва», и «Капитанской дочкой», только по-разному: в одном случае отвергая мысль о бессмысленности событий 1773–1775 гг. – *«Нет зла без добра: Пугачёвский бунт доказал правительству необходимость многих перемен...»* [16, с. 539], в другом – определяя путь без ужаса и насилия, без беспощадности – *«лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»* [19, с. 334].

Однако в этом случае предвиденье Поэта оказалось невостребованным: Россия со свойственным ей упорством всё сильнее и целенаправленнее наступала на грабли всевозможных бунтов – А.С. Пушкин, действительно, бросал живительное семя «в порабощённые бразды» и «низов», и «верхов»...

Но время не было потеряно: Пушкин открывал новый мир и перспективу жизни, продолжая тысячелетние традиции человеческого созидания – *се изыдесеяй, да сеет (это вышел сеящий, да сеет) и пусть падшее при пути семя будет съедено птицами, а на камне – засохнет, а в терниях – ими подавлено, но будет и добрая земля, которая всегда будет давать плоды, в том числе и сторицею* [10]. Со времён князя Владимира, распахавшего землю, сеяли «книжные семена в сердца верных людей» и пожинали пищу неоскудевающую, принимая «учение книжное» [12, с. 66; 2; 8]. Пушкин как союзное звено между прошлым и будущим, как и Иван Фёдоров, умел и жаждал только одного – *«духовная семена по вселенной разсевати и всемь по чину раздавати духовную сию пищу»* [1, с. 385], и семена его были «живительные», а «благие мысли и труды» не напрасными.... И роман «Капитанская дочка», как последнее брошенное рукой сеятеля зерно, таило в себе зародыши, ростки всего, что будет всегда волновать духовного человека, и прежде всего человека русского.

Литература:

1. Апостол Ивана Федорова. – Львов, 1573 – 1574.
2. Бекасова, Е.Н. «Апостол» Ивана Фёдорова: Духовные семена по вселенной рассеять (к 450-летию первой точно датированной русской печатной книги) / Е. Н. Бекасова // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы X международ.науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 5 – 18.
3. Бекасова, Е.Н. Лингвистическая диагностика русского бунта / Е. Н. Бекасова // Филологический класс: науч.-метод. журнал. – 2014. – №4 (38). – С. 66–71.
4. Бекасова, Е.Н. Образы «служивых людей» в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова / Е. Н. Бекасова // Мы почти всегда извиняем то, что понимаем: сб. науч. тр., посвящ. 200-летнему юбилею М.Ю. Лермонтова. – Szombathely, 2014. – Т. XIV. – С. 15 – 21. – (BIBLIOTHECASLAVICASAVARIENSIS).
5. Бекасова, Е.Н. Отечественная война как проявление сущности русской ментальности / Е. Н. Бекасова // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / под общ. ред. В.А. Лабузова. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2015. – С. 496 – 497.
6. Бекасова, Е.Н. Парадоксы воспитания: недоросль Петруша Гринев / Е. Н. Бекасова // Филологический класс: науч.-метод. журнал. – 2016. – №1 (43). – С. 71 – 75.
7. Бекасова, Е.Н. Русский бунт. Бессмысленный и беспощадный? / Е. Н. Бекасова // Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» как историко-культурный феномен: Шестые и Седьмые междунар. науч. Пушкинские чтения / под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2016. – С.64 – 75.
8. Бекасова, Е.Н. «Семена духовные» (юбилейные размышления) / Е. Н. Бекасова // Филологический класс: науч.-метод. журнал. – 2014. – № 1 (35). – С. 125 – 129.
9. Достоевский, Ф.М. Пушкин. Очерк. Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // Собр.соч.: в 10 т. Т. 10. Произведения 1879 – 1880 гг. – М.: Гослитиздат, 1958. – 624 с.
10. Евангелие на церковнославянском языке[Электронный ресурс].– Режим доступа :http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html(дата обращения: 18.10.2016).
11. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб.: «Златоуст», 1999. – Вып. 2.– 368 с.– (Язык и время).
12. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд. 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996.– 669 с.
13. Пушкин, А.С. История Пугачёва / А. С. Пушкин // Собр.соч.: в 10 т. Т. 7. История Пугачёва. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. – 456 с.
14. Пушкин, А.С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин // Современник. – М., 1836. – Т. 4. – С. 42 – 215.

15. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. IV. Романы и повести / А. С. Пушкин. – СПб.: Библиополис, 1994. – 500 с.
16. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. V. Автобиографическая проза. Отрывки, афоризмы. Критика и публицистика. Исторические сочинения / А. С. Пушкин. – СПб.: Библиополис, 1994. – 708 с.
17. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 5. Т. I. Стихотворения 1813–1836 / А. С. Пушкин. – СПб.: Библиополис, 1993. – 600 с.
18. Пушкин, А.С. Собрание сочинений. Т. 14. Переписка 1828–1831 гг./ А. С. Пушкин. – М.: АН СССР, 1941.
19. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести / А. С. Пушкин. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 660 с.
20. Сочинения Александра Пушкина. – СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. – Т.7.

«Что в имени тебе моём?»

Савельзон В. Л.

За три года до поездки в Оренбургский край таким вопросом начал Александр Сергеевич послание к польской аристократке Каролине Сабаньской, в которую был безнадежно влюблён. Если толковать эти слова Пушкина шире и ближе к теме этого доклада – как сложность и важность имяназвания, то ещё за тысячу лет до него Гомер в «Одиссее» заметил: «Между людьми не бывает никто безымянным». И, следовательно, имя, отчество, фамилия – важнейший и интереснейший объект наблюдения. Появился целый раздел языкознания – ономастика, наука, изучающая собственные имена. А то, как классик их использует, – это предмет увлекательного исследования. Откроем «Капитанскую дочку» на главе пятой «Любовь». Пётр Гринёв пишет письмо батюшке с просьбой благословить его брак с Марьей Ивановной. Марья Ивановна молода и неопытна, но в отличие от Петра она лучше знает жизнь: «Но подумай хорошенько, – прибавила она, – со стороны твоих родных не будет ли препятствия?» И её предчувствие сбывается. Приходит резкий ответ с запретом жениться.

Теперь, чтобы понять сомнения Марьи Ивановны и, шире, социальность имён и именных форм, перечтём ответ батюшки. Как он именуется возлюбленную сына? «Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой мы получили...». Запомним: «Марьей Ивановой дочерью Мироновой».

Так в «Капитанской дочке», вышедшей в серии «Литературные памятники», где приводится чисто журнальный вариант. (Отдельное издание Пушкину увидеть не было суждено, и при его жизни повесть была напечатана только в журнале «Современник» за несколько месяцев до роковой дуэли). Так же и в тех изданиях, которые печатаются по комбинации беловика с журнальным текстом, в частности, в Большом академическом издании сочинений А.С.Пушкина. (При этом, с одной стороны, удаётся убрать некоторые цензурные вмешательства, а с другой, сохранить авторские находки, вписанные уже в самый канун печати).

Но в другом варианте, в тех изданиях Пушкина, которые печатаются только по беловику, к примеру, в «газпромовском однотомнике» к 200-летию со дня рождения поэта, значится по-иному: «Марьей Ивановной дочерью Мироновой». Перечитайте и найдите разницу.

И, кажется, зря не учитывается последняя правка Пушкина. Во всяком случае, Александр Сергеевич в последний момент перед выходом повести в свет продумал и внёс в письмо батюшки очень важное изменение в имянаречение героини повести. Чтобы ощутить эту значимую перемену «Ивановны» на «Иванова дочь Миронова», надо вспомнить, как много говорила эта тонкость современному читателю.

Московские бояре яростно боролись с царём за право писаться полным отчеством с «-ичем». Отстаивая, скажем, «Фёдор Иванович», а не прежнее «Фёдор Иванов сын», шли на плаху. И только Екатерина Вторая приказала «особ первых пяти классов (по петровской Табели о рангах) писать полным отчеством (Ивановичем), лиц от шестого до восьмого класса включительно полуотчеством (Ивановым сыном), а всех остальных без отчества». Однако затем при ней же отчество было распространено на всех дворян. «Подлый» же народ, низкого происхождения остался с полуотчеством. В пушкинские времена его бердинская собеседница старуха Ирина Афанасьевна Бунтова в ревизской сказке, то есть в переписи, значилась как «Ирина Афанасьева дочь, по мужу Бунтова».

И, именуя в окончательном варианте повести нежеланную сноху «Марья Иванова дочь Миронова» старик Гринёв знал, что делал. Он, как предчувствовала Марья Иванова, намекал на худородность той, кого выбрал его сын. Губернатора-то он в том же письме величает по-другому: «Андреем Карловичем».

Сейчас нам такая тонкость неощутима. А вот Пётр оскорблён за свою любимую, прочтя отцовское письмо: «Пренебрежение, с каким

он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым».

После этих гневных строк перечитаем письмо. И убедимся, что кроме процитированного упоминания о Марье Ивановне там вообще больше ничего нет о ней, ни плохого, ни хорошего. Что же оскорбило Петра? Одна только именная форма «Марья Иванова дочь Миронова». Он в противовес, тут же, прочтя письмо, называет суженую достойно: «Марья Ивановна».

Есть ещё два места в повести о том же: как много значило для человека его полное имя-отчество. Откроем «Пропущенную главу»:

«Где Андрюшка земский», – закричал я ему. – Кликнуть его ко мне».

«Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, – отвечал он мне, гордо подбочась».

Крепостной во времена пугачёвщины, почувствовав себя вольным человеком, первое, что сделал, – взял себе полное отчество. А чем не в последнюю очередь добился Пётр Гринёв, что верный Савельич не остался с ним, вступившим в предпоследней главе в отряд Зурина, а отправился с Марьей Ивановной в гринёвское поместье? Тем, что, прося, назвал его «Друг ты мой, Архип Савельич!» Полным именем-отчеством.

А почему Пушкин назвал героиню повести Марьей Ивановной? Конечно, и потому, что это имя Мария поэт любил. Вспомним «Бахчисарайский фонтан», «Полтаву», «Метель»... Но если иметь в виду социальность, то, казалось бы, потому, что Иван да Марья – самые народные имена. И тем самым он хотел обозначить этим именем-отчеством близость капитанской дочки к одному из своих идеалов русской женственности, не испорченной «светом», близкой к народной массе. Каким уж дворянским было семейство Мироновых, владея на всех троих одной крепостной душой – Палашкой?

Гринёвы по сравнению с ними богачи. В третьей главе «Крепость» комендантша расспрашивает прибывшего в крепость Гринёва, каково состояние его родителей? «Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли, – сказала она. – Ведь есть же на свете богатые люди!» А между тем в рукописи было даже «пятьсот душ». Пушкин, видимо, почувствовал, что слишком контрастна будет пропасть между Гринёвыми и Мироновыми, и в последнюю минуту двести душ отобрал. (Может, он при этом примерил на себя, ведь в сентябре 1830 года Александр Сергеевич был введён во владение сельцом Кистенёвкой – частью болдинского имения, выделенной к его

свадьбе отцом. А в этой Кистенёвке было чуть поменьше – около двухсот душ).

Что касается имени Иван, то на протяжении столетий оно, действительно, было одним из самых употребительных в многомиллионных «низах». Но и среди дворян оно не ощущалось «низким». Достаточно вспомнить одного из ближайших пушкинских друзей Ивана Ивановича Пущина.

А Мария (Марья)... Таблица частотности употребления женских имён во второй половине XVIII века, составленная замечательным исследователем имён Владимиром Андреевичем Никоновым в весьма любопытной книге «Имя и общество», показывает: в это время, когда происходит действие «Капитанской дочки», Мария отнюдь не была именем «простым». Подавляющее большинство Марий было более или менее родовитыми дворянками. Среди воспитанниц Смольнинского института благородных девиц Марии по численности только чуть уступали Аннам в списке из почти 100 имён.

И только уже потом, в пушкинской первой половине XIX века, имя Мария заметно пошло в «низы». «Капитанская дочка» создавалась в те времена, когда частотность употребления этого имени в «верхах» и в «низах» выравнилась.

Таким образом, называя Марьей (Марией) свою неродовитую героиню, жившую во второй половине предыдущего века, Пушкин жил «именной модой» своего времени. И вряд ли в пугачёвские времена в маленькой дальней крепости жила бедная Марья.

Любопытно, что нечто похожее мы обнаружим в одном из комментариев Александра Сергеевича к поэме «Полтава» о героине, которую он тоже назвал Марией: «У Кочубея было несколько дочерей. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матрёной».

Почему же поэт изменил исторической правде? Да по той же причине: в начале XVIII века, когда происходит действие «Полтавы», имя Матрёна было у русских дворянок весьма модным, в четвёрке самых употребляемых. Но во времена Пушкина это имя стало ощущаться как грубо-просторечное. (Хотя в переводе звучит гордо: «госпожа»). А в моду вошла «Мария». Вот поэт и переделал Матрёну в Марию.

Кстати, и имя матери Марьи Ивановны, которую автор назвал Василисой Егоровной, тоже интересно проверить по никоновским таблицам. Ни одной Василисы среди смолянок не было. А вот имя более родовитой матери Петра Гринёва Евдокии (Авдотьи) Васильевны носило немало воспитанниц Смольнинского института благородных девиц, хотя охотно оно употреблялось и в «низах».

Надо отметить, что Пушкин был очень чуток и в именах вымышленных мужчин-героев повести. Быть может, кто другой и населил бы своё произведение сплошь Василиями, Григориями, Дмитриями, Игнатиями, Леонтиями, Николаями (эти имена, как видим, оканчиваются на «й») или же Аниками, Вавилами, Гаврилами, Данилами, Никитами (имена на «а»).

Но только не Пушкин. Выпишем все мужские имена из «Капитанской дочки» и рассортируем на три группы по окончаниям: на твёрдый согласный, на «й» и на «а». Итак, в повести в первой группе: Пётр (дед и внук). Архип (Савельич). Отец Герасим. Пять Иванов (капитан Миронов, поручик, Полежаев, Зурин и Ванька, повешенный на плоту в «Пропущенной главе». По начальному варианту это второй слуга Гринёва, поэтому-то Пётр «сильно был поражён и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачёву»). Но эта тема не получила своего развития. Семён (Кузов). Степан (Парамонов). Тарас (Курочкин).

Во второй группе: Алексей (Швабрин). И три Андрея (Гринёв-отец, генерал Р., и земский в «Пропущённой главе»). Башкир Юлай не в счёт, речь о русских именах.

И в третьей – Фомка-Фома Бикбаев.

А теперь сравним с данными уже упомянутого исследователя имён Никонова из книги «Имя и общество». В XVIII веке на твёрдый согласный оканчивалось около 60 процентов мужских русских имён. На «й» – примерно 26 процентов. На «а» – всего 14 процентов. В следующем, пушкинском XIX веке на твёрдый согласный осталось столько же, на «й» увеличилось на 10 процентов, а на «а» соответственно на эти же 10 процентов уменьшилось.

Теперь сочтём соотношение мужских имён в повести – и окажется, что Пушкин, будучи художником с идеальным «именным слухом», с большой точностью выдержал реально существовавшие в живой практике «процентные нормы».

Но уж фамилия Миронова выбиралась Пушкиным произвольно, она – не социально значащая? Нет, Александр Сергеевич и тут последователен.

Имя Мирон в русской традиции того времени утвердилось как простонародное. Недаром в одном из черновиков «Евгения Онегина» в сцене святочного гадания для комического эффекта после «Как ваше имя? Смотрит он...» Пушкин вместо окончательного Агафон пробовал и Мирон.

Поэтому и фамилия Мироновых не нейтральна. Она воспринималась и в пугачёвские, и в пушкинские времена как очень простецкая. Например, имя Мирон как подчёркнуто простонародное мы встретим у писателей конца XVIII века Владимира Игнатьевича Лукина в переделке иностранной комедии «Щепетильник» и Михаила Ивановича Попова в комической опере «Анюта».

Вот поэтому и получил фамилию Миронов комендант Белогорской крепости, «вышедший в офицеры из солдатских детей».

Хотя можно предложить и иные версии. Например, главе «Сирота» предпослан «яблонеый» эпиграф: «Как у нашей яблонки...» Быть может, когда Пушкин подыскивал фамилию для капитанского семейства, мелькнула у него ассоциация, ведь «миронкой» в Петербурге называли сорт яблок?

Чтобы закончить с темой фамилий, то и «Гринёв» – не первая попавшаяся. Автор её не придумал. Так же, как он не выдумал фамилий, которые сначала перебирал для главного героя повести. И это очень характерно именно для «Капитанской дочки», другого такого примера в творчестве Пушкина нет. Гринёв сначала мог быть Шванвичем, Буланиным, Башариным. Все они реально существовали и принимали участие в войне 1773-1775 годов: и подпоручик Михаил Шванвич, и прапорщик Иван Буланин, и капитан Иван Башарин. Всех их Пушкин нашёл в документах пугачёвщины. Правда, в шестом варианте плана повести есть Валуев, без привязки к событиям войны. Но его Пушкин исключил, скорее всего, по другой причине: П.А.Валуев, будущий граф и министр внутренних дел стал, как раз когда писалась «Капитанская дочка», зятем друзей поэта Вяземских, и ассоциации с ним автору были не нужны.

Что касается окончательной фамилии для главного героя повести, то крестьянско-казачья война, которую мы называем пугачёвщиной, знала подпоручика А.М.Гринёва, о котором Пушкин прочёл в правительственной информации об окончании процесса Пугачёва. И подполковника П.Б.Гринёва, командовавшего одним из отрядов правительственных войск, упомянутого в «Истории Пугачёва».

Фамилия эта Пушкину так понравилась, что он отбросил все остальные варианты и сначала дал её Зурину, в «Пропущенной главе» она так и осталась за этим воякой. А потом отобрал и отдал главному герою.

По «Этимологическому словарю русского языка» А.Г. Преображенского, древнее слово «гринь» означало «воин». Если Пушкин это знал, то причина появления фамилии главного героя

повести глубже, чем просто использование готовой, чем-то безотчётно понравившейся фамилии подлинных участников войны.

Хотя трудно объяснить, зачем Пушкин, с одной стороны, почему-то дотошно выбирал для героя фамилии подлинных, но второстепенных участников войны, а с другой, генерала Рейнсдорпа, личность историческую, наоборот, подменил «генералом Р.»? (Кстати, Александр Сергеевич отчего-то любил для фамильных инициалов две буквы: Р. и Б. Персонажи Р. есть ещё и в «Метели», и в «Барышне-крестьянке», и в «Романе в письмах», и в неоконченном «Гости съезжались на дачу». А господа и госпожи Б. есть тоже в «Капитанской дочке», в «Истории села Горюхина», «Рославлеве», «Гости съезжались на дачу», «Записках молодого человека»).

Губернатор обширной Оренбургской губернии, вошедший в историю России хотя бы в связи с пугачёвщиной, генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп родился около 1730 года, то есть к пугачёвщине ему было 43 года. Известный пушкинист Реджинальд Васильевич Овчинников писал, что по архивным и мемуарным материалам Александр Сергеевич не мог бы установить подлинного возраста Рейнсдорпа. Но Пушкин должен был это знать, в его бумагах сохранилась выписка из биографии Рейнсдорпа, взятой из «Словаря достопамятных людей русской земли» Бантыш-Каменского.

Пушкин губернатору и имя-отчество переменял на Андрея Карловича.

И в повести мы видим «мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоановны». Однако на известном портрете даже пятидесятилетнего Рейнсдорпа он не только не сгорблен, а наоборот, словно штык проглотил, лицо молоджавое, на голове парик, но видно, что до седины ещё далеко, и мундир новёхонький. Нет сведений, что Пушкин видел этот портрет, но текстом повести он как можно дальше отходит от реального генерал-поручика.

Почему? Видимо, дряхлость генерала Р. нужна автору и как мотивировка его старческой инерции, нерешительности и безволия. И Пушкин пожертвовал историей ради цельного и оригинального художественного вымысла. Право у автора повести на это есть. Хотя Екатерину Вторую, графа Миниха, полководцев Михельсона и Голицына автор оставил в повести, как они были. Один генерал-поручик Рейнсдорп пострадал. И некоторые читатели, особенно современники Пушкина, ощущали, наверное, какое-то недоумение. После крестьянско-казачьей войны прошло тогда всего 60 лет,

меньше, чем для нас, нынешних прошло после Великой Отечественной войны. И в памяти ещё очень живы были и обстоятельства той войны, и её участники, тем более руководитель обороны Оренбурга.

Но границы художественного вымысла – тема для размышлений и споров. В «Истории Пугачёва», естественно, никакого генерала Р., только подлинный Рейнсдорп.

Итак, Пушкин даёт имя, отчество, фамилию героям «Капитанской дочки» не случайно, надо же, мол, как-то назвать их. Это, как правило, продуманная творческая находка, либо результат поисков в исторических источниках, либо вымысел, опирающийся на реально существовавшие традиции, моду и пропорции. И объект для важных и любопытных литературоведческих исследований антропонимов – единичных имён собственных или совокупности имён собственных, идентифицирующих людей.

«Капитанская дочка» в этом смысле – объект бесценный.

А.С. Пушкин и В.И. Даль. Встречи и беседы

Матвиевская Г. П.

Одной из самых ярких страниц истории культурной жизни Оренбурга XIX века стало краткое пребывание А.С. Пушкина в нашем городе 18–20 сентября 1833 г. Об этом событии напоминает прекрасный памятник работы Н.Г. Петинной, представляющий фигуры А.С. Пушкина и В.И. Даля, который сопровождал поэта, почти не расставаясь с ним до его отъезда в Уральск.

Автор бессмертного «Словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль отличался редкими дарованиями и разнообразными интересами. Он был знаменитым в своё время писателем, морским офицером, талантливым хирургом, прошедшим нелегкий путь военного врача в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг., ученым-натуралистом, которого Петербургская Академия наук избрала своим членом-корреспондентом, а также этнографом и фольклористом. Важную роль в его биографии сыграл Оренбург, где он провел на государственной службе восемь лет и где смог проявить все творческие возможности своей многогранной личности.

Родился В.И. Даль 22 (10 по старому стилю) ноября 1801 года в Луганске, в семье старшего лекаря литейного завода. Его отец, по происхождению датчанин, переселился в Россию в екатерининское

время и, связав себя с ней навсегда, воспитал своих детей подлинными патриотами новой родины. Среди предков его жены были немцы, французы, швейцарцы, но сама она родилась и выросла в России, а её мать, бабушка В.И. Даля, не просто знала и любила русский язык, но занималась литературными переводами с немецкого и публиковала их.

В.И. Даль получил начальное образование дома и продолжил его в Петербурге, в Морском кадетском корпусе. Окончив его в 1819 г., он служил сначала на черноморском, а затем на балтийском флоте до 1826 г., когда принял решение отказаться от морской карьеры и стать врачом. Он начал изучать медицину в Дерптском университете и вскоре сделал блестящие успехи, особенно в хирургии. Из-за начавшейся турецкой войны ему пришлось окончить курс раньше срока: в марте 1829 г., сдав экзамены и получив диплом доктора медицины, он отправился в действующую армию. Войну Даль прошёл ординатором передвижного госпиталя и после завершения кампании был награждён «за усердную службу» орденом Св. Анны 3-й степени. Позднее он заведовал лазаретом в Умани, боролся с холерой в Каменец-Подольском, а в 1831 г. вновь оказался в действующей армии – при подавлении польского мятежа.

Здесь В.И. Даль имел случай применить свои технические познания и опыт морского офицера: в сложных боевых условиях он сумел с помощью подручных средств – плотов, лодок, паромов, бочек – построить понтонный мост через Вислу и организовать переправу войск, что немало способствовало окончательной победе. За польскую кампанию он был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени.

После войны В.И. Даль переехал в столицу, получив весной 1832 года место ординатора в петербургском военном госпитале. Вскоре он прославился своими хирургическими операциями, особенно глазными, которые проводил виртуозно.

Но напряжённая профессиональная деятельность медика не до конца заполняла жизнь Даля. Как известно, в нем с юных лет проявился литературный талант и обостренный интерес к народному языку, побуждавший его в течение всей жизни собирать областные слова и обороты речи, пословицы, поговорки и т.д. Литературой он начал заниматься ещё в кадетском корпусе, а печататься стал, будучи студентом Дерптского университета.

В Петербурге он скоро вошёл в круг столичных литераторов, которым, по словам его биографа, «были известны необыкновенные способности Даля, разнообразие его познаний, честная самостоятельность характера и скромное, упорное трудолюбие». В

журналах стали появляться его статьи за подписью «Владимир Даль, отставной флота лейтенант и доктор медицины», а в 1832 г. он опубликовал – под псевдонимом «Казак Луганский» – первый сборник русских сказок, который сразу принёс ему литературную известность.

Этот же сборник по существу оказался причиной нового крутого поворота в жизни В.И. Даля. Сатирический тон сказок вызвал подозрение в политической неблагонадёжности автора. Он был привезен в III отделение императорской канцелярии и подвергся аресту, впрочем, недолгому, так как в результате ходатайства влиятельных друзей сразу же последовало его освобождение. Однако под впечатлением инцидента Даль с готовностью принял должность чиновника особых поручений, предложенную ему В.А. Перовским, который в это время был назначен оренбургским военным губернатором.

В Оренбург В.И. Даль прибыл летом 1833 г. и в августе получил первое важное поручение. В распоряжении В.А. Перовского от 17 августа значилось: «Предполагая употребить Вас по разным делам внутри вверенного мне края и желая, чтобы Вы не упускали случая ознакомиться со всеми подробностями и наипаче местностями его, предлагаю Вам... отправиться на первый раз в землю уральских казаков».

Предстояло выяснить причины разногласий недавно назначенного управляющим уральским казачьим войском В.О. Покотилова с войсковыми старшинами. В.И. Даль установил, что дело было в их претензиях на «власть атаманскую» по праву «местных уроженцев». В течение месяца он проехал, по его словам, «от Оренбурга через Уральск до Гурьева, обратно до крепости Калмыковой, от оной до Букеевской орды, обратно по Узеням на Александров Гай в Уральск и, наконец, степною дорогою через Илецкий городок и Оренбург», всего 2050 верст.

Вернувшегося из командировки В.И. Даля поджидала большая радость: 18 сентября в Оренбург приехал А.С. Пушкин, собиравший материалы для своей «Истории Пугачёвского бунта». «Пушкин, – вспоминал впоследствии Даль, – прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора В.А. Перовского, а на другой день перевёз я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачёвым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, на остатки земляных работ между

Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачёву, на зауральскую рошу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, – о так называемом секретаре Пугачёва Сычугове, в то время ещё живом, и о бердинских старухах, которые помнят ещё «золотые» палаты Пугача, то есть обитую медною латуною избу».

Даль описал поездку в Бёрды, «бывшую столицу Пугачёва» и встречу со старухой, «которая знала, видела и помнила Пугача». По его словам, «Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращённая в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных своему долгу сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачёва». Под конец «старуха спела также несколько песен, относящихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец». Даль навсегда сохранил в памяти разговор с поэтом о литературе: «По пути в Бёрды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что ещё намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман»[1].

В примечаниях к опубликованной в 1836 г. «Сказке о Георгии Храбром и волке» Даль отметил: «Сказка эта рассказана мне А.С.Пушкиным, когда он был в Оренбурге, и мы вместе поехали в Бердскую станицу, место пребывания Пугача во время осады Оренбурга. Этот разговор состоялся 19 сентября 1833 г.».

Запомнился Далю и эпизод, связанный с директором Неплюевского военного училища К.Д. Артюховым, с которым он был очень дружен. «В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свёл его к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, весёлому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике написаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда весёлый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошёл, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откушать пива или мёду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на рисованный предбанник, завёл речь об охоте». Этот разговор очень позабавил поэта, и в знак симпатии он прислал через год Артюхову на память «Историю Пугачёвского бунта» с надписью: «Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валленштейном».

Один вечер А.С. Пушкин провёл в гостях у В.И. Даля. Об этой встрече известно благодаря Е.З. Ворониной, посетившей Оренбург

вскоре после отъезда поэта. Ссылаясь на рассказ жены Даля Юлии Егоровны, она писала: «Как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь. Он приезжал ненадолго и бывал только у нужных ему по его делу людей или у прежних знакомых. Две её знакомые барышни узнали от неё, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они вдвоём будут сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за его движениями, видели, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные».

В последующие годы В.И. Даль, совмещая службу с писательской деятельностью, поддерживал постоянную связь со столичными литераторами и был в курсе всех волновавших их дел. Встретиться с ними, в том числе и с А.С. Пушкиным, лично ему довелось только зимой 1836 – 1837 гг. Он сопровождал В.А. Перовского, который во время длительной командировки получил правительственную оценку многих важных для Оренбургского края проектов.

С поездкой в Петербург у В.И. Даля были связаны литературные планы. Ему предстояло выяснить отношения со столичными издателями, Это касалось прежде всего редактора журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского (1800 – 1858). Известный ученый-востоковед, занявшийся литературой и писавший под псевдонимом «барон Брамбеус», он снискал себе как журналист дурную славу. Редактируя журнал, Сенковский допускал произвол по отношению к авторам и их текстам, что крайне возмущало Даля. О своём негодовании по поводу действий Сенковского Даль писал своей сестре П.И. Шлейден 7 марта 1836 г.: «Георгий Храбрый», сказка моя, напечатана в «Библиотеке», но опять с такими исправлениями, что они меня вывели из терпения; я написал к Смирдину, и требую, чтобы он отдал все рукописи мои и не печатал бы ничего моего в «Библиотеке». Сенковский этот подлый, самолюбивый и нахальный человек, который оседлал Смирдина и делает, что хочет».

В письме к сестре от 4 октября Даль опять вспоминает «барона Брамбеуса, который, чай, скоро будет подписываться Наполеон, Чингиз-хан и Бог знает чем».

Свои чувства к Сенковскому Даль выразил в написанной им в августе 1836 года статье «Во всеуслышание», которую адресовал А.С. Пушкину как издателю нового журнала «Современник». «Какой вольный казак словесного царства, – спрашивал Даль, – потерпит над собой и над самим художеством самовластие этого хивинского хана?

И взгляните на всё, что он писал, то есть сам писал, а не набрал на прокат у других: в науке положительной он, может быть, полезен; но в изящной словесности писатель безвкусный, приторный, неблагопристойный, развратный, а разврат всегда распространяется и прививается легче и скорее, чем сама добродетель. Вот почему хан этот опасен и вреден»[2].

Даль видел в пушкинском «Современнике» журнал, основанный «с достойной и благородной целью», и высказал уверенность, что чувство, испытываемое в обществе к Пушкину, должно «воспламенить каждого к благородному соревнованию на поприще полезного и изящного».

Круг столичных литераторов принял Даля как уже признанного писателя, автора многих произведений, получивших к тому времени широкую популярность. Он активно включился в развернувшуюся борьбу против «торгового» направления в журналистике, которое олицетворял О.И. Сенковский. Против него выступали близкие Дально по взглядам В.Ф. Одоевский, А.А. Краевский, В.А. Сологуб, А.П. Башуцкий и другие. Центральной фигурой этой группы литераторов был А.С. Пушкин.

Даль встречался с Пушкиным часто и дружески. По-видимому, он передал ему статью «Во всеуслышание», но в «Современнике» она так и не появилась: журнал перестал выходить из-за трагической смерти издателя.

Эту статью Даль, вероятно, отдал Пушкину поздней осенью 1836 года, когда, сопровождая В.А. Перовского, приехал в Петербург и провёл в столице всю зиму. Именно тогда произошла дуэль поэта. Трагические часы после неё В.И. Даль – как врач и друг – провел у постели раненого и оставил потрясающие своей искренностью воспоминания о последних часах жизни А.С. Пушкина. «Я приблизился – писал он позднее – к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты, – я ответил ему тем же и побратался с ним уже не для здешнего мира». Как вспоминал К.К. Данзас, Даль «до самой смерти Пушкина оставался в его доме с другими друзьями Пушкина и отлучался только на несколько минут. Пушкин не был коротко знаком с Далем и говорил ему "вы", а в последние минуты начал говорить "ты"»[3].

В записках В.И. Даля, озаглавленных «Смерть А.С. Пушкина», передано потрясение от потери великого человека, побратавшегося с ним «уже не для здешнего мира». Он восхищается мужеством Пушкина, который «заставил всех присутствующих сдружиться со

смертью, так спокойно он ожидал ее, так твердо был уверен, что последний час его ударил»[4].

Даль писал: «В продолжение долгой, томительной ночи глядел я с душевным сокрушением на эту таинственную борьбу жизни и смерти, и не мог отбиться от трех слов из «Онегина», трех страшных слов, которые неотвязчиво раздавались в ушах, в голове моей, – слова: «Ну, что ж? – убит!». О, сколько силы и красноречия в трех словах этих! Они стоят знаменитого шекспировского вопроса: «Быть или не быть». Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, – я сидел, не смеядохнуть, и думал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни, здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!»[5].

Воспоминания Даля стали для исследователей жизни Пушкина важнейшим документом, который составил не только глубоко потрясенный друг, но и опытный врач, поставивший диагноз и объективно описавший ход смертельного недуга. Он очень точно (это подтверждено воспоминаниями других очевидцев смерти Пушкина) воспроизвел все подробности той страшной ночи. Поэтому его записками воспользовался В.А. Жуковский, который 15 февраля 1837 г. писал С.Л. Пушкину о последних часах жизни его сына [6]. В то же время записки В.И. Даля – это медицинский документ, в котором с протокольной четкостью и точностью описано развитие последствий пулевого ранения, дано – на основании вскрытия тела – заключение о смертельном характере этого ранения и о потере крови как причине смерти. В разное время В.И. Даль обнародовал все, что ему было известно об А.С. Пушкине. Особый интерес представляют воспоминания об их встречах, в том числе о встрече в Оренбурге в 1833 г. и совместной поездке в Берды. Даль писал в этой связи: «Пусть бы всякий сносил в складчину все, что знает не только о Пушкине, но и о других замечательных мужах наших. У нас все родное теряется в молве и памяти, и внуки наши должны будут искать назидания в жизнеописаниях людей не русских, к своим же поневоле охладеют, потому что ознакомиться с ними не могут; свои будут для них чужими, чужие сделаются близкими. Хорошо ли это?»[7].

В написанных около 1840 г. «Воспоминаниях о Пушкине» В.И. Даль упомянул о вещах поэта, которые он получил на память. «Мне достался – пишет он – от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл – не знаю почему – талисманом; досталась от В.А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы

положить в гроб». Позднее Даль рассказывал П.И. Бартеневу, что Пушкин заходил к нему за несколько дней до дуэли и, указав на этот сюртук, только что сшитый, назвал его «выползиной» (т.е. кожей, которую меняет змея), и сказал, что сбросит ее не скоро.

Этот простреленный сюртук видел в 1856 г. у Даля И.И. Пущин, которому он говорил, что собирается принести его в дар Академии наук или Публичной библиотеке. Даль как-то заметил, что сюртук А.С. Пушкина был подарен им М.И. Погодину. Впоследствии эта реликвия оказалась утерянной. Перстень же Пушкина, золотой, с изумрудом квадратной формы, сохранившийся до наших дней, стал талисманом и для Даля. Он писал В.Ф. Одоевскому: «Перстень Пушкина... для меня теперь настоящий талисман. Как гляну на него, так и пробежит по мне искра с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное»[7].

Перстень хранился в семье В.И. Даля. В 1880 г. на московскую юбилейную выставку его доставила его средняя дочь О.В. Демидова. Затем он находился у президента Императорской Академии наук Великого князя Константина Константиновича. В 1915 г. передан в Пушкинский Дом.

По возвращении в Оренбург, летом 1837 года, Даль написал стихотворение «Не стыдно ль вам!», в котором выражены те же чувства и мысли, которыми проникнуты строки знаменитого «На смерть поэта» М.Ю. Лермонтова

1 сентября он писал А.А. Краевскому, что 24 июля послал ему через литератора А.П. Башуцкого «преполитическое» стихотворение «Не стыдно ль вам!», которого, «вероятно, нельзя будет напечатать». И действительно, напечатано оно не было. Его рукописный текст хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Он написан писарским почерком, но под ним значится собственноручная подпись Даля. Здесь же – его карандашная приписка: «Прошу покорнейше передать князю В.Ф. Одоевскому или Краевскому для помещения в «Литературные прибавления»». Ниже А.А. Краевский отметил: «Статья написана в свое время, но запоздавшая несколько в печати».

Приводим текст этого неизвестного стихотворения В.И. Даля.

НЕ СТЫДНО ЛЬ ВАМ!

Не стыдно ль вам полвека без оглядки

Мычать, рычать, буянить, пировать,

Святым играть, заветного не знать,

Не стыдно ль вам своей бессовестной повадки?

Святыню вы давно стоптали в прах и грязь;
Святого нет для вас, – для вас оно погибло;
Вам буйство – и кумир и князь
И своеволие волю вам подшибло.
Кричит любой из вас за семерых,
Скрежещет, злобствуя, зубами
И на дыбы взвиваться лих
И мечет честью, что плевками...
И благо и добро вам пустышь, вздор и сор;
Что свято для других, для вас одна игрушка;
Греха не знаете, вам совесть не укор;
Зато существенны – цветы, полоска, мушка,
Покрой жилетный да узор!!
О пустословия и похвальбы
Преголосистые, заносчивые барды!
Горазды вы причесывать чубы,
Отращивать усы и бакенбарды,
Да обмолачивать, на беззаботье,
Всех пошlostей хвостец да ухоботье!
Не стыдно ль вам, что ваши короли
Без пистолетов со взведенными курками,
Без взвода палашей, среди своей земли
Не смеют показаться между вами?
Кареты строят, словно корабли,
И обивают их железными листами?
Не стыдно ль вам – не нас, себя самих,
Коли хоть искра в вас стыда найдется,
Не стыдно ль внуков вам своих,
Что им за вас краснеть придется?
Какой дадут они ответ
За эту бездну зол и бед,
Когда их спросят наши внуки?
За этот вздор, за этот бред,
За шалостей бессмысленных черед
И в пакостях сердца погрязшие и руки!
Да, гадко слушать вас и жалостно глядеть,
Как вам с похмелья все мережится пирушка!
Пора, пора самих себя вам пожалеть,
Не дешево далась вам эта побрякушка!
Чего вам на стену, как бешеному, лезть
И нянчить сатану и день и ночь возиться?

*Пора, пора уgomониться,
Пора опомниться, присесть,
Пора бы вам – перебеситься!
В. Луганский.*

Литература:

1. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 1985. – Т. 2. – С. 260 – 262.
2. Даль, В.И. Во всеуслышанье / В. И. Даль // Русский архив. – 1880. – № 3. – С. 479.
3. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 1985. – Т. 2. – С. 378.
4. Там же. – С. 267.
5. Там же. – С. 268-269.
6. Там же. – С. 393-407.
7. Там же. – С. 264.
8. Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. – М., 1952. – Т. 58. – С. 145.

Так чем же вальдшнеп похож на Валленштейна?

Савельзон И. В.

Через полтора года после возвращения из поездки по местам пугачёвского восстания Пушкин отправляет в Оренбург три экземпляра вышедшей «Истории пугачёвского бунта», прилагая их к письму военному губернатору В.А.Перовскому.

Март – апрель 1835 г. Из Петербурга в Оренбург.

Посылаю тебе «Историю Пугачёва» в память прогулки нашей в Бёрды; и еще 3 экземпляра, Далю, Покатилу и тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания в степях или над Уралом.

А. П.

В этих кратких строчках выделяется употребление трёх слов – «вальдшнепы», «Валленштейн» и «Кесарь»; будучи все иноязычными, они образуют некое стилевое, а тогда, скорее всего, и смысловое единство. Именно к тому, что имел в виду Пушкин в этих словах, каким смыслом их связал и для чего рядоположил, мы обратимся в настоящей статье.

О том, кто был этим «охотником», написано много и убедительно, – собственно говоря, установление личности инженер-

полковника, директора оренбургского Неплюевского военного училища Константина Демьяновича Артюхова не вызвало ни затруднений, ни споров. Вопросы и предположения возникли у исследователей относительно самих мемуарных описаний той встречи в бане у К.Д.Артюхова. Главными были вопрос о тех, кто присутствовал при беседе Артюхова и Пушкина, в частности – находился ли там В.И.Даль, а следовательно – вопрос о степени документальности и достоверности дальевских «Записок о Пушкине»[1]. Вот их текст:

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свёл его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, весёлому и чрезвычайно забавному собеседнику. В передбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда весёлый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошёл, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откушать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписной передбанник, завёл речь об охоте. "Вы охотитесь, стреляете?" – "Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке". – "Что же вы стреляете, уток?" – "Уто-ок-с?" – спросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадательный взгляд. – "Что же? разве вы уток не стреляете?" – "Помилуйте-с, кто будет стрелять эту пададь! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи – ударишь её по загривку, она свалится боком, как топор с полки, бьётся, валяется в грязи, кувыркается... тьфу!" – "Так что же вы стреляете?" – "Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рожицу, как запустишь своего Фингала, – а он нюх-нюх направо– нюх налево,– и стойку: вытянулся, как на пружине, – одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка, загорелся, столбом взвился"... – "Кто, кто?" – перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. – "Кто-с? разумеется кто: sluка, вальдишнep. Тут царap его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), – а он только раскинет крылья, головку набок – замрёт на воздухе, умирая, как Брут!"

Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память "Истор. Пугач. бунта", написал: "Тому офицеру, который сравнивает вальдишнепа с Валентейном".

Несколько мемуарных абзацев из книг военного историка Н.П.Иванова[2], в 1833 году бывшего кадетом Неплюевского военного училища и с большей вероятностью, нежели Даль, при той встрече бывшего, неоднократно были уличены в неточностях и

слабом понимании происходившего перед его глазами – и достоверным свидетельством считаться не могут.

Внешняя их принадлежность к числу добросовестных мемуаров – при отсутствии других свидетельств – зачастую некритически воспринималась дальнейшими исследователями. См., напр., описание этой сцены у Г.И.Чулкова: «Восемнадцатого числа Пушкин был в Оренбурге. Первый визит его был к инженер-капитану К. Д. Артюхову, которого он встречал в Петербурге и даже был с ним на «ты». Этот инженер-капитан был весельчак и балагур. Пушкин прежде всего пожелал пойти в баню. Хозяин сопровождал его. Предбанник расписан был сценами охоты, и Артюхов забавлял поэта охотничьими рассказами и с таким азартом описывал, как геройски умирает вальдшнеп, что Пушкин, посылая ему впоследствии экземпляр «Истории Пугачёвского бунта», надписал на нем такому-то, «сравнившему вальдшнепа с Валленштейном» («Жизнь Пушкина», 1936).

Но разгадка кроется в прочитанных вместе, купно далевских воспоминаниях и пушкинском письме.

Несмотря на яркость и очевидную каламбурность рядоположения в пушкинском письме слов «вальдшнепы», «Валленштейн» и «Кесарь», они ещё не стали объектом целенаправленного осмысления и разгадки. Комментарии к слову «Валленштейн» в данном контексте немногочисленны и поверхностны.

Первый дан к самим «Запискам о Пушкине» В.И.Даля (как мы помним, тоже содержащим попытку пересказа пушкинского письма к В.А.Перовскому: «*Пушкин расхохотался и прислав ему через год на память "Истор. Пугач. бунта", написал: "Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валеништейном"*»)[3]:

А.Валленштейн (1583–1634), знаменитый австрийский военачальник, был ложно обвинён в измене и убит; встретил смерть с большим достоинством и спокойствием[4].

Второе разъяснение мы встретили в конспекте школьного урока по литературе в 5 классе, посвящённого теме «В. И. Даль в Оренбургском крае. Рассказ «Охота на волков»»[5]:

Валленштейн – обер-комендант г. Оренбурга, служивший там во времена пугачёвского бунта.

Но опытный учитель мог допустить неточность, воспользовавшись источником, содержащим эту ошибку. В книге «Немцы на Южном Урале» Валленштейном назван Валленштерн:

«Благосклонные» исторические оценки получили коменданты пограничных дистанций и крепостей: комендант Таналыкской крепости подполковник А. Расс, обер-комендант Оренбургской крепости генерал-майор К.И. Валленштейн, командир Троицкой дистанции крепостной бригады А.А. Дефейервар, командир Озёрской дистанции бригадир А.А. Корф, командир поселений отставных солдат А.И. Миллер и другие[6].

О Валленштерне «Оренбургская Пушкинская энциклопедия» даёт содержательную статью:

ВАЛЛЕНШТЕРН (Валленстерин, Валленстерн) Карл Иванович (1712 – не ранее 1781) – обер-комендант Оренбурга, генерал-майор. Происходил из шведского дворянства, в русскую военную службу вступил в 1738 г., участвовал в Семилетней войне, а в последующие годы служил в полевых войсках в Сибири, командовал там драгунским полком; в 1769 был произведён в полковники. 21 апреля 1773 Валленштерна назначили обер-комендантом в Оренбург с производством в чин генерал-майора; на этом посту он находился до 1780.

Во время пугачёвской осады Оренбурга Валленштерн возглавил оборону города; под его начальствованием было до 5000 гарнизонных солдат, оренбургских и яицких казаков, конных калмыков, башкир и татар, ополченцев из горожан, а также до 80 пушек. В боях против войска Пугачёва он действовал безынициативно и неумело. Ни одна из возглавлявшихся им вылазок не имела успеха; каждая из них сопровождалась немалыми потерями[7].

Неоднократно и сам Пушкин упоминает о Валленштерне в «Истории Пугачёва», давая ему как военачальнику весьма невысокую оценку.

Но в приведённом выше письме Пушкина упоминается «Валленштейн», да и у Даля – «Валенштейн».

Наконец и в-третьих, В.И. Порудоминский в книге «Даль»[8] поясняет слова «тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или Кесарем» сноской: «То есть «чрезвычайно забавному собеседнику», инженер-капитану Артюхову. – В. П.».

Но в чём же, собственно, состоит забавность такого сравнения?

Возможно было бы предположение о чисто фонетической основе пушкинского каламбура – слова «вальдшнеп» и «Валенштейн/Валленштейн» начинаются с одного слога «вал». Однако в описании разговора Пушкина и Артюхова ни у Даля, ни даже у Иванова, демонстрирующего весьма свободную фантазию, ничего подобного этой фамилии не упоминается ни прямо, ни

намёком. Более того, об этом эпизоде Даль вспоминает в своих рассказах «Болгарка» и «Охота на волков», употребляя тот же оним «Валенштейн».

Собираясь помечтать в этом приятном положении и расположении, захохотал я почти вслух, вспомнив, как товарищ мой, которого выстрелы слышались в отдалении, красноречиво уверял однажды дорогого Петербургского гостя, который заехал к нам в Оренбург, что слука или вальдишнеп самая благородная птица на целом земном шаре; что она, будучи убита, не бьётся и не трепещется в неприличных акробатических телодвижениях, а умирает, как Брут, как Сократ. – К этому вспомнил я и ответ незабвенного гостя, который прислал из Питера товарищу моему книжку о Пугачёве, с замечанием: «тому Офицеру, который сравнивает вальдишнепа с Валеништейном» Его уж нет» («Болгарка»).

Съезд был изрядный: весёлый хозяин ходил по всем комнатам, где расположились гости, шутил, смеялся, иногда и подсмеивался, а вокруг все были заняты пересмотром ружей, насыпкой порошниц и дробниц, а более также весёлой болтовней; тут был и памятный доселе в том краю, всеми любимый записной охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде, и умевший смешить всех самыми пустыми и пошлыми островами: он стрелял слуку по сарафану, утку по салопу; он зайцу задавал прыску вдогонку, а убив его, никогда не забывал отдать ему последнюю честь, приложив руку к козырьку – словом, как я сказал, пошлые ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкин, познакомясь с ним в Оренбурге и попарившись у него в бане, с расписанным охотой передбанником, прислал ему после своего Пугачёва, но забыв прозвание его, написал: «Тому офицеру, который сравнивал вальдишнепа с Валеништейном» («Охота на волков»).

Разгадка пушкинской шутки проста.

Пора рассмотреть возможные связи образа вальдшнепа, достойно принимающего смерть, – и Валленштейна, заодно выяснив, кто это был.

«Валленштейн, носивший титулы герцогов Фридланда, Сазана, Мекленбурга, князя Вендского, графа Шверина, владельца земель Ростока и Штаргарда, звания главнокомандующего имперской армией и адмирала Балтики и Океана-моря (чисто испанское звание), имел много печатей и шифров, которыми он заверял свои письма. Современники называли Валленштейна Альбрехтом Венцелем Евсеем фон Вальдштейном (Вальштейном, Валленштейном), затем герцогом Фридландским, наконец, имперским князем и герцогом

Мекленбургским по мере пожалования ему титулов и званий»[9], – так очерчивает фигуру выдающегося полководца и политика Европы XVII века современный историк, профессор Ю.Е. Ивонин.

Какие же черты образа знатного военачальника могли связать его с беседой в оренбургской бане?

Весьма показателен в этой истории пример Г.И. Чулкова – автора заметной и убедительной книги «Жизнь Пушкина», к которой мы уже обращались. Теперь пришла пора привести его примечание к процитированному нами выше его пересказу воспоминаний Н.П.Иванова и В.И.Даля, касающееся фамилии «Валленштейн»:

Валленштейн Венцеслав Евсеевич Альбрехт (1583 – 1634) – германский имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне (1618 – 1648). Одержал ряд побед над войсками датского короля Кристиана. По обвинению в измене был отстранён от командования и убит своими офицерами.

Вероятно, сам Чулков вставлял в свою книгу эти исторические сведения, ощущая их полную оторванность от сути разговора Пушкина и Артюхова, а равно и от явного, но в той же мере непонятого пушкинского каламбура. Птица не может быть ни полководцем, ни изменником, ни жертвой заговора... Но больше ему вставить в комментарий было нечего.

Практически все пишущие о кончине герцога Валленштейна подчёркивают его спокойствие, высокомерное и презрительное, с которым он встретил ворвавшихся в его спальню убийц. Зачастую это спокойствие объясняют (особенно в околонуточных или бульварных изданиях) его познаниями в тайных науках, а то и точным предсказанием, содержавшимся в давно хранимом им гороскопе, составленном И.Кеплером.

Когда в спальню герцога Альбрехта фон Валленштейна ворвались убийцы, он отнюдь не удивился. Ему ли, всю жизнь доверявшему звездам больше, чем людям, не знать: планеты выстраиваются в линию – по одну сторону от Солнца Сатурн и Юпитер, а по другую – Меркурий и Венера. Значит, пришло время умереть. Гороскоп предсказал: при таком положении небесных светил Альбрехт должен встретить свою смерть... [10].

Во многих источниках описывается то, что Валленштейн спокойно принял смертельный удар алебардой в грудь. Казалось бы, это уже некоторый повод для того, чтобы сравнить его поведение с красивой, по мнению Артюхова, смертью, принимаемой вальдшнепом?

Однако само существование воспоминаний Даля и воспроизведённые им подробности почти актёрского монолога Артюхова позволят нам более точно проследить ход мыслей Пушкина и попытаться назвать источник образа Валленштейна в пушкинском письме-воспоминании.

Трудно понять, почему Даль в «Записках о Пушкине» вводит в реплику Артюхова, живописующего величественную гибель вальдшнепа, имя Брута. Марк Юний Брут Цепион покончил жизнь самоубийством после одного из военных поражений, и параллели здесь не может отыскаться никакой. Возникают лишь два варианта событий: то ли К.Д.Артюхов (в артистическом запале), то ли В.И.Даль (при записи слов, прозвучавших семью годами ранее, а потом – и в двух художественных текстах) допустили ошибку, назвав имя убийцы вместо имени убитого.

Ведь множество историков и художников отмечали хладнокровие именно Гая Юлия Цезаря (вовсе не Брута), принимавшего смерть от предавших его соратников, например:

Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнажённым мечом, накинул на голову тогу и поставил себя под удары (Плутарх. «Цезарь»).

Возникающее в рассказе «Болгарка» (первая редакция – 1837) имя Сократа почти наверняка введено в воспоминания героя-рассказчика, очень близкого к автору, самим Далем. В художественном тексте он имел больше прав на личную интерпретацию воспоминаемых событий, нежели в «Записках о Пушкине», претендующих на документальность. Не забудем ряд существенных упрёков, высказанных ему за расхождение с действительностью в «Записках...» Н.О. Лернером и Д.Н.Соколовым[11] – перечислять и разбирать их не входит в задачу нашей статьи, которая этот ряд удлинит*.

Так или иначе, сам подбор имён Брута (даже вместо Цезаря) и Сократа свидетельствует о главной мысли, которую трижды одинаково посылает читателю Даль: Артюхов, сравнивая вальдшнепа именно с этими историческими лицами, восхваляет птицу за

*Так, например, Даль в «Записках о Пушкине» досадует на себя за то, что не успел рассказать Пушкину «ещё пугачёвщину» – сообщение о случае, бывшем с ним, Далем, в Уральске во время визита цесаревича Александра Николаевича (июнь 1837 года). Однако досада эта совершенно напрасна: Пушкин ушёл из жизни почти полугодом ранее этого случая.

величественность и гордое спокойствие, с которыми та встречает гибель. Главными в понимании Даля были слова, описывающие гордость и самообладание убиваемого, но не побеждённого:

А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), – а он только раскинет крылья, головку набок – замрёт на воздухе, умирая, как Брут!"

Однако ответы на дальнейшие вопросы даст уже пушкинское письмо.

Раньше всего – самым своим появлением: артюховские филиппики благородной и бесстрашной птице вальдшнепу действительно были произнесены в Оренбурге в общении с Пушкиным, коли на них поступил ответ. Во-вторых, подбор имён в письме и в памяти Пушкина отличается от данного Далем, который словно перемещается от Брута к Бруту с Сократом, оставляя слово «Валленштейн» лишь как произнесённое – вернее, написанное – не им, а Пушкиным, от него исходящее и им осмысленное. Этот оним Даль бережно сохраняет и воспроизводит, но ни разу не объясняет. У Пушкина звучит ясное «Кесарь» – «Цезарь» и «Валленштейн» через два «л». Ни Брута, ни Сократа для сопоставления с монологом Артюхова Пушкин не привлекает. Его каламбур – ответ на комический монолог Артюхова и надстройка над ним.

Перу Шиллера принадлежит драматургическая трилогия, созданная в год рождения Пушкина – «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» (1799). Однако в трагедии «Смерть Валленштейна» нет сценического изображения заглавного события: оно, к которому восходило действие трёх пьес, выведено в минус-приём; зритель должен сам его нарисовать в воображении. Вот какой ремаркой заканчивается седьмое явление пятого действия:

Перешагнув через труп, убийцы идут по галерее. Слышно, как в отдалении одна за другой падают две двери. Глухой шум голосов, лязг оружия, потом внезапно мертвая тишина.

Между тем сцена убийства Валленштейна описана Шиллером в книге «Тридцатилетняя война» (1789), вызвавшей через десять лет появление драматургической трилогии** (в России первое издание

**Представляется небезынтесной параллель между двумя парами текстов – научно-исторической и художественной природы – у Шиллера и Пушкина: названным текстам Шиллера можно уподобить «Историю Пугачёва» и «Капитанскую дочку». Однако такая параллель не касается основного нашего

этого труда состоялось в 1815 году). И именно в этом описании, по нашему предположению, кроется источник и смысл пушкинской шутки. Вот оно:

Деверу со своими подручными уже вломился в комнату. В одной рубашке, как вскочил с постели, Валленштейн стоял у окна, прислонясь к столу. «Так это ты, негодяй, задумал предать врагу войско императора и сорвать корону с главы его величества? – кричит Деверу. – Умри же!» Он помедлил минуту-другую, как бы дожидаясь ответа. Но изумление и надменность замыкают уста герцога. Широко раскинув руки, принимает он смертельный удар в грудь и безмолвно падает, обливаясь кровью[12].

Позволим себе повторить приведённую выше фразу из «Записок о Пушкине» В. Даля, выделив теперь другой отрезок текста, повторяющий выделенный нами в цитате из Шиллера:

*А он (продолжал Артюхов, **раскинув руки врозь, как на кресте**), – а он только **раскинет крылья, голову набок – замрёт на воздухе, умирая, как Брут!***

В это описание Ф.Шиллер вводит деталь, передающую не столько, конечно, изумление герцога А.Валленштейна, сколько его надменность и презрение к убийцам. Раскинутые руки (как и накинута Цезарем на голову тога) означали отказ от всякой самозащиты, неустрашённости подступившей смертью. Эта деталь была известна и современникам Валленштейна. Испанский литературовед, профессор Хесус Мария Усунарис в статье «Дискурс и праксис в государственных интересах: убийство Валленштейна (1634) в испанских хрониках и донесениях о событиях» приводит свидетельство дипломата и писателя Диего де Сааведра Фахардо от 5 марта 1634 года, то есть спустя десять дней после трагического события. В ту эпоху во мнении многих...

...убить Валленштейна означало убить еретика, убить дьявола. А потому не вызывают удивления слухи, окружавшие смерть герцога. Тот же Сааведра, в письме кардиналу-инфанту от 5 марта 1634 г., писал из Браунау: «Граф Галассо пишет графу Алдрингену, что ирландский полковник Батлер отрубил головы соратникам Фридландца за ужином и что, подойдя к его покоям, он обнаружил их закрытыми и, взломав двери, вошёл в комнату Фридландца, который встал и попытался открыть окно, чтобы выпрыгнуть из него. Убедившись, что оно закрыто, он повернулся к Батлеру, который

вопроса: каков смысловой источник пушкинского упоминания имени Валленштейна?

накинулся на него с алебардой, и, раскинув руки и ничего не говоря, дождался раны, из которой вышло большое количество дыма, а звук был, как из выстрелившего мушкета»[13].

Итак, можно высказать уверенное предположение о том, что Пушкин спародировал в своём письме к Перовскому жестикуляцию Артюхова («Валленштейн») и эмоциональную атмосферу его яркого монолога («Кесарь»), с помощью которых тот рисовал перед дорогим гостем облик гордой птицы, умирающей в воздухе с раскинутыми крыльями. В. Даль сохранил и передал нам картину их диалога, а сверх того – пушкинские слова из ответного письма, трижды рассказав о них как о забавных, но ни разу не дав понять, что смысл каламбура известен ему.

Литература:

1. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Записки В.И.Даля. (Публикация Н.О. Лернера) // Русская Старина. – 1907. – Т. 131. – С. 63 – 67.
2. Иванов, Н. П. Хивинская экспедиция 1839-40-е гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. – Спб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. – 212 с. – С. 20 – 22.
3. Цит. соч.– С. 66.
4. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников / предисл. Д. Урнова и В. Сайтанова; вступ. заметки к главам и коммент. В. Сайтанова. – М.: Моск. рабочий, 1987. – 703 с.
5. Сайт «Открытый класс. Сетевые образовательные сообщества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.openclass.ru/node/319689](http://www.openclass.ru/node/319689); сайт Т.Г. Фадеевой (автора разработки, учителя из Оренбургской области). – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/fadeevatg/literatura>.
6. Моисеев, А.П. Немцы на Южном Урале. – Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2013. – С. 20.
7. Оренбургская Пушкинская энциклопедия/ сост. Л.Н. Большаков [Электронный ресурс].– Режим доступа: [http:// kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ope/v.php?print](http://kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ope/v.php?print).
8. Порудоминский, В. И. Даль / В. И. Порудоминский. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 381 с. – (ЖЗЛ; Вып. 505 (17)).
9. Ивонин, Ю.Е. Альбрехт Валленштейн / Ю. Е. Ивонин // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 48 – 77.
10. Махун, С. Звёздное небо Эгера, или Смерть по гороскопу / С. Махун // Зеркало недели. Украина. – 2016. – 8 апр. (№13).
11. Соколов, Д.Н. Пушкин в Оренбурге / Д. Н. Соколов. – Петроград: Типогр. Имп. Академии наук, 1916.
12. Шиллер Ф. Тридцатилетняя война // Собр.соч. в 7 т. Т. 5: Исторические сочинения. Статьи. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 377.
13. Усунарис, Х. М.. Дискурс и праксис в государственных интересах: убийство Валленштейна (1634) в испанских хрониках и донесениях о событиях =

Discourse and praxis in the state interests: Wallenstein's assassination (1634) in the Spanish chronicles and reports about / X. М. Усунарис // Новый филологический вестник. – 2014. – Выпуск № 2 (29). – С. 148 – 149.

Секция 1. «Капитанская дочка»: издания, исследования, экранизация

Университетский литературный музей

Федорова А.В.

Многие исследователи называют повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» исторической. К 1912 году восемь раз издавались «Очерки по истории русской литературы XIX века», «допущенные» ученым комитетом Министерства народного просвещения к «употреблению в качестве руководства» в старших классах средних учебных заведений. Автор очерков В. Саводник писал: «Несмотря на то, что большинство действующих лиц вымышлена, повесть вполне заслуживает название исторической, так как верно и полно воспроизводит картину русской провинциальной жизни второй половины XVIII века» [8].

Историко-литературный музей «Капитанская дочка» Оренбургского государственного аграрного университета ставит целью продемонстрировать посетителям связи и противоречия между основными мирами екатеринского времени – дворянства и крестьянства и их отражения в пушкинской повести [2].

Непросто было передать атмосферу XVIII столетия в небольшой экспозиции университетского музея, однако творческому коллективу это удалось в полной мере. Важное место в экспозиции занимают копии архивных свидетельств о «Пугачевском бунте», выявленные в Пушкинском доме, Военно-историческом архиве, Государственном архиве Оренбургской области. Военно-исторический архив предоставил копии указов Е. Пугачева 1773 г., среди которых именной указ Пугачева губернатору Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. Внимание большинства посетителей привлекает лист, исписанный «каракульками» Пугачева. Государственный архив Оренбургской области передал копии указов императрицы «О рассылке писем о пребывании разбойника Емельяна Пугачева в Оренбургской

губернии» и «О принятии мер предосторожности в приказах при появлении бунтовщиков Емельяна Пугачева» и др.

О музее «Капитанская дочка» опубликовано три десятка статей, информации и т.д. [1, 6, 9, 10, 11, 13]. Финский писатель Мартти Бергер в 2015 г. напечатал статью в Хельсинки [3]. В данном материале автор характеризует раздел музея, посвященный литературным персонажам, представляет «Казачий дом», анализирует выставочную деятельность университетского музея и т.д.

Фамилию Пугачев поэт вывел на бумаге почти за десятилетие до оренбургской поездки. В «Несобранных и неопубликованных текстах «Рукою Пушкина» за 15 октября – 5 ноября 1824 года (в период Михайловской ссылки) есть запись: «Карты, Пугачев.... Раньше этого фамилия Пугачева у поэта не встречается.

В середине ноября 1824 года Александр Сергеевич пишет брату Льву в Петербург, в котором просит прислать книгу «Жизнь Емельки Пугачева». Полное название этой книги – «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева». Она была опубликована в Москве в 1809 году.

Экспозиция, посвященная литературным героям, раскрывает мир пушкинских героев – простых людей, оказавшихся в водовороте бурных событий пугачевской войны. «Имя девицы Мироновой, – писал Пушкин 25 октября 1836 г. П.А. Корсакову, – вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины». В переписке Пушкина с П.А. Корсаковым впервые появляется название его повести.

Роман «Капитанская дочка» не случайно назван именно так, поскольку все остальные герои обнаруживают перед ней, а не кем другим, свою человеческую состоятельность или несостоятельность. Именно она и ее решительность приводят сюжет романа к счастливому закрытию.

Посетителям предлагаются копии страниц из повести Пушкина, написанные рукой поэта, скульптура Маши работы оренбургского мастера Н.Г. Петинной. Экскурсоводы обращают внимание на тот факт, что главная героиня романа Маша Миронова появляется одной из последних действующих лиц – этот придуманный Пушкиным прием был заимствован потом многими русскими писателями. Экскурсантам продемонстрируют гардероб капитанской дочки, подготовленный студентами по материалам XVIII века. Создатели

музея не ограничились историческими документами и литературными материалами, здесь и оригинальные иллюстрации, и «личные вещи» главной героини. С интересом посетители рассматривают шкатулку, зеркальце, пальцы, которые могли принадлежать восемнадцатилетней героине, жившей в небольшой крепости.

Карта Симбирской губернии, откуда выехал Гринев, бумажный змей имеют прямое отношение к детству героя. Среди рисунков особенно интересны сцены встреч Петра Гринева и Маши Мироновой. Здесь можно познакомиться и с текстом письма Петра Маше, приговором по делу лиц, привлеченных к следствию и суду в Москве вместе с Пугачевым и его ближайшими сподвижниками, реестром «что крадено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске». Чтобы усилить интерес студентов, в музее во время экскурсий задаются вопросы. К примеру: Савельич – это прозвище, назовите имя и фамилию героя. Если фамилия Савельев озвучивается достаточно часто, то имя – Архип – практически никто не называет. О том, что верного и доброго слугу Петра Гринева звали Архип, мы узнаем впервые лишь из подписи под письмом отцу Гриневу: «Верный холоп ваш Архип Савельев».

Экспозицию, посвященную Гриневу, украшает заячий тулуп. Вроде того, который в буран, проявляя великодушие к случайному встречному, дарит Гринев.

Фамилия Гринев встречается среди жителей Оренбуржья. В качестве подтверждения в экспозиции представлен аттестат зрелости конца прошлого века, выданный одному из оренбуржцев по фамилии Гринев. Верного слугу Гринева Савельича характеризуют несколько иллюстраций известных художников. Среди них – копия рисунка П.П. Соколова «Савельич останавливает дуэль». Образ литературного героя раскрывает фотография куклы Савельича из спектакля «Капитанская дочка», поставленного на сцене Московского театра детской книги «Волшебная лампа».

Специальная экспозиция включает материалы об Алексее Швабрине, прототипом которого был Михаил Иванович Шванвич – крестник императрицы Елизаветы Петровны, присягнувший на верность «Петру Третьему» и работавший в лагере повстанцев переводчиком. Здесь можно увидеть портрет В.К. Тредьяковского, указ Е. Пугачева на немецком языке, иллюстрации «Арест Гринева и Швабрина» художника Г.С. Дмитриевой, «Гринев и Швабрин перед судом» художника П.П. Соколова и др. Представлены документы, характеризующие сибирскую ссылку героя, среди которых – фотография Тобольского Кремля.

Посетители могут услышать историю хозяина степного умета, изображенного А.С. Пушкиным в «Капитанской дочке». Это – отставной солдат, пугачевец Степан Максимович Оболяев, который содержал Таловый умет (постоялый двор) на дороге из Сызрани к Яицкому городку (в 40 верстах от него) в 1772 – 1773 гг.

Изображая в «Капитанской дочке» события, происходившие в Белогорской крепости, писатель опирался на документальные и мемуарные свидетельства о боевых действиях Пугачева у приицких крепостей, прежде всего у Рассыпной крепости. Он мастерски ввел эти реальные исторические свидетельства в ткань художественного повествования, придав ему жизненную достоверность.

Гости музея могут познакомиться с историей крепостей Чернореченской, Рассыпной, Нижнеозерной, Татищевой, Бердской, Оренбургской.

В течение всего XVIII в. Татищева крепость считалась главной крепостью Нижне-яицкой дистанции. В ее подчинение входили крепости Чернореченская, Нижнеозерная, Рассыпная и Переволоцкая [7]. В экспозицию включены монографии профессора А.В. Федоровой – «Черноречье на рубеже веков» (2001), «Станица Рассыпная» (2010).

Казаки во все времена считали главным своим долгом защиту Отечества. Они оберегали границы России от врага и участвовали во всех войнах, которые вело государство, умело сражались в конном и пешем строю, на суше и море, в горах и степях. Всюду и всегда проявляли чудеса храбрости и верности долгу.

Размещение казачьего раздела в отдельный зал, образующий некий «музей в музее» позволило более широко показать бытовой уклад казаков.

О духовной жизни казаков рассказывают предметы, относящиеся к православной вере. Большинство казаков исповедовало православие. Среди них встречались старообрядцы, особенно много их находилось в казачьем войске. Старообрядчество в музее представлено иконами.

«Казачий дом» передает неповторимый облик и особую атмосферу казачества – активного участника пугачевского восстания. Экспозицию этого зала составляют предметы казачьего дома конца XVIII в.: шкаф с посудой, сундук, лубочная картина, зеркало, ступа, рубель, прялка, коромысло, рушник, лоскутное одеяло, а также казачье военное снаряжение – нагайка, копье, седло, стремя, сбереженные оренбуржцами.

В казачьих войсках России нагайка являлась обязательной принадлежностью верховых казаков (кроме офицеров), которые в

отличие от рядовых регулярной кавалерии и драгун, улан, гусар шпор не носили и погоняли своих лошадей. На фотографиях потомков уральских и оренбургских казаков запечатлены очертания лиц «вольных» людей конца XVIII в. Украшением экспозиции стало колесо XVIII в.

Автор концепции музея стремился, чтобы экспозиция «как бы обступала посетителя», погружая его в атмосферу пугачевского времени, поэтому зал тесно изобилует экспонатами. Этой уютной, живой теснотой, этим обилием... милых вещей нам хотелось передать свободный характер музея.

Мужская часть экскурсантов с интересом слушает информацию о башкирском луке, который демонстрируется в музее. Башкирский боевой лук склеивается из двух пластин разнородного дерева. С внутренней стороны для прочности и упругости в нем подклеены по всей длине роговые пластины. А снаружи для предохранения от сырости он оклеивался берестой. Лук был небольшой, метр длиной, довольно сильно изогнутый, с отогнутыми концами, очень эластичный. Тетива боевого лука чаще всего была шелковая. Хранился лук и возился в поход в кожаном налучнике, украшенном тисненными орнаментами или железными бляхами, покрытыми серебряным чеканным узором. Стрелы помещались в колчанах, по 16 – 25 штук каждом.

В музее собрана солидная коллекция переводов повести [4, 12]. Предмет гордости музея – издания «Капитанской дочки» на многих языках: азербайджанском, английском, армянском, башкирском, грузинском, испанском, казахском, немецком, польском, сербском, татарском, украинском, французском, японском и других.

Впервые на иностранный язык повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» была переведена в Швеции: ее перевод напечатали в Стокгольме в 1841 г., то есть через пять лет после публикации в России (Kaptenens dotter: Berattelse / Ofvers. fran ryskan af Otto Adolf Daniel Meurman. Stockholm: Tryckt hos N.H. Thomson, 1841). За шведским переводом в 1843 г. последовал датский (Capitainens datter Historisk fortoelling Fra de russ. overs. af E.M.Thorston. Kjøbenhavn: Fribert, 1843). В 1846 г. появился в Нью-Йорке английский перевод (The captain's daughter: or, The generosity of the Russian usurper Pugatscheff / From the Russ. by G.C.Hebbe. New York: Müller, 1846) и одновременно с ним – французский. Английский перевод в Лондоне увидел свет в 1857 г. (Pushkin A. The captain's daughter and The queen of spades. London: Blackwood & Co, 1857).

Перевод «Капитанской дочки» на французский язык подготовили И.С. Тургенев и Луи Виардо, чьи портреты находятся в экспозиции.

Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» – первое не только пушкинское, но и вообще русское художественное произведение, переведенное на японский язык. Книга вышла в 1833 г. в переводе Такасу Дзискэ. Среди экспонатов Оренбургского историко-литературного музея «Капитанская дочка» в разделе, посвященном переводам повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», находится перевод на японский язык, подаренный музеем историком из университета Мейдзи (Токио), профессором Коити Тоёкава [5]. Данный экспонат постоянно привлекает внимание посетителей.

Вызывающая неподдельный интерес коллекция изданий «Капитанской дочки» на различных языках недавно пополнилась новыми томами, подаренными музеем профессором Оренбургского государственного университета А.И. Гуськовой – на испанском языке, выпускницей университета А.В. Бочкаревой – на польском, руководителем Оренбургского армянского культурно-просветительского сообщества Г.Р. Саркисяном – на армянском, профессорами аграрного университета – А.Г. Топурия – на грузинском, О.Л.Карташовой – на немецком языке, профессором Н.К. Комаровой на сербском. Из Германии повесть на немецком языке прислала выпускница агрономического факультета 1982 г., ныне гражданка Германии Валентина Дуюнова. От бывшей аспирантки кафедры Юлии Назаровой в дар получен экземпляр повести из Италии. Земляки, коллеги, бывшие выпускники, друзья передали переводы из США, Англии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Словакии, Болгарии и других стран.

Несколько переводов повести музеем передал в 2012 г. из деревни Шабагиш Куюргазинского района Республики Башкортостан руководитель школьного музея А.С. Пушкина Р.Г. Аминов.

В музее сформировались разнообразные направления и формы работы. Основными из них являются научная, научно-фондовая, экспозиционно-выставочная и просветительская деятельность. Это сохранение и популяризация пушкинского наследия; проведение исследований, конференций и семинаров, с привлечением не только ученых, студентов, но и школьников; пропаганда и использование предметов и коллекций музея в учебном процессе и научных изысканиях; организация художественных экспозиций и выставок.

Музей стремится привлечь внимание молодежи к повести «Капитанская дочка». Эпизоды пугачевского восстания, образы героев, сцены повести – все эти темы нашли отражение в работах

студентов, включенных в отдельную выставку. Посетители выставки могут увидеть лучшие работы, выполненные в самых разных техниках: графика и живопись, роспись по дереву, бумажная пластика, тряпичные куклы и бисероплетение. Интересен портрет Александра Пушкина, мастерски выполненный на холсте студенткой Ниной Демченко, выпускницей сельской школы в Александровском районе. Приятно, что некоторые студенты творческие работы выполняют вместе со своими родителями, например, Иван Гусак и Анна Безбородова. Побывав в музее, можно прослушать экскурсию, посетить декоративный комплекс на Красной горе, принять участие в интерактивных занятиях или просто погулять.

Музей задумывался как центр историко-литературного образования широкой публики и с самого начала предполагал ведение просветительской работы.

Первоначальными изменениями в сфере научно-просветительной работы стали регулярные временные выставки, полностью сформированные из фондов музея. Выставочная деятельность музея строится как система временных выставок, проходящих на нескольких выставочных площадках университета и Оренбургской области. Важной особенностью выставочной стратегии музея является сочетание разных выставочных жанров: коллекционных и тематических выставок, выставок – интерпретаций, охватывающих весь тематический спектр коллекций музея.

Это привлекло внимание потенциальной аудитории и позволило музею заявить о себе. Выставки, сменяющие друг друга, были очень разнообразными по тематике.

Неординарные, яркие музейные выставки служат своеобразной формой презентации самого музея и привлекают в музейные залы порой даже тех, кто прежде остался равнодушным к традиционным решенным постоянным экспозициям.

Литература:

1. Емельянова, Н. На Красной горе у «Капитанской дочки» / Н. Емельянова // Южный Урал. – 2011. – 10 июня. – С. 4.
2. Историко-литературный музей «Капитанская дочка» // Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко-литературном контексте. – Оренбург, 2012. – С. 3 – 11.
3. Kulttuurivihkot. – 2015. – N. 4–5. – С. 66.
4. Маслова, А. Пушкин заговорил на иврите / А. Маслова // Аргументы и факты. – 2011. – 2 мая. – С. 10.

5. Надршин, Ф.М. Исследователь пугачевщины из страны восходящего солнца / Ф. М. Надршин // Портретная галерея повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». – Оренбург, 2013. – С. 102 – 106.
6. Надршин, Ф. Профессор-музейщик / Ф. М. Надршин // Мир музея. – 2013. – № 5. – С.19.
7. Потапова, А.Н. Укрепления Нижне-Яицкой династии Оренбургской пограничной линии как прототип Белгородской крепости / А.Н. Потапова // Повесть А.С. Пушкина в историко-литературном контексте. – Оренбург, 2012. – С. 52 – 58.
8. Саводник, В. Очерки по истории русской литературы XIX века / В. Саводник. – М., 1912. – Ч.1. – С. 231.
9. Скокова, Т.А. Историко-литературный музей «Капитанская дочка» в Оренбуржье / Т. А. Скокова // Литература в школе. – 2010. – № 6. – С. 47.
10. Федорова, А.В. Музей литературных героев / А.В. Федорова // Портретная галерея повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». – Оренбург, 2013. – С. 3 – 14.
11. Федорова, А.В. Просветительская деятельность историко-литературного музея «Капитанская дочка» / А.В. Федорова // А.С. Пушкин – первый исследователь Пугачевского бунта. – Оренбург, 2014. – С. 3 – 10.
12. Федорова, А.В. «Сон бабочки среди цветов или история переводов повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» / А.В. Федорова // Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко – литературном контексте. – Оренбург, 2012. – С. 12 – 19.
13. Черняев, В.С. Пушкинский музей в Оренбуржье / В. С. Черняев // Социокультурное пространство вуза. – Волгоград, 2013. – Ч.2 – С. 418 – 420.

***Коллекция изданий повести А.С. Пушкина
«Капитанская дочка»
в фондах Оренбургской областной универсальной научной
библиотеки им. Н.К. Крупской (обзор)***

Капустина В. М.

19 октября 1836 года – дата окончания работы Александра Сергеевича Пушкина над повестью «Капитанская дочка». Повесть была напечатана в четвертом номере пушкинского «Современника» в конце декабря 1836 года.

Новая жизнь библиотечного собрания изданий «Капитанской дочки» А. С. Пушкина началась 1 октября 2015 года, когда Оренбургский благотворительный фонд «Евразия» и областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской подписали соглашение «О создании коллекции произведений А. С. Пушкина, прославивших Оренбуржье». Оно явилось основой обращения к

оренбуржцам о создании на базе главной библиотеки области коллекции изданий А. С. Пушкина «Капитанская дочка». На призыв откликнулись почитатели творчества поэта и к уже имеющимся книгам в фонде библиотеки прибавились подаренные. Таким образом, коллекция стала состоять из двух частей: библиотечной и так называемой «народной». Если учесть все издания библиотечного собрания и прибавить двадцать девять подаренных, то получится 140 экземпляров.

В это число входят семь книг «Истории Пугачёвского бунта». В коллекции представлены издания на разных языках, но большая часть – на русском.

Библиотечное собрание «Капитанской дочки»

Издания на русском языке можно систематизировать по различным признакам: типу, году, месту издания, полиграфическому и художественному оформлению, наличию иллюстраций.

Кроме отдельных изданий, эта повесть публиковалась в собраниях сочинений, избранных, сборниках прозы А. С. Пушкина, а также в коллективных сборниках (различных авторов), которые еще предстоит выявить.

Удивительно, но в некоторые дореволюционные собрания сочинений А. С. Пушкина (1887, 1895) повесть «Капитанская дочка» не включена, но присутствует «История Пугачёвского бунта». Позднее повесть стала неотъемлемой частью собраний сочинений. Например: Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Петроград: Изд-е Акционерного о-ва издательского дела «Копейка», 1914. Т. 2. 407 с. (Классическая библиотека «Всемирной панорамы»). Это бесплатное приложение ко 2-му изданию журнала «Всемирная панорама», которое вышло в год начала Первой мировой войны. И, отступая от хронологии, можно представить другое издание военных лет: Пушкин, А. С. Капитанская дочка. Л.: Гослитиздат, 1944. 123 с. 27 января 1944 г. – день снятия блокады Ленинграда. Эта книга подписана к печати 24 февраля 1944 г. Тираж составляет 15 000 экземпляров. Дата поступления в библиотеку – 24 января 1945 года.

В библиотеке нет изданий «Капитанской дочки» за 1917-1919 гг. и всего одна книга 20-х годов XX века: Пушкин, А. С. Капитанская дочка. 3-е изд. Л.: Госиздат, 1929. 136 с. Так как титульный лист отсутствует, то год издания и время появления в фонде библиотеки (1936) был установлен по инвентарным книгам. Есть предположение, что она из конфискованной библиотеки «врага народа». На книжном формуляре (документ показывает когда и кому было выдано издание)

15 записей 1945–1949 годов, в 1986 году книга демонстрировалась на Пушкинской выставке в ОУНБ им. Н. К. Крупской.

В отдельную группу можно отнести книги, изданные в СССР в республиканских и областных издательствах на русском языке (Киеве, Кишинёве, Риге, Каунасе, Петрозаводске, Сыктывкаре, Омске, Перми, Архангельске, Новосибирске, Красноярске, Хабаровске, Свердловске и др.).

Книги, изданные на языках народов СССР и России, тоже особая группа. На данный момент библиотека располагает книгами на украинском, казахском и латышском языках. Пополнять уже имеющуюся коллекцию изданий повести «Капитанская дочка» библиотека стремилась всегда, а с открытием литературного музея – это стало одним из направлений деятельности. Нужно отметить, что на нашу просьбу купить, обменять, принять в дар «Капитанскую дочку», направленную во все главные библиотеки бывших советских и нынешних, входящих в состав России республик, мы получили массу ответов одного содержания: «В библиотеке единственный экземпляр. Электронной копии нет». Отозвались на нашу просьбу только две республиканских библиотеки из Элисты и Назрани. В адрес библиотеки получены электронные версии повести на калмыкском и ингушском языках.

Что касается изданий повести на языках народов мира, то в библиотеке до объявления акции «С миру по «Капитанской дочке» были уже повести на испанском, итальянском, болгарском, немецком, вьетнамском и языке панджабе. В основном, это сборники, изданные в Москве, в которые включена повесть «Капитанская дочка».

Самое раннее из оренбургских изданий датируется 1948-м годом (г. Чкалов). Печаталась повесть с издания 1936 года, вышедшего под редакцией Бориса Викторовича Томашевского, выдающегося исследователя творчества А. С. Пушкина, члена Союза советских писателей, заведующего Рукописным отделом и сектором пушкиноведения Пушкинского Дома. Редактор оренбургского издания – Семён Маркович Лубэ – литературовед, критик, педагог. Обложка и титульный лист – оформление члена Союза художников Бориса Александровича Зеленского, который иллюстрировал и оформлял книги для «Политиздата» и издательства «Молодая гвардия». В 1951 году выходит переиздание повести, которое отличается от издания 1948 года только тем, что на титульном листе нет рисунков Б. А. Зеленского.

Издание «Капитанской дочки» 1999 года, вышедшее в издательстве «Орлит-А», отличается прекрасными гравюрами

художника Андрея Филипповича Преснова. 2006 год в России был объявлен годом Абая, а в Казахстане годом Пушкина. Оренбургское издательство «Димур» выпустило двухтомник на русском и казахском языках. В подарочный комплект вошли стихи Абая на русском и казахском языках и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина также на двух языках. Русский текст печатался по изданию: Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т.5. М.: Художественная литература, 1976. Иллюстрации, дизайн, вёрстка Светланы Шевченко. На казахский язык текст перевёл Абдильда Тажибаев. Дизайн и форма издания необычные, одна обложка объединяет две книги – одну на русском языке, вторую на казахском. Этот комплект подарила музею Елена Валерьевна Попова – активный член украинского общества в Оренбурге, помощник члена общественной палаты РФ.

В Оренбургском книжном издательстве им. Г.П. Донковцева в 2015 г. было создано подарочное издание «в трех частях и одном футляре»: «Капитанская дочка», «История Пугачевского бунта» Александра Сергеевича Пушкина и «В Оренбург «ради Пугачева» Светланы Емельяновны Сорокиной. Издание необычайно интересное в полиграфическом плане. Макет и оформление Ф. М. Абленина, графика А. Ф. Преснова привлекают редкой для нашего времени изысканностью. На презентации трёхтомника Андрей Филиппович Преснов рассказал, почему иллюстрации выполнены именно в технике гравюры на дереве: «До XVI века иллюстрациями к рукописным изданиям, в первую очередь Библии, служили только гравюры на дереве. И так продолжалось вплоть до появления фотографии. Потому я и решил, что именно эта техника станет главной в издании пушкинских творений. Главным для меня стал образ Маши Мироновой. Ведь, какая она? Она очень разная: скромница при первом знакомстве, страстно любящая в середине произведения и отважная защитница своего возлюбленного в финале. Все эти её образы я и попытался воплотить».

Вторая часть коллекции, так называемая «народная» берёт начало с подарка швейцарского писателя Жюль Зильберштейна, гостившего в Оренбурге. Господин Зильберштейн приобрел раритетное издание на французском языке, вышедшее в Париже в 1869 году в переводе Луи Виардо. Издание очень редкое и дорогое, но стоимость книги писатель не обнародовал.

Ещё одно редкое издание «Капитанской дочки» издательства Владимира Гавриловича Готье (1891), иллюстрированное художником Павлом Соколовым, было подарено оренбургским меценатом, членом попечительского совета фонда «Евразия»

Владимиром Ивановичем Шишкиным. Книга в хорошем состоянии, содержит автограф издателя. По просьбе дарителя стоимость антикварного издания «Капитанской дочки» также не афишируется.

Оренбургский поэт, журналист Павел Георгиевич Рыков в юбилейном для повести году подарил два экземпляра «Капитанской дочки». Первая книга на болгарском языке издана в Софии в издательстве «Народна младеж» в 1988 году. Над переводом трудились несколько человек: З. Статков, К. Константинов, Х. Раденски. Книгу по просьбе П. Г. Рыкова прислал в Оренбург профессор Шуменского университета Ивайло Петров. Вторая книга на сербском языке издана в Белграде в 2015 году. Перевод Милы Младеновой. Используются иллюстрации российских изданий.

Автором идеи народного сбора изданий повести «Капитанская дочка» является президент благотворительного фонда «Евразия» И. В. Храмов. В первый взнос от фонда «Евразия» в коллекцию вошли:

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина на французском языке в переводе Луи Виардо (Париж, 1966);

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина на греческом языке (Афины, 2008);

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина на латышском языке (Рига, 1955);

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина на английском языке (Нью-Йорк, 2014);

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина (Москва, 2014);

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина (Оренбург, 2015);

История Пугачёвского бунта // Пушкин, А. С. Сочинения. 8-е изд. Т. 6. 1882;

История Пугачёвского бунта / А. С. Пушкин (Берлин, 1921).

Летом 2014 года Пушкинский зал библиотеки им. Н. К. Крупской посетили гости из Англии. Раиса Касимовна Табризи-Дезмонд прислала в дар Пушкинскому залу повесть «Капитанская дочка» на английском языке с автографом переводчика Роберта Чандлера, который в ходе своей работы пришёл к выводу: «Капитанская дочка» на первый взгляд кажется просто исторической байкой, на самом же деле это произведение сконструировано более искусно, чем все остальные русские романы XIX века».

В сентябре 2016 года оренбурженка Алёна Юрьевна Авдеева подарила «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина на немецком языке (Бремен, 2011). Среди дарителей есть и библиотекари ОУНБ им. Н. К. Крупской: Нина Васильевна Склярова и Ольга Николаевна Гончарова.

9 октября 2016 года в дар библиотеке была передана «Капитанская дочка» на болгарском языке (София, 1983) в переводе Константина Константинова. Такой дорогой подарок преподнесла оренбуржцам замечательная поэтесса, наша землячка Надежда Васильевна Кондакова.

Благотворительный фонд «Евразия» кроме главного девиза «С миру по «Капитанской дочке», является автором и второго девиза: «Если Пушкин – наше ВСЁ, то «Капитанская дочка» – вся наша!» Какова же она вся «Капитанская дочка», изданная во всём мире, на многих языках, во многих странах? Представление об этом море «Капитанских дочек», рождённых гением Пушкина, даёт, конечно, пушкинская библиография.

Во-первых, это библиографические пособия, которые включают в себя информацию о дореволюционных (до 1917 г.) изданиях «оренбургской» повести.

– Богаевская, К. Пушкин в печати за сто лет (1837-1937) / ГБЛ. М., 1938. 188 с.

Указатель посмертных публикаций текстов, не появившихся в печати при жизни Пушкина. Включены сведения о пропущенной главе «Капитанской дочки» опубликованной в «Русском архиве» (1880. III. №1. С.219 – 227).

– Межов, В. И. PUSCHKINIANA: библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства. СПб: Изд-е Имп. Александровского лицея, 1886. 405 с.

В издание включена библиография сочинений с 1814 по 1885 гг. К сожалению, пособие не является исчерпывающе полным, но ценно тем, что в нём есть сведения об изданиях как на русском языке, так и на иностранных языках. В пособии можно найти информацию о стокгольмском издании 1841 г. в переводе Мёрмана. Это издание считается первым изданием повести на иностранном языке.

Следующие три указателя являются продолжением библиографического пособия В. И. Межова, но отличаются большей полнотой в регистрации литературы и подробностью библиографического описания. Это:

– Берков, П. Н. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нём. 1886-1899 / П. Н. Берков, В. М. Лавров; АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л., 1949. 996 с.

– Фомин, А. Г. PUSCHKINIANA. 1911-1917 /АН СССР; Ин-т литературы. М., 1937. 539 с.

Существует указатель А. Г. Фомина, охватывающий период с 1900 по 1910 гг., изданный в 1929 г., но он отсутствует в библиотеке.

В библиографический указатель П. Н. Беркова и В. М. Лаврова включены сведения о публикациях на русском и иностранных языках. В разделе IV «Критико-биографическая литература об А. С. Пушкине» в подразделе «Иноязычный Пушкин» помещена информация о том, что альманах «Исторический вестник» (1890. №1) поместил заметку «Капитанская дочка», изучаемая английскими офицерами». Многие российские печатные издания опубликовали этот материал. Речь идёт об офицерах экспедиционного корпуса в Бомбее и Калькутте.

В совокупности перечисленные издания дают достаточно полную библиографию досоветской литературы о Пушкине. По литературе советского времени долгое время существовали только частные библиографические обзоры: за отдельные годы или по отдельным вопросам. Библиографическое пособие Л. М. Добровольского и Н. И. Мордовченко (Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нём. 1913-1936. Ч. 1. / АН СССР, Ин-т русской литературы. М.; Л., 1952. 283 с.) было призвано восполнить образовавшийся пробел. Указатель даёт возможность увидеть пробелы за 1917–1919 гг. и 20-е годы XX века, поскольку в библиотеке есть только одна книга этого периода. В нём приводятся сведения о том, что в 1918 году вышло пять изданий повести в Москве и Киеве; в 1919 – ни одного, в 1920 – одно в серии «Народная библиотека»; в 1925 – одно в «Избранных»; в 1927 и 1928 – по одному в серии «Дешёвая библиотека классиков».

В 1936 юбилейном для повести году «Капитанская дочка» выходит в издательствах «Детгиз» и «Гослитиздат», а также в Воронеже, Красноярске, Ростове-на-Дону, Сталинграде.

Вторая часть указателя Л. М. Добровольского и Н. И. Мордовченко вышла в 1973 году. Эта часть охватывает критико-биографическую литературу о Пушкине, Пушкинских местах и хронику научной жизни.

В «Библиографии произведений А. С. Пушкина и литературы о нём. 1949 юбилейный год» (АН СССР; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1951. 566 с.) отражены сведения о пятнадцати изданиях «Капитанской дочки» на русском языке и двадцати трёх на языках народов СССР. Из этого множества юбилейных изданий в ОУНБ им. Н. К. Крупской есть только четыре.

Кандель Б. Л. Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки // Капитанская дочка / А. С. Пушкин. 2-е изд.,

доп. Л.: Наука, 1985. С. 297–318. Прикнижный указатель составлен на основе фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), Института русской литературы (Пушкинский Дом), Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне РГБ) и Всесоюзной (ныне Всероссийской) государственной библиотеки иностранной литературы. Указатель отразил издания «Капитанской дочки» на 44 языках (включая эсперанто) за период 1841–1980 гг. Не во всех переводах название повести звучит одинаково. Так в Токио в 1883 году вышла книга А. С. Пушкина «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка: Удивительные вести из России» [Капитанская дочка] / пер. Текасу Харусуке. В 1886 году также в переводе Текасу Харусуке повесть выходит уже под другим названием «Сказание о Смите и Мэри: История русской любви». Надо отметить, что «Капитанская дочка» была первым русским художественным произведением, переведённым на японский язык. В 1915 году в Японии на основе сюжета повести «Капитанская дочка» был снят фильм.

Таким образом, коллекция областной библиотеки им. Н. К. Крупской – это капля в море изданий повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Но, надо признать, коллекция качественная. И работа над её пополнением будет продолжаться.

Оренбургская Пушкинская энциклопедия: замысел, особенности, значение

Большакова Т. Л.

«В истории литературы подобной энциклопедии еще не было» – этой фразой была озаглавлена одна из рецензий, посвященных Оренбургской Пушкинской энциклопедии [1]. В самом деле, ее авторы поставили себе грандиозную задачу – создать «пособие-справочник для каждого, кто намерен углубиться в произведения Пушкина об эпохе Пугачева или станет заниматься исследованием этой яркой эпохи в богатейшей российской истории» [1, с.5].

Авторами энциклопедического тома стали два ученых, которые уже не раз выступали соавторами: Р.В. Овчинников и Л.Н. Большаков [2, с.68 – 71].

Реджинальд Васильевич Овчинников (1926–2008) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института

русской истории РАН, автор исследований документальных, мемуарных, эпистолярных, фольклорных источников произведений Пушкина «пугачевского» цикла; фундаментальных трудов по истории пугачевского восстания; признанный знаток эпохи Пугачева. Достаточно сказать, что в 2003 году Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом) пригласил его быть редактором и комментатором «Истории Пугачева» в готовящемся академическом 20-томном собрании сочинений Пушкина. Тогда, узнав об этом, Л.Н. Большаков писал другу: «Меня искренне порадовало включение Вас в академическую упряжь очередного пушкинского гиганта. Кому как не Вам сделать этот гигантский том... По сути дела Вы работаете на эту идею годы, да как еще работаете!» [3].

Леонид Наумович Большаков (1924–2004) – писатель-литературовед, академик Международной академии образования. В библиографическом указателе его трудов [4] значатся посвященные пушкинской теме публикации в журнале «Уральский следопыт», он являлся составителем сборника «Под знаменами Пугачева» [5] и тематического выпуска альманаха «Рифей» [6]. В личном архивном фонде оренбургского ученого хранятся письма из Института русской литературы АН СССР о проведении в Оренбурге XXVII Всесоюзной Пушкинской конференции, посвященной 150-летию поездки А.С. Пушкина в Оренбург. Из писем ясно, что Леонид Наумович был одним из организаторов этого масштабного научного форума [1, с.88]. Во всяком случае, ученый секретарь Группы пушкиноведения С.А. Кибальник, обращаясь к адресату, информирует о полученных заявках, согласовывает сроки конференции и др.

Л.Н. Большаков в течение многих лет вел дневник [7], благодаря которому сегодня мы можем «из первых рук» узнать о том, как возник и кристаллизовался замысел задуманной книги. Известна даже точная дата его рождения – 25 июля 1995 года. На дневниковой странице читаем: *«Вдруг явилась великолепная идея совместной с Овчинниковым капитальной авторской работы – ОПЭ – если понятнее, то Оренбургской Пушкинской энциклопедии. Оренбургской не по месту подготовки и, так сказать, издания, но по материалу, ее составляющему. («Капитанская дочка», «История Пугачева и др.). Есть время сделать прекрасный, богато иллюстрированный том, который бы вполне успел к 200-летнему пушкинскому юбилею. На днях напишу Р.В. (Овчинникову – Т.Б.), Не думаю, что он откажется».* Не прошло двух недель, и 11 августа в дневнике зафиксировано: *«Р.В. в восторге от моих идей («Вы воодушевили меня»)...* Готов ради энциклопедии оставить работу в Институте

истории (упаси Бог!). Пишу ему подробное письмо с обозначением всех ориентиров». А уже 12 сентября автор дневника записывает: «Наконец-то прибыло письмо от Овчинникова. Идея нашей Пушкинской энциклопедии одобрена им целиком и полностью. «По правде говоря, тут поле деятельности для солидного научного коллектива»... Он сделал черновую выборку из указателя к девятому тому Большого академического собрания сочинений Пушкина и выписал около 950 объектов оренбургской принадлежности. Вместе со всем прочим наберется 1100-1200 статей. Задает вопросы и отвечает на них в полном соответствии с моими собственными взглядами, (в т.ч. о географических границах ОПЭ – конечно же, границы 1833 года. Согласен с ним во всем, как и он согласился со мною). Напишу ему насчет ОПЭ и перспектив нашей совместной работы, техники ее и предстоящей встречи в Москве».

В скобках заметим, что эта самая «техника работы» была весьма трудоемкой и затратной по времени. Оба ученых не владели компьютером, да и были они в 1995 году далеко не у всех. Реджинальд Васильевич печатал статьи на пишущей машинке и пересылал их либо в почтовых бандеролях, либо с оказией. «Связными» становились все, кто ехал в Москву. Таким же образом осуществлялась обратная связь, хотя иногда, когда Леонид Наумович приезжал в столицу, ученые работали вместе. Свою часть статей Л.Н. Большаков, как правило, писал от руки, а потом весь материал набирался на компьютере (за это отвечал его внук. – Т.Б.).

Но, несмотря на все эти сложности, работа шла интенсивно и замысел выкристаллизовывался все четче. Приведем для примера дневниковую запись от 27 декабря 1995 г.: *«Овчинников написал мне о нашей энциклопедии, что это не ОПЭ, а ОППЭ (пушкинско-пугачевская). Над этим еще раньше думалось и мне самому. Что ж, идея нашу работу только возвышает. Оренбург – Пугачев – Пушкин – какая «стройная» линия. ... Самолично делать такую работу не могу и не стану – только с Овчинниковым. Но вдвоем мы – вне конкуренции...»*.

Раздумья о будущей энциклопедии находим на страницах дневника и спустя год после начала работы над ней: *«Придумал ограничительный подзаголовок ОПЭ: Путешествия – Реалии «Истории Пугачева – Прототипы «Капитанской дочери» – Интерпретаторы и исследователи. Подзаголовок необходим» (6 октября 1996 г.)».*

В дневниках Л.Н. Большакова 1995–1997 гг. записи о работе над Оренбургской Пушкинской энциклопедией встречаются почти на

каждой странице, хотя часто они очень лаконичны: автор просто фиксирует названия подготовленных статей. Вот некоторые записи 1995 года:

– ОПЭ: «Пушкин в Оренбурге», Прохоров, Фантон де Веррайон. Сделаны два десятка заметок. Лиха беда начало. В путь... (20 сентября).

– Написал об Иванове, Короленко, Коростине, Малом, Матвиевском, Перове. Нужна сопрягающая работа с Овчинниковым. Посидеть вместе денек-другой – все решим. (25 сентября).

– ОПЭ: написал статьи о Левишине, Перовском, собирал материал о Соколовых (26 сентября).

– ОПЭ: Фукс А.А., Фукс К.Ф., Камерини, История Пугачевского бунта (первое издание) (28 сентября).

– ОПЭ: Петербург – Москва. Сорок заметок в сентябре – это моя личная «визитная карточка» в начавшейся работе над Оренбургской Пушкинской энциклопедией, нащупав (нащупывая) тематику и стиль подачи материалов своего ареала. Требуется прямое сопряжение с Р.В. (29 сентября).

– Первый визит – к Овчинниковым.... Поговорили об ОПЭ. Показал ему сделанное мною, посмотрел то, что написал Р.В. Хорошо написал... (27 октября Москва).

– ОПЭ: Ревизские сказки; заметки о композиторах – Буцко, Каце, Мусоргском, Прокофьеве, Направнике Черепнине, Чайковском, Хренникове (всего аж 11!). Всю эту «порцию» вместе с написанным Овчинниковым и поправленным мною отдал на компьютер... Занимался вступительной статьей. «За основу» ее возьму наше с Овчинниковым вступление к челябинской «Истории Пугачева». Конечно, ее надо расширять, дополнять (14 ноября).

– После похода в библиотеку сделал заметки об инсценировках и экранизациях «КД» («Капитанской дочери» – Т.Б.) (20 ноября).

– Есть бандероль от Овчинникова с шестью десятками его статей, словником, который он может реализовать «к середине 1997» (26 декабря).

Цитировать записи можно еще долго, но и приведенные говорят как об интенсивности работы, так и о том, какой огромный и разноплановый материал включает в себя Оренбургская Пушкинская энциклопедия.

Энциклопедический том увидел свет в декабре 1997 года, т.е. от рождения замысла до воплощения его в книжную реальность прошло всего два с половиной года.

Оренбургская Пушкинская энциклопедия построена по традиционной схеме: ее составляют тематически разнообразные словарные статьи (их более 950), выстроенные в алфавитном порядке. Но при этом необычны жесткие хронологические рамки (поездка в Оренбург и сопредельные области заняла три месяца и три дня в жизни поэта, им и посвящено издание). Еще одной отличительной чертой является обращенность к одной теме, которая и привела Пушкина в эти места (Пугачевский бунт). Об этой особенности издания говорят сами авторы: «Оренбургская Пушкинская Энциклопедия коренным образом отличается от всех изданий такого типа. Отличается уже тем, что посвящена конкретным произведениям А.С.Пушкина – "Истории Пугачева" и "Капитанской дочке", если определеннее, то реалиям их, и, разумеется, всему, что связано с предпринятой поэтом оренбургской его поездкой 1833 года» [1, с 5].

Основной корпус энциклопедических статей представляет собой персонифицированный комментарий ко всем именам и названиям, значащимся в главном историческом труде гения России. В своем обращении к читателям авторы указывают, что «все имена и названия в энциклопедии оренбургские (в географических границах губернии 70-х годов XVIII века), причем каждое из них непременно поверяется взглядом Пушкина. Отсюда вытекает и характер пристатейных сносок, начинающихся, в большинстве своем, ссылками на сочинения и другие материалы, восходящие к Пушкину. Кроме того, для установления истинного лица исторических персонажей широко используются фонды архивов (центральных и периферийных); сноски на основные документы присутствуют там же, открывая возможности продолжения поиска [1, с.5].

Еще одной отличительной чертой анализируемого издания является абсолютная «читабельность», при этом отсутствие академической сухости отнюдь не ведет к снижению научности. (Во всех статьях есть указание на источник информации, причем во многих случаях указаны источники архивные.). Словарные статьи рассказывают как об участниках крестьянского восстания, так и об офицерах правительственной армии, брошенной на подавление бунтарей. Таким образом, перед нами предстает целый калейдоскоп удивительных личностей, начиная от императрицы Екатерины II и кончая простым яицким казаком.

Интересная деталь: в дневнике от 24 марта 2003 г. читаем: *«Звонил потомок Зарубина-Чики из Тюмени. Он лелеет надежду подтвердить свою близость к знаменитому пугачевцу и надеется на мою помощь – путем соединения меня с Овчинниковым. Его*

намерение мне понятно. Реджинальд – источник первостепенный... Дал ему все наводящие сведения».

Из словарных статей энциклопедии современный читатель получит поистине уникальные сведения о семье Пугачева: судьбах его первой и второй жены, о сыне и дочерях [1, с.338–347], о восьми представителях интереснейшей династии Соколовых [1, с 389–394] и др. На наш взгляд, весьма доказательна статья, опровергающая факт работы А.С. Пушкина в Оренбургском архиве [1, с 292], многим читателям будет любопытно узнать об источнике пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» [1, с.386], о первой советской экранизации «Капитанской дочки» 1928 г., создатели которой решили поправить «исторические ошибки» Пушкина и потому переписали образы основных героев [1, с.178]. Много интересных и важных сведений содержится в статьях о городах и селах, горах и реках, упоминаемых в «Истории Пугачева». И еще о многом и разном может рассказать анализируемое энциклопедическое издание.

Надо отметить, что статьи в Оренбургской Пушкинской энциклопедии разновелики по объему – от лаконичной в несколько строк справки до двух-трехстраничных очерков. И, повторим, сопровождающая статьи библиография позволяет исследовать вопросы, выходящие за рамки энциклопедии.

Современный читатель найдет в этом издании и подробный маршрут оренбургской поездки А.С. Пушкина с указанием всех пунктов на каждом из ее этапов, узнает о первых изданиях "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки" и переводах повести Пушкина на иностранные языки; в энциклопедии подробно говорится о предпринятых на оренбургской земле театральных, кинематографических, музыкальных, графических воплощениях сюжетов произведений.

На страницах энциклопедического издания названо немало имен исследователей "оренбургской" темы в российской науке, оренбургских пропагандистов и популяризаторов творчества Пушкина. Сообщается также о проходивших в Оренбуржье всесоюзных и региональных научных конференциях, посвященных жизни и творчеству А.С. Пушкина, и о многом, многом другом.

Нельзя не сказать и о богатом иллюстративном материале энциклопедии. В книге можно увидеть и малоизвестные портреты Рычкова, Бибикова, Перовского, Пугачева, и гравюры XVIII в., и иллюстрации редких изданий, и архивные фотодокументы, и изображения оренбургских построек пушкинского времени. Все это

также делает анализируемую энциклопедию непохожей на другие издания этого жанра.

На наш взгляд, «Оренбургская Пушкинская энциклопедия» является полезнейшим справочником и для специалиста-исследователя, и для тех, кто занимается просветительской деятельностью, и для массового читателя. И очень хорошо, что издание это сегодня абсолютно доступно – оно есть в Интернете [8].

Литература:

1. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». – Оренбург: «Димур», 1997. – 519 с.
2. Ростова, Н.Н. Сдружил интерес к Пушкину // Седьмые Большаковские Чтения. Леонид Наумович Большаков – ученый, писатель, гражданин. К 90-летию со дня рождения: круглый стол (научная конференция) с международным участием / науч. ред. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Агентство «Пресса», 2014. – 133 с.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Ф.2919.
4. Леонид Наумович Большаков: библиогр.указ. / сост. Большакова Т.Л., Камскова Т.А., Ронжес В.В. – Уфа: Уфим. филиал ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2009. – 96 с.
5. Под знаменами Пугачева / науч. ред. Р.В. Овчинников; сост. Л.Н. Большаков, М.С. Клипиницер. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд., 1973. – 194 с.
6. Рифей: лит.-краевед. сб., посвящ. А.С. Пушкину /сост. Л.Н. Большаков. – Челябинск, 1981.
7. Дневник Л.Н. Большакова: тт. 12-14 (1995 – 1997) – семейный архив автора статьи
8. Оренбургская Пушкинская энциклопедия [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/413>(дата обращения: 28.09.2016).

Оренбургская пушкинская энциклопедия как источник изучения темы «Пушкин в Оренбургском крае»

Растрюгина А. А, Безпалова Г.В.

В последние десятилетия возрос интерес к справочной и энциклопедической литературе, что стало причиной увеличения числа энциклопедических изданий различной тематики, структуры и полноты. Сегодня персональные литературные энциклопедии относительно новый и оригинальный вид изданий на книжном рынке. Они являются определенным этапом в развитии жанра литературной энциклопедии, сформировавшись в ходе генезиса литературоведения,

книжного дела и информационных потребностей общества в целом. Если мы говорим о литературной энциклопедии, то подразумеваем, что в ней отражен весь спектр литературоведческих знаний и знаний о художественной литературе из смежных наук.

Литературные персональные энциклопедии, как отмечает исследователь Н.Н. Малофеева, являются определенным итогом в изучении жизни и творчества какого-либо писателя (поэта). Это собрание сведений о жизни и творчестве автора, его бытовом и творческом окружении, а также весь комплекс материала об изучении и осмыслении этих сведений с момента начала процесса до наших дней.

Некоторые современные персональные литературные энциклопедии по содержанию и структуре отличаются от академических изданий. К таким энциклопедиям Н. Н. Малафеева относит и «Оренбургскую пушкинскую энциклопедию: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы».

Первое, и, наверное, основное ее отличие заключается в том, что она посвящена конкретным произведениям А.С.Пушкина – «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». В ней отражены реалии этих произведений, и, события связанные с предпринятой поэтом оренбургской поездкой 1833 года.

При работе над «Историей Пугачева» Александр Сергеевич было недостаточно описания событий, сохранившихся в различных документах. Для полноты погружения в события пугачевского бунта, он решил получить достоверные сведения от современников пугачёвщины. По расчетам поэта, и через шесть десятилетий должно было оставаться немало живых свидетелей событий. Все увиденное и услышанное Пушкиным в поездке по Оренбургскому краю нашло отражение в повести «Капитанская дочка». Великий художник-реалист Пушкин нашел в своей поездке по пугачевским местам бесценный материал для задуманной исторической повести. Немало дало Пушкину непосредственное знакомство с оренбургскими крепостями и оренбургским степным пейзажем, наблюдения над бытом, нравами и говором местного населения.

Наверное, правильнее эту энциклопедию называть Пушкинско-Пугачевской, так как в ее основе лежат персонифицированные комментарии ко всем именам и названиям, значащимся в главном историческом труде великого писателя. Авторы-составители, доктор исторических наук Р.В. Овчинников и оренбургский литератор и краевед, академик Л.Н. Большаков, при работе над изданием

руководствовались твердой убежденностью в том, что любое имя, упомянутое Пушкиным, и даже не названное, но явствующее из контекста, уже самим этим фактом заслуживает персональной статьи в Оренбургской Пушкинской энциклопедии.

Энциклопедия стала незаменимым пособием-справочником для всех, кто интересуется произведениями Пушкина об эпохе Пугачева, или занимается исследованием этим периодом в российской истории.

Особо необходимо сказать о содержании Пушкинской энциклопедии. Во-первых, она, в основном, содержит оренбургские имена и названия, география которых определяется границами Оренбургской губернии 70-х годов XVIII века. Во-вторых, каждое из них представляется через призму пушкинского «взгляда». Это обуславливает характер пристатейных сносок, в основном начинающихся ссылками на сочинения и другие материалы, восходящие к Пушкину. Авторы-составители широко использовали фонды архивов (центральных и периферийных). Сноски на основные документы дают возможность продолжения поиска.

В Оренбургскую Пушкинскую энциклопедию также помещены статьи об известных Пушкину уроженцах Оренбуржья, о людях, так или иначе связанных с ним. В ней имеется материал о маршруте оренбургской поездки (с указанием всех пунктов на каждом из ее этапов) и о встреченных в ней людях. В Оренбургской Пушкинской энциклопедии есть приложение, которое называется «Календарь Оренбургской поездки А.С. Пушкина». Оно позволяет узнать о местах, где побывал поэт до приезда в Оренбург и какие населенные пункты посетил в Оренбургском крае.

Энциклопедия дает сведения о первых изданиях "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки", театральных, кинематографических, музыкальных, графических воплощениях сюжетов произведений. Здесь помещены статьи об исследователях оренбургской темы в российской науке, оренбургских пропагандистах и популяризаторах творчества Пушкина, всесоюзных и региональных научных конференциях в этом крае и многом другом. Стремление к всестороннему охвату темы определяет и стиль оформления издания, которое располагает богатым изобразительным материалом.

Издание Оренбургской Пушкинской энциклопедии приурочено к 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Энциклопедия предназначена как для историков и литературоведов, так и для всех интересующихся историей Пугачева и опытом исторических изысканий А. С. Пушкина по этой теме. Мы

считаем, что она является одним из важных источников в изучении темы «Пушкин и Оренбургский край».

Литература:

1. Оренбургская пушкинская энциклопедия : Путешествие – 1833. Реалии "Истории Пугачева". Прототипы "Капитанской дочери". Исследователи и интерпретаторы / авт. и сост. : д-р ист. наук Овчинников Р. В., акад. Большаков Л. Н. ; Фонд "Будущее Отечества" им. В. П. Поляничко. – Оренбург : Димур, 1997. – 519 с. : ил.

2. Малофеева, Н. Н. Литературная персональная энциклопедия как разновидность литературной энциклопедии. Критерии редакторской оценки [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 05.25.03 / Н. Н. Малофеева; Моск. гос. ун-т печати. – М., 2002. – 23 с. – Режим доступа : http://нэб.рф/catalog/000199_000009_002324793/?PAGEN_1=1&setlang=ru. – Дата обращения : 20.12.2016.

3. Прянишников, Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае/ Н. Е. Прянишников; ред. Г. В. Худяков. – 2-е изд., испр. и доп. – Чкалов : Чкаловское кн. изд-во, 1956. – 219 с.

«Чему свидетели мы были»: к 180-летию выхода повести «Капитанская дочка»

Мельникова А. А.

В начале 1833 года Пушкин увлекся исторической тематикой. Он колебался, какой теме отдать предпочтение. Его привлекала личность Петра Великого, львиная фигура здравствующего тогда легендарного опального героя Кавказа и Бородин генерала А.П. Ермолова, волновала личность славного генералиссимуса А. В. Суворова, героя Измаила, Рымнина, альпийского похода.

Как главный историограф императора, сменивший на этой должности покойного Н.М. Карамзина, он обращается к военному министру графу А.И. Чернышову с просьбой предоставить ему документы о походах Суворова: «Приношу Вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное в моей просьбе. Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах Главного штаба:

1. Следственное дело о Пугачеве.
2. Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года.
3. Донесения его 1794 года.
4. Приказы его к войскам.

Буду ожидать от Вашего сиятельства позволения пользоваться сими «драгоценными материалами»».

Общий ход пугачевщины был в то время малоизвестен. Суворову приписывалось «взятие самозванца и прекращение мятежа». Пушкин предполагал, что арест Пугачева будет одной из глав о Суворове, но увлекся темой.

Пушкин подчеркивал в предисловии, что труд его был задуман в масштабах гораздо больших, чем ему удалось осуществить.

«Будущий историк, коему позволено распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд – конечно несовершенный, но добросовестный». Поэт не скрыл от читателей одной из важнейших причин несовершенства работы, так как ему было отказано в изучении многих материалов следственного дела о Пугачеве, которое оставалось еще долго «нераспечатанным».

Приступая к работе, Пушкин сомневался в достоверности личности Пугачева. Знакомясь со следственным «Делом», он столкнулся с противоречиями, и у него закралось сомнение, а был ли вообще убит император Петр Федорович. В «Деле» было письмо Алексея Орлова, уведомляющее «матушку» о ссоре за столом с Петром Федоровичем и случайным убийством императора в драке. Но в том же «Деле» было письмо князя Вильегорского, где он описывал, как отравил императора бургундским вином.

Был еще рапорт начальника караула майора Кулагина, который докладывал, что по приказанию Алексея Орлова задушил Петра Федоровича. Правительство тоже напускало туман на это дело.

В Петропавловском соборе дата погребения Петра III и Екатерины II указана 18 декабря 1796 года, отчего складывалось впечатление, что супруги вместе прожили долгие годы и умерли в один и тот же день. Это вызвало шепот, особенно в провинции.

В свете все громче и громче ходили разговоры, что император Александр I не умер в Таганроге, а сбежал в Сибирь, где живет под именем старца Федора Кузьмича. Возможно, Петр III повторил Путь Александра I?

Да как было не сомневаться Пушкину, если по Руси гуляло около сорока самозванцев Петра III.

Интерес Пушкина к предводителю крестьянского восстания впервые отмечается в начале ноября 1824 г., когда он в письме к брату просит прислать ему «Жизнь Емельки Пугачева».

Спустя почти девять лет в начале 1833 г. на фоне то и дело вспыхивающих волнений Пушкин замысливает роман о пугачевском движении. Однако почувствовав недостаточность фактического

материала, поэт под предлогом написания истории Суворова добивается разрешения властей к исследованию архивных документов, касающихся восстания.

Более того, в сентябре 1833 г. Пушкин посещает места тех грозных событий, Оренбургскую и Казанскую губернии, где «возился со стариками», современниками Пугачева, «осматривал места сражений, расспрашивал, записывал»[1].

Побывал поэт и в ставке Пугачева, деревне Берде, которую мятежники в шутку называли «Москвою». Здесь поэт имел удачу встретить старую казачку, которая хорошо помнила то время.

Итогом исторических разысканий и явилась «История Пугачева», увидевшая свет в 1834 г. под названием «История Пугачевского бунта» – поправка царя на правах личного цензора поэта.

Итогом же художественных разысканий, плодом творческой переработки готовой пугачевской темы стал роман «Капитанская дочка», вышедший в «Современнике» в конце 1836 г.

Главные события романа «Капитанская дочка» происходят в Белогорской крепости, стоящей на высоком берегу Яика. Невольно возникает вопрос: существовала ли она в действительности?

Автор романа определил местоположение крепости географически точно. В главе «Крепость» читаем: «Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика».

В главе «Пугачевщина» сказано: «Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своею женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти».

Таким образом, Белогорская крепость находилась на крутом берегу Яика между Оренбургом и Нижнеозерной – в 40 верстах от первого и в 25 от последней.

Однако в действительности ни в эпоху Крестьянской войны 1773–1775 гг. (и ни до того, ни после) на указанном Пушкиным месте крепости с таким названием не существовало. Пушкин дал ей имя вымышленное и условно поместил примерно на месте бывшей Татищевой крепости (нынешнего села Татищево, Переволоцкого района), через которую дважды проехал во время своего путешествия.

Тем не менее это не означает, что Белогорская и Татищева – одно и то же. Белогорская крепость – типизированный, обобщенный

образ пограничных приицких крепостей XVIII века, составлявших в своей совокупности огромную по протяженности Оренбургскую военную пограничную линию. Это своеобразная художественная иллюстрация к характеристике приицких крепостей, данной Пушкиным в «Истории Пугачева»: «Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ».

Ко времени путешествия Пушкина по Оренбургскому краю бывшие крепости, через которые проехал Пушкин, следуя в Оренбург, а позднее и в Уральск, не имели уже оборонительных сооружений. От них лишь частично уцелели земляные укрепления в виде заплывших рвов и следов земляных валов. Создавая этот образ, Пушкин основывался на документальных и литературных материалах, которые изучал, работая над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой». В то же время и в описании, и в названии крепости отразились его собственные дорожные наблюдения и впечатления.

Еще в 1916 году оренбургский ученый Д.Н. Соколов указывал, что название «Белогорская крепость» дано Пушкиным по «Белой» (меловой) горе, которую он встретил по дороге из Оренбурга в Уральск, неподалеку от села Нижнеозерного. Это объяснение нашло признание и вошло в литературу.

Все фамилии у Пушкина взяты из архивных документов, но перо автора приготовило им иную судьбу, чем было в жизни.

«Имя девицы Мироновой, – писал Пушкин 25 октября 1836 года П.А. Корсакову, – вымышлено. Роман был основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивший своему долгу и перешедший в шайку к Пугачеву, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины» Пушкин называет повесть романом.

В плане автора на роль капитанской дочки претендует Мария Васильевна Борисова, молодая девица, родители которой погибли на ее глазах от рук пугачевцев, сирота, живущая в доме П.И. Вульфа. Именно о ней Пушкин шутливо писал 27 октября 1828 года из Малинников, что «намерен на днях в нее влюбиться».

Можно только предполагать о причинах, в силу которых автор не связал название своей повести с именами Пугачева и Гринева, хотя

обе эти фигуры имели преимущественное право на выдвижение их в название повести.

Давая название «Капитанская дочка», Пушкин тем самым поднимал в общей концепции повести роль Маши Мироновой. Выдвигая на первый план Машу Миронову, Пушкин выделял тот внутренний мир своей повести, который утверждал, что в грозных испытаниях исторических бурь, ломающих и уничтожающих благополучие многих тысяч людей, высшей ценностью является человек, сохранение в нем той духовной красоты, благородство человеческой души и гуманности, которые, пройдя через горнило испытаний, в конце концов, торжествуют.

Японцы первые увидели этот высокий гуманизм, почувствовали, что и среди горя, смерти, казней, грохота пушек и виселиц душа народа остается всегда как прекрасный цветок, который цветет и расцветает, пока жив народ. Нет плохого народа, есть плохие правители. Издавая в 1883 году «Капитанскую дочку», они переводят название, опираясь на эти выводы: «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка (Удивительные вести из России)» А.С. Пушкин.

Фамилия Гринева не вымышленная. В правительственной информации от 10 января 1775 года об окончании процесса над Пугачевым имя подпоручика А. М. Гринева отмечалось в ряду тех, «кои находились под караулом, будучи сначала подозреваемыми в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными».

Образ Андрея Петровича Гринева автор биографически списал со своего деда Льва Александровича. Он, как и Андрей Петрович Гринев, служил при графе Минихе и вышел в отставку в чине майора в 1762 году, и «как Миних верен оставался паденью «Третьего Петра». Эта дата отставки старика Гринева, исключенная из основного текста, объясняет и опальное пребывание его в деревне, и постоянное раздражение при чтении «Придворного календаря», и нежелание отправить Петрушу на службу в гвардию в Петербург.

В числе документов, с которыми познакомился Пушкин, были и материалы об осаде пугачевцами Яицкого городка, одним из наиболее энергичных защитников которого являлся капитан Андрей Прохорович Крылов, отец будущего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Он послужил автору прообразом капитана Миронова.

Опираясь на рассказы И.А. Крылова об отце, всю жизнь тянувшего солдатскую лямку в самых отдаленных «крепостях» на окраинах России, полунищем боевом офицере, выслужившимся из

солдат, Пушкин создал яркий образ капитана Миронова, тоже выдвигенца из низов, дворянина только по чину, пасынка крепостнического государства, но принадлежащего к той славной когорте простых русских людей, которые никогда не щадили ради отечества «живота своего».

И. А. Крылов делился с Пушкиным: «Его отец, получивший капитанский чин еще при блаженной памяти императрице Елисавете Петровне, командовал отставными солдатами, казаками и разночинцами. Батюшка мой был человеком старого века. Он или учил своих любезных солдат (видно, солдатской науке надобно учиться целый свой век!), или читал священные книги... Каждый почти вечер собирались в нашу приемную горницу старик-поручик, казачий старшина, священник и еще кое-какие жители крепости».

Рассказ И.А. Крылова почти без литературной обработки вошел в текст повести. Повесть была вчерне закончена 23 июля 1836 года. Но в октябре Пушкин возвращается к ней и пишет еще две главы, которые он называет «Пропущенные главы». Когда он их закончил, было 19 октября 1836 года. День открытия лицея! Он берет последнюю главу повести «Суд» и устраивает свидание Маши Мироновой и императрицы не просто в саду (как было изначально), а в лицейском саду и именно у колонны графа Румянцева, которую он видел не раз из своей лицейской «кельи» и около которой состоялось его юношеское свидание с Наташей Кочубей: «Мария Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева». Написав эту фразу, он ставит под повестью дату: «19 октября 1836 года», что было ему не свойственно, но здесь был особый случай. Долг перед лицейскими был исполнен.

В конце 90-х годов XX века наш край стал местом съемок исторической ленты «Русский бунт» (режиссер А. Прошкин). Съемки начались с размахом в Петербурге, Москве, Выборге, с огромными массовками и богатыми декорациями. Но основные съемки проходили в Соль-Илецком и Саракташском районах («на натуре»). В это же время началось строительство декораций (крепость) в Саракташе. Осенью-зимой 1998 г. съемки были закончены.

После съемок фильма в декабре 1998 г. началась передача реквизита со съемок фильма и исторических костюмов Оренбургскому краеведческому музею, ставших основой большой коллекции по этой теме.

Результатом этой коллекции стало создание выставки «Русский бунт и любовь всепобеждающая», открытие которой прошло в апреле

2014 года в выставочных залах музея мегамолл «Армада». На выставке были представлены артиллерийские орудия, костюмы Е. Пугачева, уральских казаков, офицеров русской армии середины XVIII века, портреты оренбургских губернаторов, картины художников Ф. Живаева, В. Тельнова, С. Карпова, документы, представляющие события XVIII – XX веков, оружие.

В то смутное время, в богом забытой Белогорской крепости, юный офицер Петр Гринев (представлен костюм героя фильма) встречает свою первую любовь – Машеньку (костюм также представлен на выставке).

Экспонаты выставки прекрасно передали колорит эпохи, размах и масштаб «русского бунта» XVIII в., заставляя еще раз задуматься о смысле и месте народного бунта в российской истории.

В последствии выставка была показана в районах области, а в 2015 году имела огромный успех в Татарстане (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник г. Елабуга) и в Башкортостане (Национальный музей г. Уфа).

В 2013 году к 180-летию труда А.С. Пушкина в Оренбургском краеведческом музее открылся «Пушкинский зал».

С 2006 г. Оренбургский краеведческий музей входит в Сообщество пушкинских музеев России и зарубежья, и пушкинская тематика является одной из ведущих в экспозиционно-выставочной и научно-просветительской работе музея.

Литература:

1. Маголидов, У.Ш. Пугачевские истории и Пугачев «Капитанской дочки» / У.Ш. Маголидов // Материалы XII Пушкинской конференции. – Б. Вязьмы, 2007.
2. Панфилов, Д.Т. Три правды А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» / Д.Т. Панфилов // Материалы XII Пушкинской конференции. – Б. Вязьмы, 2007.
3. Пушкин, А.С. Капитанская дочка // А.С. Пушкин. – Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.
4. Оксмон, Ю.Г. Пушкин в работе над романом / А.С. Пушкин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.
5. Попов, С. Дороги сентября / С. Попов // Рифей : Урал. лит.-краевед. сб. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1981.

**Спасительницы капитанских дочек
(по произведениям А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и
А.П. Крюкова «Рассказ моей бабушки»)**

Черкасова Н. Ф.

Литературоведами и краеведами (русскими и не только) рассматривались вопросы авторства повести «Рассказы моей бабушки» (при расшифровке инициалов «А.К.») и близости выдуманной пушкинской Белогорской крепости к реальному селу Нижнеозерное (обозначенного в «Рассказе моей бабушки» основным местом действия). Доводы, приведенные Н.И. Фокиным, П. Брандом, С. Поповым, С. Сорокиной, В. Савельзоном и др., позволяют считать автором повести Александра Петровича Крюкова, а село Нижнеозерное, исходя из топографических особенностей, – отражено и в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. (Уточним, что село Нижнеозерное находится на правом берегу реки Урал в Илекском районе; основано как редут на Нижнеяицкой линии крепостей в 1754 году).

Итак, перед нами две исторические повести авторов, непосредственно бывавших на месте событий в селе, описанном в произведениях. Александр Крюков – неоднократно – «во время своей работы в Илецком соляном правлении» [1], Александр Пушкин – во время поездки по Оренбургскому краю в 1833 году.

Читатели и исследователи этих повестей легко находят сходства: сюжетные, текстологические, психологического характера. Обратим внимание на наличие в обоих произведениях главных героинь – капитанских дочек, одинаковых сюжетных поворотов по их спасению от врагов и спасительниц главных героинь.

В повести А. Пушкина роль спасительницы отводится попадье Акулине Памфиловне, у А. Крюкова – бабушке-мельничихе.

В «Капитанской дочке» попадья Акулина Памфиловна выполняет второстепенную роль. По сюжету она, живя в одной крепости с Мироновыми, – добрая соседка, к которой заходят капитанша и Маша. Пушкин характеризует её в самом начале как «первую вестовщицу во всем околотке». Уточним значение этого слова, воспользовавшись словарем Даля: «Вестовщица – рассказчик вестей, новостей, сплетник, переносчик, вун» [2]. Мы узнаем об Акулине Памфиловне совсем немного: соленые огурцы она «приготовляла совершенно особенным образом», что ее корова ходила в степи, что «говорила она без умолку».

Интересна история создания этого образа, изложенная в воспоминаниях М.И. Осиповой: *«Жила у нас в то время ключница Акулина Памфиловна – ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи – Пушкину и захочется яблок; вот и пойдём мы просить Акулину Памфиловну: «принеси да принеси моченых яблок», – а та и разворчится. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее – чуть ли не в «Капитанской дочке» – и вывел попадьё...»* [3].

Но всю эту простоту и недалекость попадьи Акулины Памфиловны в «Капитанской дочке» «покрывают» дважды употребленный автором эпитет «добрая» и ее самоотверженность при спасении Маши Мироновой, несмотря на страшную опасность быть повешенной вместе с другими героями повести. Она не скрывает своего страха и рассказывает Петру Гриневу, что «так и обмерла», что «так уж и приготовились к мученической смерти» и что «застращал Пугачевым» её Алексей Иванович. Уважение к этой героине, открывшейся с такой стороны и в такое непростое время, мы наблюдаем и со стороны автора, и в отношении Петра Гринева, и... Емельяна Пугачева («Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно...»). Вот таким образом, в свойственной зрелому Пушкину писательской манере, кратко, реалистично, емко, автор «вплетает» образ спасительницы капитанской дочки в повествовательное полотно, выверив его сокровенным понятием – «честь».

Совершенно в другом ключе создан образ бабушки-мельничихи в повести А. Крюкова «Рассказ моей бабушки». Романтизм, превалирующий в литературном процессе начала XIX века, определил выбор героев, их трактовку, время и место действия и в данной повести. Образ спасительницы у Крюкова занимает центральное место в произведении, он многослоен, гипертрофированно ярок, глубок, колоритен; он помещен в водоворот исторических событий, место действия – необычно, таинственно. Докажем это примерами. Рассказ ведется от имени капитанской дочки. Приводим выдержки, характеризующие мельничиху:

– *«Бабушка-мельничиха – «всегдашняя моя собеседница, поверенная и друг»;*

– *«старуха, которая очень много участвовала в моих приключениях»;*

– *«Бабушка-мельничиха была старая вдова одного из жителей крепости, который когда-то был мельником, почему и осталось при*

ней прозвище прежнего его ремесла. В то время...она жила своим домом, имела изрядный достаток и пользовалась в кругу своем особенным уважением, которое приобрела своим умом, расторопностью и бойким нравом. Она была женщиной высокая, дородная и, несмотря на 60 лет, лежавших у нее за плечами, потягалась бы силою и молодечеством со всяким добрым детиною»;

– «Я её любила как родную мать свою, потому что она, будучи привязана к нашему дому, взлелеяла меня на руках своих, выучила хозяйству и рукодельям и всегда с охотою оставляла все свои домашние дела, чтобы сокращать для меня скучные зимние вечера любопытными рассказами о временах старинных».

Со слов той же девушки мы узнаем, что мельничиха «не унывала ни в каких обстоятельствах жизни, ...всегда была шутлива, всегда разговорчива, но при всем том с невероятною проницательностью умела предусматривать всякую опасность и заранее придумывать средства, как бы ее отвратить». Благодарная капитанская дочка неустанно подчеркивает ее доброту, ум, «твердый, проницательный и лукавый нрав».

«Неробкая мельничиха» вовремя приходит на помощь, спокойно уводит ее, «без всякой торопливости», переодевает «внучку Акулину», дает достойный отпор разбойникам, разговаривая равнодушно, даже ворча, и не давая себя в обиду.

Очень примечательна ее речь. Она просто перенасыщена пословицами и поговорками, дошедшими до нас и уже несохранившимися:

«Горем беде не пособить / Принесет их сюда нелегкая / Улита едет, когда-то будет / Век долог, всем полон / Успеем ещё и наплакаться, если богу будет угодно / Уж куда бы лиха не вынесла, а они не выторгуют у меня алтынного за грош / У меня родни до Москвы не перевешаешь / Чуваши, мордва: все наша родня / Коли с добрым словом, так милости просим / Спасибо, куманек, что ты нагнал ко мне всю эту саранчу. Да они съедят у меня и кирпичи из печки / Я...высоко нынче залетел – Скоро залетишь и еще выше / Если я и не вожу черта за нос, так уже никто не скажет, что совсем не водилась с чертями. У меня даже они есть и в родне. – Не за мое ли здоровье ты гуляешь? – А разве ты черт, родимой? / Сколь волка не корми, он все в лес глядит / Ведь с ними дружбу води, а за пазухой носи камень / Старуха еще надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо пройдет меня, либо нет / Пускай боится тот, у кого нечиста совесть / С крестом да с молитвой можешь спокойно ночевать и на банном полке в крещенский вечер / Сиди там тихо, так тихо, как

таракан за печкой / У красных девушек уши золотом завешаны / Какой дьявол лежит в черной душе этого вора / Задушишь ты разве козу, а не меня грешную / Утро вечера мудренее».

Обратимся к месту основных действий в повести А. Крюкова. Мы знаем, что мельничиха живет в своем доме и дом этот очень примечателен. Вот как описывает его главная героиня: *«Дом бабушки-мельничихи находился на берегу Урала, в самом углу нашей крепости, или лучше сказать за крепостью, потому что он отделялся от чистого поля одним только впадающим в Урал крупным оврагом, внизу которого журчал ручеек».* *«Этот дом был лучший из всех обывательских домов в Нижне-Озерной. Он заключал в себе две бревенчатые избы, разделенные большими сенями, как обыкновенно бывает в крестьянских домах. Крутая крыша его, отличавшаяся некоторым родом слухового окна, уступала вышиною разве одной только церковной колокольне. Но всего замечательнее было в доме бабушки-мельничихи то, что на крытом дворе этого дома, занимавшем острый мыс между берегом Урала и оврагом было так много построено клеток и закоулков всякого рода, что их можно сравнить с теми подземельями старинных рыцарских замков...».*

Отдав дань романтизму в выборе такого места обитания спасительницы капитанской дочери, автор, тем не менее, достоверен и точен одновременно. Докажем это небольшим экскурсом в прошлое России и, в частности, Оренбуржья.

Век назад деревенский пейзаж немислимо было представить без ветряных и водяных мельниц. У каждой деревни и села на взгорках махали крыльями 5 – 6 ветряков, на каждой маленькой речке стояло несколько водяных мельниц.

Мельницы силой воды и ветра многие сотни лет снабжали людей жизненной энергией, являясь «посредниками между полем и печью – крутили жернова, превращая зерно в муку. По украшению окрестных пейзажей с церковью мог поспорить только ветряк» [4].

Наш земляк Р. Ахметов, уроженец села Чесноковки, что в 16 километрах от Нижнеозерного, вспоминает такие факты из своего детства: *«Километрах в трех от села, выше по течению, в первые послевоенные годы еще работала сохранившаяся одна из трех водяная мельница. Ездили туда на лошадях, быках. А чаще ходили пешком. Так как не в каждом доме мешками имелось зерно для помола. Насыплет мать на доньшко мешка 12 – 15 килограммов ржи или пшеницы, а чаще всего их смесь, и идешь по речке...».*

Выше мельницы была запруда, из которой по деревянному желобу вода падала с высоты на лопасти мельницы. Крутятся

жернова. Дрожит все сооружение. В воздухе стоит вкусная мучная пыль...» [5].

Его односельчанин Рашит Кушмухаметов делится такой информацией о дореволюционных годах села Чесноковки: *«На берегах повыше, так называемой «мельничной линии», было построено пять незатейливых мельниц на один постав, которые мололи зерно помаленьку день и ночь довольно высокого качества. Самая хорошая и востребованная мука была с мельницы немца Германа, но конкуренты не могли согласиться с этим и однажды ночью мельница запылала и сгорела дотла» [6].*

Бабушка-мельничиха, как мы знаем, «имела изрядный достаток». По всей вероятности, что-то осталось и от прежней жизни с мужем – мельником. «Много хлеба – держи свиней, много денег – заводи мельницу», – читаем мы в словаре Даля [7], или: «Сидит кулик на болоте, не жнет – не молотит, только денежку колотит» [8]). В данном случае автор тоже не отошел от истины, ему была знакома эта сторона народной жизни.

В повести «Рассказ моей бабушки» читаем: *«Большая часть жителей крепости была той веры, что бабушка-мельничиха живет не с п р о с т а, потому что она умела и бобами разводить, и в воду глядеть, знала и привороты и отвороты, и всякие лекарственные зелья...»*. Ремесло мужа и ее причастность к нему, несомненно, отразились и на отношении жителей села к мельничихе.

Водяная мельница *«всегда была окружена таинственной дымкой: труд, быт и поэтическое творчество составляли когда-то единый сплав народной жизни... У всех мельников существовало нечто общее, какая-то странная созерцательность, какой-то духовный запас, которым не обладали все прочие, то есть немельники. Вода днем и ночью шумит у плотины. Плесо мерцает под солнцем, лишь редкие всплески рыб беспокоят зачарованную широкую гладь. Жернова не то что шуршат, а как бы умиротворенно ровно посапывают, помольщик храпит в избушке...» [9].*

Конечно же, согласно поверьям, на мельнице жил водяной, «любимое его местопребывание – это мельница, а на ней водяное колесо... Когда колесо работает, водяной обязательно сидит сверху, брызгает водой. Из всего этого, разумеется, неизбежно и логически следует, что каждый мельник должен быть колдуном, иначе невозможно себе представить, каким родом он мог бы орудовать на мельнице, где настоящим хозяином является нечистая сила. И потому он должен ладить с водяным и уметь его задабривать; иначе никакого порядка на мельнице не будет» [10].

Добавим сюда еще тот факт, что «единственным сооружением, которого никогда не касались крест и святая вода, была мельница. Ее не освящали. Вероятно, потому, что невидимая сила, которая заставляла вращаться тяжелые жернова, представлялась нечистой» [11].

Итак, основываясь на двух образах спасительниц главных героинь в произведениях авторов, живших в одном временном отрезке, описывающих аналогичные события и побывавших на месте этих событий, можно сделать следующие выводы:

1) пушкинский вариант – попадья – «оттеняет» образ главной героини, органично входит в канву реалистичного повествования, не акцентируя внимания на себе, и помогает читателю своей типичностью и достоверностью понять авторский замысел;

2) вариант Крюкова – бабушка-мельничиха – образ, овеянный романтической дымкой, перенасыщенный в какой-то степени национальной колоритностью, но впечатляющий, запоминающийся и не лишенный исторической достоверности.

Литература:

1. Попов, С. Капитанский сын и «Капитанская дочка» / С. Попов // Гостинный Двор. – 1995. – № 3. – С.119.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1981. – Т. 1. – С.333.
3. Осипова, М. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семева [Электронный ресурс] / М. Осипова. – Режим доступа: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-54.php>.
4. Галанин, А.В. Энергетика древней Руси / А.В. Галанин // Вселенная живая [Электронный ресурс] – Владивосток, 2013. – Режим доступа: <http://ukhtoma.ru/plotina1.html>.
5. Ахметов, Р. Были белых гор / Р. Ахметов. – Переволоцк, 2002. – С. 27.
6. Кушмухаметов, Р. Семья Кушмухаметовых [Электронный ресурс] / Р. Кушмухаметов. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/kushmuhametow_r_f/kushmuhametow_r_f.shtml.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.1981. – Т. 2. – С.317.
8. Мельник. Русская мифология. Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/141743/90/Eriashvili,_Madlevskaya,_Pavlovskii_-_Russkaya_mifologiya._Enciklopediya.html.
9. Белов, В. Лад. Очерки о народной эстетике / В. Белов. – М., 1989. – С. 69.

10. Орлов, М. История сношений человека с дьяволом [Электронный ресурс] / М. Орлов. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Orlov/_02dop.php
11. Резепов, Е. Всё перемелется [Электронный ресурс] / Е Резепов. – Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/media/magazines/article/141891/>.

***«Капитанская дочка» А.С. Пушкина:
к вопросу об истории экранизации повести***

Хохлова Т.А.

Творчество А.С. Пушкина всегда находилось и находится под пристальным вниманием критиков и литературоведов. Большинство его произведений нашло отражение во многих видах словесного и несловесного искусства. К его сказкам нарисовано немало иллюстраций, поставлены оперы («Борис Годунов» 1987, «Русалка» 1971, «Евгений Онегин» 2009 и др.), балет («Пиковая дама» 1983), созданы экранизации балета – так называемый фильм-балет – «Метель» 1971, «Граф Нулин» 1959 и др. Особо стоит отметить кинематограф. Трудно найти произведение А.С. Пушкина, которое обошли бы вниманием режиссеры и сценаристы.

Уже с самого начала стало очевидно, что пушкинские тексты очень хорошо «ложатся» на язык кино. Хотя были и противники переноса пушкинского текста в кинематографические условия. В журнале «Советское кино» в 1925 году писали о тотальной несовместимости Пушкина и кино: «Пушкин и кинолента так же несовместимы, как проселок и железная дорога, как деревенская тишь и грохот большого фабричного города. Несовместимы, прежде всего, потому, что кинематограф подчеркивает там, где поэт только намекает». Однако жизнь доказала обратное.

История экранизаций пушкинских произведений – одна из самых успешных не только в отечественном, но и мировом кинематографе. Почти вся проза Пушкина была экранизирована уже с 1907 по 1917 год. В августе 1907 года в Петербурге показан «Сцены из боярской жизни». Это первый фильм, снятый по произведениям А.С. Пушкина – трагедии «Борис Годунов». В эпоху немого кино экранизировались и стихотворения Пушкина («Я Вас любил...», «Я помню чудное мгновенье (К К*)» и др.). В те годы кинематограф только развивался, только начинал захватывать умы и сердца аудитории. Никто не знал, как наиболее точно и верно переводить литературные произведения на язык кино и можно ли это делать

вообще. Самое сложное – понять, как переложить слово на немую картину, приспособить литературный сюжет к возможностям немого кино.

При изучении взаимодействия кинематографа с творчеством А.С. Пушкина обращает на себя внимание тот факт, что уже с начала XX века чаще всего художественному переосмыслению подвергались три его наиболее известных творения – «Дубровский» (10 экранизаций), «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» (по 13 экранизаций у каждого). По этим произведениям сняты фильмы не только отечественными, но и зарубежными режиссерами. Остановимся подробнее на «Капитанской дочке». Из всех пушкинских текстов (не считая, конечно, драматургических), «Капитанскую дочку», пожалуй, чаще других пытались «перевести» с языка художественной прозы, «прочесть» его, используя не только и не столько возможности литературоведческого или историографического анализа, но, в первую очередь, выразительные средства театрального, хореографического, музыкального искусств, кинематографа [1].

Впервые «Капитанская дочка» была экранизирована более ста лет назад – в 1914 году. Режиссерами немого фильма выступили Григорий Либкен и Сигизмунд Веселовский. Емельяна Пугачева сыграл Н. Смирнов, Машу Миронову – Ольга Оболенская. К сожалению, фильм до наших дней не сохранился.

В 1928 году по сценарию В.Б. Шкловского режиссер Ю. Тарич снял также бессловесную «Капитанскую дочку» (Другое название – «Гвардии сержант»). Создавая сценарий, В. Шкловский решил «подправить» пушкинское произведение: сделать Петра Гринева фаворитом Екатерины II. Причина тому – распространенная в 20-е годы мода «революционизировать» классику. Позже В. Шкловский осознал недопустимость столь вольного обращения с классикой и не раз говорил об этом.

Следующая кинопостановка «Капитанской дочки», уже черно-белая и звуковая, появилась во время хрущевской оттепели – в 1958 году. Это фильм, режиссера Владимира Каплуновского, получивший премию «Золотой парус» XII МКФ в Локарно (1959) как наиболее сенсационное произведение. Также фильм был удостоен Второй премии на Всесоюзном кинофестивале в Киеве (художнику фильма Евгению Куманькову, 1959); диплома III Международного кинофестиваля в Ванкувере (1960, Канада); диплома IV Международного кинофестиваля в Монреале (1960, Канада); диплома участия МКФ в Стратфорде (1960, Великобритания). В главных

ролях снялись О. Стриженов, И. Арепина, С. Лукьянов. Многие кинокритики, исследователи творчества А.С. Пушкина, простые зрители по сей день считают этот фильм лучшей экранизацией этого произведения.

В 1978 году режиссер Павел Резников поставил телеспектакль «Капитанская дочка», где задействовал прекрасный актерский состав. В роли молодого Гринева снялся А. Абдулов, Пугачева – В. Самойлов, Маши – Е. Проклова. В фильме участвовали также Л. Дуров, Л. Филатов, Е. Ханаева и другие. Сценарий телеспектакля максимально приближен к тексту повести. Режиссеру удалось воссоздать атмосферу времен Пугачевского восстания.

Трудно назвать педантичным пересказом литературного произведения историческую драму «Русский бунт» 1999 года режиссера Александра Прошкина, снятый по мотивам повести Пушкина. Картина объединила два произведения Пушкина: «Капитанскую дочку» и «Историю Пугачевского бунта». В главных ролях снялись: М. Даменцкий, К. Грушка, В. Машков. Фильм получил следующие награды: Берлинский кинофестиваль (2000) – номинация на приз «Золотой медведь»; фестиваль «Кинотавр» (2000): призы: специальный приз жюри (фильму «Русский бунт»), лучшая мужская роль (Сергей Маковецкий), приз имени Микаэла Таривердиева за лучшую музыку к фильму (Владимир Мартынов); кинопремия «Ника» (2001): премии: лучшая работа художника по костюмам (Наталья Полях), лучший звук (Александр Хасин, Юрий Рейнбах), лучшая работа художника-постановщика (Александр Толкачев, Владимир Ермаков); номинации: лучшая роль второго плана (Сергей Маковецкий), лучшая операторская работа (Сергей Юриздицкий) [2].

Об этой постановке много писали, некоторые ругали за «кровавость». Но заметим, что масштабные исторические экранизации редко обходятся без жестоких сцен, показывая ужасы войны. Это не только история любви Маши и Гринева. Режиссер постарался показать настоящий русский бунт и его мрачные последствия.

Стоит обратить внимание на то, что в фонде историко-литературного музея «Капитанская дочка» есть фильмы, снятые по одноименной повести А.С. Пушкина, 1958 и 1999 годов. Киноверсии художественного произведения демонстрируются студентам Оренбургского государственного аграрного университета на занятиях не только по истории, но и по русскому языку и культуре речи. Это обусловлено тем, что на каждом из занятий подходы к анализу и оценке разные. Так, на лекциях по истории необходимо обращать

внимание на историческую достоверность личности Е.Пугачева и Екатерины II. А на уроках по русскому языку и культуре речи – на соответствие экранного и литературного текстов, отображение пушкинского взгляда в кинематографе.

Таким образом, интерес к пушкинским произведениям не угасает и по сей день. Его творчество активно изучается и интерпретируется не только в искусстве (в частности, кинематографе), но и в среде обычных читателей. Тексты великого писателя послужили тем фундаментом, на котором в течение более ста лет формировался отечественный кинематограф.

Литература:

1. Дубинин, А.Н. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на российской сцене / А. Н. Дубинин // «Русский бунт» на страницах повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: Вторые научные Пушкинские чтения: сб. ст. / под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. – С. 101 – 102.
2. В чём различия фильма и книги А.С.Пушкина «Капитанская дочка»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveexpert.ru/topic/view/2116996-v-chem-razlichiya-filma-i-knigi-a-s-pushkina-quot-kapitanskaya-dochka-quot>(дата обращения 25. 01. 2017).

«Капитанская дочка»: от световых до кинокартин

Судоргина Т. В.

Кинематограф в конце XIX века только зарождался, но жители нашего степного края благодаря его предшественникам могли познакомиться с пушкинской повестью «Капитанская дочка».

Ещё в марте 1899 года в «Оренбургском листке» опубликован «Каталог световых картин, изготовляемых в мастерской М.Н. Кормильцева в Оренбурге». Потенциальным покупателям сообщали: «Достоинство картин улучшено. Цены уменьшены. Картины, раскрашенные с покрывным стеклом в рамке – 80коп.; Картины, не раскрашенные с покрывным стеклом и рамкой – 25коп.; Картины, не раскрашенные без покрывного стекла и рамки – 15коп. Все вышесказанные картины исполняются фотографическим способом на стеклянных пластинках размером 8,5 на 10 сантиметров».

«Каталог» содержал перечень картин, изготовленных к «Празднованию столетия со дня рождения А.С.Пушкина». Среди произведений поэта, которые были проиллюстрированы, оказались «Русалка» (5 картин), «Сказка о рыбаке и рыбке» (9 картин), «Полтава» (19 картин), «Евгений Онегин» (6 картин), «Кавказский пленник» (6 картин).

К «Капитанской дочке» изготовлено 15 световых картин: «Встреча с прохожим в степи», «Гринёв отдаёт тулуп прохожему», «Гринёв представляется комендантше», «Вечер в комендантском доме», «Прощание Маши с отцом у стен крепости», «Штурм Белогорской крепости», «Гринёв пред Пугачёвым», «Попойка у Пугачёва», «Ночь в Белогорской крепости», «Гринёв жалуется Пугачёву на Швабрина», «Гринёв на суде», «Марья Ивановна и неизвестная дама», «Марья Ивановна перед Императрицей», «Портрет Екатерины II», «Дуэль Гринёва»[1].

Хроникёр «Оренбургского листка», познакомив жителей губернского центра с программой мероприятий, посвящённых вековой годовщине со дня рождения А.С.Пушкина, извещал: «Общим, так сказать, всенародным чествованием Александра Сергеевича будет лишь заупокойное архиерейское богослужение в соборе, да народный бесплатный спектакль из световых картин, устраиваемых комитетом попечительства о народной трезвости »[2].

«Оренбургская газета» опубликовала более подробный анонс главным пушкинским торжествам. Из него следовало, что на заседании Оренбургской учёной архивной комиссии будет прочтён реферат «Об Оренбургском крае по произведениям Пушкина. Кроме того, сообщалось: «В городском театре Оренбургским уездным комитетом попечительства о народной трезвости устраивается Литературное утро с туманными картинами. Будут прочитаны лучшие произведения поэта, которые будут иллюстрироваться туманными картинами. Начало в 3 часа дня. Вход бесплатный, бесплатные билеты можно получать у участкового попечителя С.А. Быбина и в управлениях полицейских частей»[3].

В заметке под заголовком «Пушкинский праздник у казаков 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска» журналист «Оренбургской газеты» в июне 1899 года писал: «Общерусское торжество чествования 26 мая (день рождения Александра Сергеевича по старому стилю – Т.С.) памяти нашего народного поэта А.С.Пушкина не было чуждым и для казачьего населения, хорошо знакомого ещё со школьной скамьи с некоторыми произведениями бессмертного поэта. Особенно нравится казакам

Капитанская дочка», имеющая кроме своих литературных достоинств ещё и местный интерес по своему содержанию.

Празднества в честь Пушкина были устроены во многих станицах, как, например, Оренбургской, Каменноозёрной, Рассыпной и других. Везде праздник открывался панихидой в местной церкви, на которой присутствовала масса взрослых, ученики и ученицы во главе со своими учителями и учительницами. Вечером того же дня были устроены в школах чтения биографии поэта и некоторых его произведений, например, некоторых глав «Капитанской дочки», «Кавказского пленника», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Песня о вещем Олеге».

Чтения сопровождались соответствующими световыми картинами и пением... Желающих послушать была такая масса, что огромные здания школ не вмещали всех. Многие стояли на улице у открытых окон. В Каменноозёрной станице, благодаря громадному стечению народа, чтение с картинами и пением производилось прямо на открытом воздухе. Праздник этот доставил большое наслаждение всему местному населению»[4].

Первая попытка экранизации «Капитанской дочки» была предпринята еще в 1914 году режиссерами Григорием Либкен и Сигизмундом Веселовским. Фильм, к сожалению, не сохранился.

В 1928 году режиссером Ю. Таричем по сценарию В.Б. Шкловского был снят немой фильм «Капитанская дочка». Другое название – «Гвардии сержант». Создавая сценарий, В. Шкловский решил «подправить» пушкинское произведение. Сказалась распространенная в 20-е годы практика «революционизировать» классику. По мнению критиков в этой экранизации проявилось отчетливое стремление создать самостоятельное кинематографическое произведение на основе литературного: по-новому решить композицию, найти кинематографические эквиваленты литературным образам. Идейным и художественным стержнем сценария В. Шкловский делает движение народа во главе с Пугачевым. Тема восстания проходит через весь сценарий, являясь главной пружиной, определяющей движение сюжета. Характеры и судьбы всех действующих лиц раскрыты в острых и драматических столкновениях с темой народной бури и с самим Пугачевым[5]. Опираясь на пушкинский роман, он вместе с Ю. Таричем хотел «заострить черты екатерининской эпохи», «воспеть» народный бунт, «воспеть» революцию. Там, где пушкинский роман не давал возможностей для воплощения этого замысла, его «подправляли» и дополняли. Так, в частности, были привнесены гротескные сцены,

обличающие быт и нравы екатерининского двора и т. д. [6]. Мысль Пушкина о том, что не образование и не положение в обществе делает человека благородным и честным, оказалась подмененной злой сатирой на воспитание дворянских недорослей. В результате Петр Гринев и Маша превратились в уродливые карикатуры, а Швабрин, напротив, – в законченного революционера, просвещенного и мудрого сподвижника Пугачева. В данном случае «удаление» от первоисточника оказалось чрезмерным и слияния фильма с романом не произошло. Позднее В. Шкловский, признавая недостатки своего сценария, писал: «В общем, сценарий был написан мною неправильно. Ошибка эта вытекает из неправильного моего понимания Пушкина. Сценарий «Капитанская дочка» нужно написать заново и снять для звуковой картины» [7].

На страницах газеты «Оренбургская коммуна» 80 лет назад в середине лета 1936 года появилась небольшая заметка под названием «Кинокартина «Пугачев» снимается в Оренбурге». В ней говорилось: «Вечерняя Москва» сообщает, что в ближайшие дни в Оренбург выезжает съёмочная бригада киностудии «Ленфильм» для натурных съёмок звуковой картины «Пугачев». В фильме будут показаны бой Пугачева с преследовавшими его войсками Михельсона, знаменитый лагерь Пугачева в казачьей станице Берды, описанный Пушкиным в «Истории пугачевского бунта». В роли Пугачева будет сниматься артист ленинградского государственного театра драмы Жуковский. Ставит фильм режиссер Петров-Бытов»»[8]. К сожалению, других сведений, подтверждающих или опровергающих эти данные обнаружить пока не удалось. Хотя уже в ноябре 1937 года фильм «Пугачев» уже демонстрировался на экранах кинотеатров города Оренбурга [9].

Следующий фильм «Капитанская дочка» появился во время хрущевской оттепели в 1958 году. Это черно-белый звуковой фильм, режиссера В. Каплуновского, получивший премию «Золотой парус» XII МКФ в Локарно (1959) как наиболее сенсационное произведение. А также, в 1960 году – диплом III Международного кинофестиваля в Ванкувере и диплом IV Международного кинофестиваля в Монреале. В главных ролях снялись О. Стриженов, И. Арпина, С. Лукьянов. Критики утверждали: «В романе преобладают главы, изображающие пугачевское восстание и то, что втянуто в его орбиту. Авторы фильма нарушили это соотношение. На первое место в фильме выдвинута любовная интрига: Гринев – Маша – Швабрин. Пугачевское восстание оказалось лишь фоном, на котором разыгрывается история их любви. По существу, осталась нереализованной в фильме и тема человека

перед лицом истории... Вместе с ней отсутствуют полнота и сложность жизненных явлений, свойственные пушкинскому роману».

Оренбургские театралы неоднократно обращались к «Капитанской дочке», но хочется упомянуть о балетном спектакле 45-летней давности. Оренбургский композитор Д.С.Генделев весной 1971 года закончил работу над балетом «Капитанская дочка». Первая постановка осуществлена в театре музыкальной комедии [10].

В 1978 году на экраны вышел черно-белый телеспектакль «Капитанская дочка», снятый режиссером Павлом Резниковым. Он собрал замечательный актерский состав. В роли молодого Гринева снялся А. Абдулов, Пугачев – В. Самойлов, Маша – Е. Проклова. В фильме снимались также Л. Дуров (слуга Гринева), Л. Филатов (Швабрин). Сценарий телеспектакля максимально приближен к тексту повести. Режиссеру удалось воссоздать атмосферу времен Пугачевского восстания. Музыку к постановке написал великий композитор Альфред Шнитке.

Дни польского кино состоялись в Оренбурге 20 лет назад – с 31 октября по 3 ноября 1996 года. В них приняли участие звёзды мирового кинематографа – режиссёр Ежи Гофман, несравненная актриса Беата Тышкевич. В рамках фестиваля большое внимание было уделено кинопроекту «Русский бунт» по мотивам «Капитанской дочки» А.С.Пушкина, съёмки которого предполагались в Оренбуржье к 200-летию юбилею поэта [11].

В 1998 – 1999 гг. режиссер Александр Прошкин создает новую версию «Капитанской дочки». Он включает в сюжет и другое произведение А. С. Пушкина – «Историю Пугачева». Получилось огромное эпическое полотно – «Русский бунт». Это не только история любви Маши и Гринева. Режиссер постарался показать настоящий русский бунт и его мрачные последствия. Фильм получил награды: Берлинский кинофестиваль (2000) – номинация на приз «Золотой медведь», кинопремия «Ника» (2001).

Для съемок фильма в Саракташском районе Оренбургской области художники-постановщики выстроили Белогорскую крепость в натуральную величину – с домами и церковью, хозяйственными постройками и плацем. Декорации и около 2 тысяч костюмов к фильму «Русский бунт» стали музейной ценностью в буквальном смысле слова. Построенная специально для съемок картины Белогорская крепость преобразована в историко-литературный музей «Капитанская дочка». Съемочная группа долго искала исполнителей ролей юных героев – Петра Гринева и Марии Мироновой, – пока, наконец, не обнаружила их в Польше. Петрушу Гринева играет

Матеуш Даменцки, Машу Миронову – Каролина Грушка. К моменту съемок им было ровно столько лет, как и их героям: 16 – Матеушу и 17 – Каролине. Режиссер Александр Прошкин так объяснял свой выбор исполнителей главных ролей: «Я искал двух очень молодых людей с некоторыми приметами не сегодняшнего дня...». На роль Емельяна Пугачева пригласили звезду российского кино Владимира Машкова. В прежних экранизациях «Капитанской дочки» Пугачев был огромным мужчиной, почти богатырем, преклонного возраста. У Пушкина он «...лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо имело выражение довольно приятное, но плутовское...».

Есть еще одна экранизация «Капитанской дочки», но работа эта необычна. В 2005 году в рамках проекта «Русская классика – детям» вышел кукольный анимационный фильм «Капитанская дочка». Режиссер Екатерина Михайлова рассказала: «От основного сюжета книги мы не отходили. Единственное отличие: наше повествование будет основано на воспоминаниях Гринева. Он присутствует на казни Емельяна Пугачева и мысленно уносится в прошлое. Это позволит нам обращаться к любым эпизодам, в любой последовательности». Премьера фильма состоялась 10 лет назад – в 2006 году в рамках Открытого российского фестиваля анимационного кино в Суздале. На XI Международном фестивале детского анимационного кино «Золотая рыбка» 26-минутный мультфильм получил официальный приз фестиваля «Лучший профессиональный фильм». На XV Международном кинофоруме «Золотой витязь» – главный приз. Фильм также удостоен премии «Золотой орёл» за лучший анимационный фильм (2007).

Помимо российских существуют и зарубежные экранизации, снятые по мотивам повести А.С. Пушкина:

1934 год – Волга в огне (*Volga en flammes* (фр.-рус), реж. Вячеслав Туржанский (Франция);

1947 год – Капитанская дочка, (*La figlia del capitano*), реж. Марио Камерини (Италия);

1958 год – Капитанская дочка (*La Tempesta* (итал.-рус.), реж. Альберто Латтуада;

1962 год – Капитанская дочка (*La fille du capitaine*), эпизод телесериала *Le théâtre de la jeunesse* (Франция);

1965 год – Капитанская дочка (*La figlia del capitano*) (Италия);

1972 год – Капитанская дочка (*La hija del Capitán*), эпизод телесериала *Novela* (Испания);

2012 год – Капитанская дочка (La figlia del capitano), реж. Джакомо Кампиотти (Италия).

Возможно, следующие поколения вновь обратятся к «Капитанской дочке», чтобы показать свое видение российской истории, и мы увидим новую экранизацию замечательной повести А. С. Пушкина.

Литература:

1. Оренбургский листок.– 21 марта 1899. – 21 марта.
2. Оренбургский листок.–1899 года.–23 мая.
3. Оренбургская газета.–1899года.– 22 мая
4. Оренбургская газета. – 1899 года.–6 июня
5. Шкловский, В. Как ставить классиков / В. Шкловский //Сов. экран.– 1927. – № 33.– С. 10.
- 6.. Тарич, Ю. Пушкин под сомнением (к постановке «Капитанской дочки») / Ю. Тарич // Сов. экран.– 1927.– № 44. – С. 13.
7. Шкловский, В. Сценарий «Капитанская дочка» / В. Шкловский // Искусство кино. – 1937.– № 2.– С. 47.
8. Оренбургская коммуна.– 1936. – 16 июля.
9. Оренбургская коммуна. – 1937.– 21 нояб.
10. Южный Урал. – 1971.– 13 марта
11. Вечерний Оренбург.– 1996. – 24 окт.; Оренбуржье. – 1996.– 16 окт., 2 нояб., 11 нояб., 30 нояб.

Секция 2. Историко-литературное изучение творчества А.С.Пушкина

Пушкинская запись «Показания Крылова (поэта): попытка нового прочтения»

Савельзон И. В.

11 апреля 1833 года произошла встреча двух поэтов – А.С. Пушкина и И.А. Крылова; возможно, она состоялась в Публичной библиотеке или на квартире Крылова в здании библиотеки на Садовой улице, против Гостиного двора. Пушкин, готовясь к поездке и к созданию «Истории Пугачёва», записал ценные сведения от человека, помнившего те месяцы и годы крепкой детской памятью.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К "ИСТОРИИ ПУГАЧЁВА". ЗАПИСИ
УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН. ПОКАЗАНИЯ
КРЫЛОВА (ПОЭТА)

Отец Крылова (капитан) был при Симонове в Яицком городке. Его твёрдость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симанову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицкой крепости был замечен, то найдено было в бумагах Пугачёва в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелась игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой донине). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. – Его отцелил проходжий солдат.

11 апреля 1833

Напомним: Яицкий городок был одним из основных городов края, и Пугачёв приложил огромные усилия для овладения им. На допросе арестованный Пугачёв покажет:

В оное же время имел я разговор и такой: «Если бог поможет мне воцариться, то Яицкому городку быть вместо Москвы или Петербурга, а яицким казакам над всеми иметь первенство».

Согласно этим «показаниям» Ивана Крылова, героем обороны Яицкого городка был его отец, капитан Андрей Прохорович Крылов. Жену с пятилетним сыном он отправил в Оренбургскую крепость, не без оснований опасаясь за их жизнь в Яицком городке. В эти дни дворяне нигде не чувствовали себя в безопасности. В автобиографической книге «Взгляд на мою жизнь» поэт-сентименталист Иван Иванович Дмитриев свидетельствует:

Пугачёв уже подходил к Оренбургу; так называемые крепостцы, огороженные тыном, уступали многолюдству; коменданты и офицеры в них предавались мучительной казни <...>. Все наше дворянство из городов и поместий помчалось искать себе спасения: каждый скакал туда, где думал быть безопаснее.

В четвёртой главе «Истории Пугачёва» Пушкин отзывается об Андрее Прохоровиче уважительно:

Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастью, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный (глава вторая).

Пугачёв скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и всё семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом обречен был смерти и четырёхлетний ребенок, впоследствии славный Крылов (глава пятая).

Видный пушкиновед Юлиан Григорьевич Оксман предполагал, что капитан Крылов мог стать прототипом капитана Миронова в «Капитанской дочке»[1]. Скорее всего, именно А.П. Крылов был автором записок «Оборона крепости Яика от партии мятежников», опубликованных Павлом Петровичем Свиньиным в его журнале «Отечественные записки» сразу после посещения Оренбурга[2]. Этот вопрос подробно рассмотрен и решён в статье историка и пушкиноведа Реджинальда Васильевича Овчинникова[3]. В ней Р.В. Овчинников приводит слова капитана Крылова, которыми тот характеризует свою роль в удержании крепости:

В письме к генерал-майору П. С. Потёмкину от 22 июня 1775 г., вспоминая осаду крепости в январе–апреле 1774 г., Крылов указывал, что он и фактически, и по служебному положению был вторым после коменданта Симонова военачальником в осаждённой крепости и «при всяком случае все силы употреблял как к преодолению неприятеля, так в разсуждении ретраншаментов и всех онаго укреплений, а наиболее воинской предосторожности в попечении и наблюдении нужного распорядка, так что не было никакого и малейшего предначертания ниже действий, в которых бы я совершенного участия не имел, ибо если я не больше, что из пристойности неприлично выговорить, то, по последней мере, не меньше самого коменданта во всех подробностях распростирался. О чём, уповаю, каждый из бывших в помянутой блокаде может по справедливости засвидетельствовать»[4].

Вопрос, к которому мы обратимся в настоящей статье, состоит в установлении лиц и мест событий, о которых говорится в записанных Пушкиным «Показаниях Крылова (поэта)». Напомним их окончание:

После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелась игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто

Анчапов (живой доньне). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. – Его отцепил проходжий солдат.

Из этого абзаца, кажется, следует, что шестилетний Ваня Крылов возглавлял часть компании детей, воплощавших виденные ими военные события в своих, говоря по-современному, «ролевых играх». Некогого ребёнка по фамилии Анчапов другой мальчик, по фамилии Мертваго, там же, в Яицком городке, увлекшись игрой, едва не лишил жизни, повесив на дереве посредством кушака (широкий пояс, как правило, матерчатый), и только случайно проходивший мимо солдат спас ребёнка от смерти.

Солидное издание[5], явно основываясь на этих строках из «Показаний Крылова», даёт примечание: «Мертваго Дмитрий Борисович (1760-1824), товарищ детских игр Крылова в Оренбурге, впоследствии сенатор, автор "Записок"». Даже великий филолог ушедшего века Ю.М. Лотман, обращаясь к этой записи о своих целях, не задался вопросом о его неоднородности:

В том, что жестокость нельзя объяснить случайными причинами или характерами отдельных людей, убедил Пушкина рассказ Крылова о том, какое ожесточение вызвала между детьми даже «игра в пугачевицу»[6]...

Однако эти события не могли происходить в одном и том же месте! Поясним.

Нам представляется значимым местоимение, словно переводящее в этой записи повествование от «крыловской» игры к «мертваговской». В точке перехода между двумя сходными, но разными сюжетами, а именно вот здесь, –

произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной...

– в начале второй фразы слово «оной» может быть прочтено не как «этой» (пишущий воспользовался бы однозначным в данном контексте местоимением «сей»), но в другом из нескольких своих значений – как «другой», «подобной», «такой же», «той». Такое словоупотребление Пушкин в своих текстах активно использовал*,

* Примечательно, что «Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова» для толкования слова «оный» берёт несколько примеров именно из пушкинского творчества: ОНЬИ оная, оное, местоим. указат. 1. тот, тот самый (книжн. устар.). – Так! было время: с Кочубеем был друг Мазепа: в оны дни, Как солью, хлебом и елеем, делились чувствами они. Пушкин. Под опалой в оны годы находился демократ. Некрасов. 2. Вышеупомянутый (канц. устар.). Оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге. Пушкин (из текста деловой бумаги). 3. Заменяет личное местоим. "он" (канц. устар.). Как до отъезда в Москву, так и по возвращении из оной проживал в доме родителей. Во время оно или во времена оны, или во дни оны (разг. шутл.) – когда-то давно, некогда. Я говорю: так было прежде во время оно и со мной.

после чего во фразе уместным смотрится приведение примера из жизни знакомого (причём обоим участникам интервью!), но другого человека, Д.Б. Мертваго. Вспомним, что встарь это местоимение употреблялось даже в значении не идентифицирующем, но в противопоставительном – «тот», «другой», «противоположный». В «Повести временных лет» Д.С.Лихачёв переводит фразу «И стал Володимер на сей стороне (реки), а печенеги на оной, и не смутились сии на оную страну, ни они на сию страну» как «И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту».

Теперь обратимся к лицам, названным в пушкинской записи.

Русский государственный деятель Дмитрий Борисович Мертваго (1760, Алатырский уезд Симбирской губернии, – 1824, Москва) по совету Г. Державина* создал автобиографические «Записки», первая часть которых называлась «Пугачёвщина». Вчитаемся в это живо написанное свидетельство эпохи.

Семья Мертваго, спасаясь от нашествия пугачёвских орд, остановилась в лесу, но узнав об этом, потерявшие страх перед властью жители недалёкой деревни явились к поляне, чтобы схватить дворян.

Приблизившись к нашему убежищу, разделились они на несколько партий, окружили нас и напали вдруг со всех сторон с большим криком. В эту несчастную минуту батюшка отдыхал в шалаши; люди оробели и побежали; сёстры, схватив под руки матушку, побежали в лес; злодеи кинулись на батюшку. Он выстрелил из пистолета, и хотя никого не убил, но заставил отступить; и схватив ружьё, лежавшее возле него, и трость, в которой была вделана шпага, не видя никого из своих около себя, побежал в чащу леса, закричав нам: "Прощай, жена и дети". Это были последние слова, которые я от него слышал.

Отец был схвачен пугачёвцами и повешен.

...какая-то женщина, мывшая на реке платья, увидя толпу злодеев, ехавших на другой стороне реки, закричала им: "Барин здесь". Эти люди тотчас же переправились вплавь через реку, и, не застав батюшку в деревне, поскакали вслед за ним. Нагнав его в

Пушкин. время оно (шутл.) - незапамятное время. - Не могут ли аудиенцию дать? Хожу со времени она. Маяковский. (От обычного начала евангельских чтений в церкви; "оно", "оны" - кратк. формы.)

*Как переплетаются имена и судьбы! И это ещё не предел... чтобы усилить впечатление, упомянем о том, что Д.Б.Мертваго был крёстным отцом другого «оренбурца» - Сергея Тимофеевича Аксакова. В ряд с Мертваго встают Пушкин, Крылов, Державин, Аксаков...

нескольких верстах от селения, заставили повернуть назад и, собравши всех дворовых и крестьян наших, объявили им, что кто хочет, может бить его. Когда же все сказали, что довольны батюшкою и просили ему помилования, то злодеи приказали вести его в город. Но тогда тот самый человек, который ударил матушку и сестру дубиною по голове, стал бить батюшку плетью; после чего казаки повесили его и стреляли в него, ранили в плечо и в бок. Наконец, полагая, что он уже умер, сняв его с виселицы, потащили за ноги к реке и там в тине оставили... Но, видно, он был ещё жив тогда, потому что преданные ему люди, через несколько дней после того выехавшие из города, нашли тело его и свидетельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестного знамения.

Впервые публикуя в 1936 году пушкинскую запись[7], Ю.Г. Оксман сразу отметил поразительное сходство последней части записи с другим текстом о пугачёвщине:

Последние строки рассказа И.А. Крылова очень близки эпизоду из времён восстания Пугачёва, отмеченному в «Автобиографических записках» сенатора Д.Б. Мертваго, опубликованных много лет спустя после смерти и Пушкина, и Крылова. Рассказ этот в записках Д.Б. Мертваго приурочен к лету 1774 г., когда он сам жил в занятом пугачёвцами г. Алатыре (Симбирской губернии) [8].

Р.В. Овчинников произвёл убедительный анализ этой пушкинской записи в статье ««...некто Анчапов?»»[9]. Вслед за Оксманом и он приходит к выводу о контаминации в пушкинской записи повествований о двух весьма схожих играх, происходивших в Яицком городке – рассказа их участника И.А. Крылова, а также в Алатыре – рассказа их участника Д.Б. Мертваго.

Дмитрию Мертваго в то время было четырнадцать лет. Овдовевшая мать с детьми после разгрома бунтовщиков осталась в городе Алатыре. Тут-то и произошли события, легшие в основу заключительных строчек из «Показаний Крылова»:

Матушка, сделавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, как выше я сказал, мало. Я делал, что хотел, окружил себя мальчиками разного сословия и вскоре сумел взять над ними большую власть.

Все умы заняты были тогдашними суровыми происшествиями. Бесперывные слухи о сражениях и убийствах и почти ежедневное зрелище смертной казни завели и у нас тому подобные игры. Мы разделились на две партии, из которых одной я был предводителем, и играли в войну. Однажды собралось мало мальчиков моей партии, и я, видя невозможность защищаться на открытом месте и нападать,

как прежде бывало, на неприятеля, засел в пустых срубках сгоревших изб. Предводитель неприятельской партии, сын ямщика, не зная, где мы скрывались, послал из партии своей лазутчиком мальчика-дворянина, ровесника мне, и так же, как я, чудесным образом спасшегося от смерти, поручив ему разведать, откуда удобнее на нас напасть. Этот мальчик, маленький ростом*, разделся и, прикрыв спину рогожей, пополз на животе исполнять данное ему поручение. Неприятель наш не знал, что для надзора за его движениями я поставил в скрытых местах несколько часовых, которые поймали и привели ко мне лазутчика. Я собрал начальников моей партии, нарядил суд, который решил виновного повесить, и как ни любил я этого мальчика, но привёл в исполнение приговор суда. К счастью нашему, петля, сделанная из той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягкой и не сильно захватила горло; однако он переставал уже дышать, когда гарнизонный солдат, шедший по пустырю, увидев наши проделки, прибежал и вовремя снял повешенного, который долго лежал без чувства. Мы стали дышать ему в рот и качать – и кое-как оживили. Не могу передать, как сильно я почувствовал важность моего преступления. Я сознался во всем перед солдатом, просил его отвести меня, как убийцу, к воеводе, говоря, что я достоин строгого наказания, что согрешил я пред Богом и пред людьми и не должен более жить на свете. Когда мальчик ожил, и солдат, только пожурив меня, отпустил, я сильно обрадовался, тотчас помирился с лазутчиком и, отыскав его платье, помог ему одеться. А так как все мальчики разбежались, видя беду, то и мы воротились домой. С этих пор я дал себе слово не заводить вперед подобной забавы и играл только в козлы и чушки.

Как видим, – это однозначно следует из записок Д. Мертваго, – события происходили в Алатыре (современная Чувашия), более чем в пятистах километрах от Уральска (бывший Яицкий городок). Редкая фамилия «Мертваго» не даёт возможности усомниться в том, что именно эти события были пересказаны Пушкину.

Но кем?

Вариантов остаётся два: во-первых, конечно, самим Крыловым во время этой встречи как продолжение его рассказа об играх мальчиков в Яицком городке. В пользу этого соображения можно

сказать то, что никаких дополнительных указаний на источники сообщения Пушкин в свой текст не помещает.

Р.В. Овчинников не допускает сомнений в том, что весь текст пушкинской записи – перенесённые на бумагу слова Крылова:

Мертваго не назвал фамилии мальчика, едва не ставшего жертвой опасной игры, но очевидно, что речь шла о том самом Анчапове, который был упомянут в рассказе Крылова (выделено нами. – И.С.). Это наблюдение подтверждается несомненными чертами сходства в показаниях Крылова и Мертваго об одном и том же событии. О приключении, случившемся с Анчаповым, последний и рассказал Крылову во время одной из встреч в Петербурге, где в 1797 – 1801 гг. Мертваго служил по провиантской части в Военной коллегии, в 1807 – 1810 гг. – в Военном министерстве, а в последующие годы – сенатором в одном из департаментов Сената. Следует заметить, что мемуары Мертваго, над которыми он работал в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX в., были опубликованы много лет спустя после гибели Пушкина и кончины Крылова[10].

Однако остаётся возможность и другого предположения: Пушкин вписывает в текст «показаний» Крылова – приписывает в самом конце от себя и для себя – сведения, уже известные ему, в качестве важной параллели, с тем, чтобы не упустить её при дальнейшей работе с этим текстом. С Дмитрием Борисовичем Мертваго могли быть знакомы оба – и Пушкин, и Крылов. Крылов – через Алексея Николаевича Оленина, под чьим началом служил в Публичной библиотеке и в чьём литературно-художественном салоне многие годы был завсегдатаем. Оленин и Мертваго были женаты на сёстрах, в девичестве Полторацких: Елизавета Марковна Оленина была сестрой Варвары Марковны Мертваго.

И Пушкин был связан с Мертваго, и не менее, а возможно, и более коротко (и через Олениных, и непосредственным знакомством между семьями).

По сведениям подмосковных краеведов (усадьба Мертваго в селе Демьяново находится на территории Клинского района):

В 1832 г. в Демьяново был Александр Сергеевич Пушкин, онзнакомился с «Записками Д.Б.Мертваго», их чтение пробудило в нём интерес к пугачёвской теме («История Пугачёва», 1833). Влияние «Записок» особенно заметно в «Капитанской дочке» (1836). Пушкин в первый раз был в Демьяново ещё подростком: в 1811 г., проездом в Петербург, здесь останавливался поэт Василий Львович Пушкин, он

вёз для определения в лицей своего племянника, Александра Сергеевича Пушкина.*

Более убедительно утверждение авторов солидного научного издания[11]. В дискуссии о пушкинском стихотворении «Послание к Юдину» в качестве возможного адресата называется «Мария Дмитриевна Мертваго, дочь известного деятеля александровских времён Дмитрия Борисовича Мертваго, женатого на Варваре Марковне Полторацкой, с семьёю которого Пушкины были хорошо знакомы» [12].

Сразу две нити, вполне вероятно, связывавшие А.С. Пушкина с семейством Мертваго, могут быть протянуты от письма его дяди, В.Л. Пушкина, к П.А. Вяземскому от 11 апреля 1829 г.[13]. В нём Василий Львович сообщает о московских светских новостях и, среди прочего, о предстоящей свадьбе упомянутой выше Марии Дмитриевны Мертваго и Дмитрия Николаевича Маслова (1799 – 1856), лицейского товарища А.С.Пушкина, как о событиях в жизни хорошо знакомых людей:

Дочь Варвары Марковны Мертваго идёт замуж. На ней женится соученик моего племянника Маслов.*

Итак, к 1833-му году, моменту записи «Показаний Крылова», многолетним знакомством с Мертваго были связаны и Крылов – респондент, и Пушкин – интервьюер, а значит, источником сообщения об алатырской игре (эпизоде биографии не Крылова, а Мертваго) в этом тексте могли быть и Крылов, и сам Пушкин.

О чём может сказать графическое оформление текста? ЮГ. Оксман, в 1936 году публикуя эту запись в разделе «Новые тексты Пушкина» «Временника Пушкинской комиссии», привёл на вклейках фотокопии трёх страничек, исписанных пушкинской рукой. Эти 14 фраз написаны без абзацных отступов и каких-либо указаний на содержательную подразделённость текста, хотя он содержит четыре основных, хотя и кратко изложенных, темы. При этом первые фразы трёх из четырёх микротем начинаются с левого края листа: «Отец Крылова (капитан) был при Симонове в Яицком городке» (первая

*Об этом сообщает краеведческий сайт http://www.vidania.ru/template/template_mosobl/moskovskaya_oblast_klin_ustpenskaya_cerkov.html - увы, без ссылок на источники своих сведений, много от того проигрывающих. Надо признать: доверять этому сайту тем труднее, что именно на странице http://www.vidania.ru/literatura/demyanovo_usadba_i_cerkov/dmitrii_borisovich_mertvago.html, посвящённой Дмитрию Борисовичу Мертваго, он сообщает явно недостоверные сведения: «Детские годы Дмитрия прошли в родовом поместье отца, в селе близ Оренбурга. Здесь на глазах мальчика его отец был убит Емельяном Пугачевым».

*Дмитрий Николаевич Маслов (1799—1856), лицейский товарищ А. С. Пушкина.

фраза всего текста), «Рейнсдорп был человек очень глупый» и «Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой донине)». Вряд ли это стоит считать доказательством чего бы то ни было, однако и совпадение отметить мы должны. Также на фотокопии хорошо видно, что в первоначальная фраза «Жертвой оной был некто Анчапов» исправлена на "чуть было не сделался" путём надстрочного добавления слов «чуть» и «не сделался» и переделки «быль» на «было».

Одно можно утверждать точно: окончание этих показаний, то есть история с Мертваго и Анчаповым, приписано Пушкиным к обстоятельствам жизни Крылова в Яицком городке, по принципу продления ряда подобных событий, а не как продолжение рассказа о жизни маленького Крылова. Предположение о возможном дописывании Пушкиным слышанного им самим сюжета, весьма сходного с услышанным от Крылова, составило основную гипотезу прочитанной вами статьи.

Литература:

1. Оксман, Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка»/ Ю.Г. Оксман // Пушкин А. Капитанская дочка. – Л., 1984. – С. 166.
2. Отечественные записки. – 1824. – Кн. 52. – С. 151 – 174; Кн. 53. – С. 319 – 347.
3. Овчинников, Р. В поисках автора «весьма замечательной статьи» (об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») / Р. Овчинников // История СССР. – 1979. – №4. – С. 173 – 179.
4. Там же. – С. 175 – 176.
5. Крылов в воспоминаниях современников. – М. : Худож. лит., 1982. – 503с.
6. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: кн. для учителя / Ю. М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – С. 155.
7. Запись рассказов И. А. Крылова/ комментарий Ю .Г. Оксмана // Временник Пушкинской комиссии: сб. науч. тр. – М.-Л., 1936. – Т .1. – С. 26–29.
8. Цит. соч. – С. 27.
9. «...некто Анчапов?» // Временник Пушкинской комиссии : сб. науч. .тр. – Л. : Наука, 1987. – Вып. 21. – С .169 – 173.
10. Там же. – С. 170.
11. Пушкин. Сборник первый. Описание Пушкинских рукописей с полной транскрипцией текста. / под ред. Н. К. Пиксанова; об-во любителей рос. словесности; Пушкинская комиссия. – М. : ГИЗ, 1924. – 31с.
12. Фатов, Н. Н. Предисловие / Н. Н. Фатов // Цит. соч. – С. 6.
13. Пушкин. Исследования и материалы. – Л .: Наука, 1983. – Т. 11. – С.213–249.

Башкирские вожди в Пугачевском восстании

Надршин Ф. М.

*«Они, казалось, казаки, но между ими и башкирцы,
которых легко можно было распознать по
их рысьим шапкам и по колчанам.»*

А.С. Пушкин «Капитанская дочка»

Крестьянская война 1773 – 1775 гг., явившаяся крупнейшим антифеодальным движением в России, характеризовалась массовым участием в ней нерусских народов Поволжья и Приуралья. Основные ее события происходили на огромной территории исторической Башкирии, а цели восставших были близки и понятны свободолюбивым устремлениям башкирского народа. Именно поэтому башкиры, составившие основу повстанческого войска, были наиболее преданными и последовательными сподвижниками Емельяна Пугачева. По общему признанию исследователей, башкирам принадлежало первое место по количеству участников, масштабам выступлений и, наконец, по роли в общей борьбе. Однако, историческая роль башкир заключалась не только в массовом и активном участии в восстании, «...но и в том, что они дали этому восстанию целую плеяду крупнейших и выдающихся предводителей»[1; С.3].

Добрую половину предводителей повстанческого войска составляли башкиры. Среди них был один генерал-фельдмаршал, один генерал, один бригадир, два главных полковника, 49 полковников и подполковников, 9 атаманов, 32 походных старшины, 13 есаулов, 22 сотника. Так уж сложилось в советское время, что у широкого круга исследователей и читателей участие башкир в событиях 1773 – 1775 гг. ассоциируются лишь с именем Салавата Юлаева и его отца Юлая Азналина, а имена других вождей были преданы забвению. Один из известных башкирских историков А.Н.Усманов еще в 1962 г. справедливо писал, что роли вождей освободительной борьбы башкир уделяется недостаточное внимание. Отмечая общеизвестность деятельности Салавата Юлаева, он подчеркивал, что «роль же других руководителей восстания освещена крайне слабо, а некоторые из почти неизвестны читателю»[2; С.113].

Из среды башкирского народа вышли крупнейшие предводители войска повстанцев: Идеркай Байметов и Кинзя

Арсланов, входившие в ближайший круг соратников Пугачева, были ближайшими его соратниками и советниками и пользовались безграничным доверием вождя. Базаргул Юнаев, Салават Юлаев, Каранай Муратов, Каскын Самаров возглавляли восстание на огромной территории Башкирии.

К числу незаслуженно забытых выдающихся вождей относился и Кинзя Арсланов. За истекшие десятилетия деятельность Кинзи Арсланова в Крестьянской войне нашла освещение в исторических исследованиях обобщающего характера. В них подчеркивается роль его агитаторов в вовлечении нерусских народов Башкортостана в повстанческое движение, а сам Кинзя предстает как один из ближайших и последовательных соратников Емельяна Пугачева. Он был башкиром Бушман-Кипчакской волости Ногайской дороги. В шэжэрэ башкир рода Кары-Кыпсак говорится, что он берет свое начало от знаменитого предводителя кипчаков Бушмана (Бачмана), продолжателя родового древа легендарного Лас-бия. Род бушман-кыпсаков был известным, почитаемым среди башкир не только Ногайской дороги, но и во всем Башкортостане. Об этом убедительно говорится в документах. Так, в 1721 – 1722 гг. его отец Арслан-батыр возглавил борьбу башкир за наказание карателей башкирских восстаний 1704 – 1711 гг. Александра Сергеева, Андрея Жихарева и других «прибыльщиков». Уфимский воевода полковник граф Головкин сообщал в Сенат, что башкиры всех четырех дорог во главе с Арслан-батыром многократно обращались с жалобами на своих обидчиков в Сенат и добились рассмотрения их дела в суде. Безусловно, это говорило не только о грамотности, но и большой популярности и высоком авторитете этого башкирского старшины. Арслан умело вел борьбу в судебном процессе и добился наказания обидчиков: воевода Сергеев был казнен. Факт сам по себе уникальный в российской истории.

Анализ фактов позволяет сделать вывод о том, что его младший сын Кинзя должен быть года рождения не позже указанных выше событий, то есть 20-х годов XVIII столетия. Известно, что после подавления Крестьянской войны Кинзя не попал в руки карателей, по его делу следствие не велось. Поэтому документов с указанием точного времени рождения и возраста Кинзи не обнаружено. В последние годы в Республике Башкортостан принято считать, что он родился в 1723 г. Но то, что он к началу восстания имел почтенный возраст, подтверждается целым рядом косвенных сведений. Задолго до Крестьянской войны Кинзя Арсланов был выбран старшиной Бушман-Кипчакской волости. В каком именно году оказали ему такое

доверие, неизвестно. В донесении Екатерине II от 26 мая 1763 г. оренбургский губернатор Д.В.Волков докладывал о своих соображениях по улучшению управления краем. В центре его внимания стоял «башкирский» вопрос: как не допускать в дальнейшем восстаний башкир. Решение этой острейшей проблемы в крае Волков связывал с улучшением их материального положения, приобщением к земледелию. По этому поводу он обратился с соответствующим письмом к верхушке Ногайской дороги. В ответе башкирских старшин, поступившем в Оренбург 25 июня того же года Кинзя Арсланов упоминается в качестве старшины своей волости. Содержание данного документа характеризует решимость башкир отстаивать свои земли и бороться за сохранение социально-политических привилегий военно-служилого сословия. В письме выдвигается просьба восстановить права башкир на содержание кузниц, указывается на растущую тяжесть воинской службы и налогов, остро ставится вопрос о защите вотчинных земель и лесных владений башкир от заводовладельцев. Любопытно, что в нем также содержалось завуалированное требование предоставить им права на владение крепостными крестьянами. Несмотря на поддержку всех этих просьб и требований губернатором, Сенат фактически оставил их без внимания, так как боялся военного усиления башкир и новых восстаний.

Есть косвенные сведения и о том, что Кинзя Арсланов принимал непосредственное участие в составлении Наказа башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767 – 1768 годов. Данный документ охватывает все актуальные вопросы социально-экономической, политико-правовой и культурно-просветительской жизни башкир и является важным памятником общественной мысли башкирского общества середины XVIII века [1; 58]. Популярность Кинзи не ограничивалась башкирским обществом. Дальнейшие события показывают, что он был хорошо известен среди казаков и нерусских народов края.

Вести о появлении «надежи-царя Петра Федоровича» быстро достигли башкир прилегающих к эпицентру восстания волостей Ногайской дороги. О событиях на Яике стало сразу же стало известно башкирам Бушман-Кыпсакской волости и уже 30 сентября 1773 г. в Каргалинскую (Сеитовскую) слободу, где была расположена ставка Пугачева, прибыла делегация от Кинзи Арсланова в количестве шести человек. Делегация, возглавляемая его родным племянником Кутлугильде Абдрахмановым, была принята вождем бунтовщиков в ночь на 1 октября. «Мужицкий царь» тут же решил послать манифест

башкирам. Текст послания составили коллективно. В обсуждении манифеста, кроме самого Пугачева, участвовали И.Н. Зарубин-Чика, Идеркай Баймеков, вся делегация Кинзи и ее руководитель Кутлугильде Абдрахманов.

По мнению большинства исследователей Кинзя привел к Пугачеву свой отряд численностью от 300 до 500 человек к началу осады Оренбурга. Факт прихода в повстанческий лагерь такого популярного, уважаемого, умного и энергичного человека как Кинзя Арсланов, имел принципиально важное значение, оказывал решающее влияние на колеблющуюся массу башкир. В лице Кинзи повстанческий центр приобрел энергичного организатора для мобилизации нерусских народов, а лично Пугачев – умного, верного и талантливоего сподвижника. С самого начала между повстанческим центром и губернскими властями развернулась борьба за привлечение местного населения на свою сторону. Как справедливо отмечал академик М.Н. Покровский, особенно важно было привлечь на свою сторону башкир, «народа конного и приученного к военному искусству». Борьба за башкир приобрела огромный размах и масштабы с приходом в ставку Пугачева Кинзи.

Опытный предводитель башкирского народа, воспитанный в традициях мощных башкирских восстаний 30 – 50-х гг. XVIII века, пользовавшийся огромной популярностью не только на Ногайской дороге, Кинзя сразу по прибытии в повстанческий лагерь вошел в круг близких сподвижников Пугачева. Последний присвоил ему чин главного полковника и назначил «атаманом башкирского полка». Время прибытия Кинзи в Бердский лагерь совпало с моментом вербовки башкир в карательные команды для поимки Пугачева и подавления восстания. Будучи «атаманом башкирского полка», Кинзя занялся его комплектованием. Хотя полк и назывался башкирским, на деле в подчинение Кинзи шли все повстанцы из нерусских народов Башкортостана: башкиры, татары, мишари, тептяри, чуваша, марийцы, калмыки и др. Командиров повстанческих отрядов и отдельных наиболее способных повстанцев Кинзя испытывал в сражениях под Оренбургом, а потом представлял Пугачеву. На этих приемах «царя» он выполнял функции толмача. Помимо комплектования «башкирского полка» и подготовки кадров предводителей повстанческого движения, Кинзя с первых дней своего пребывания в Бердском лагере развернул мощную агитацию среди многонационального населения Башкортостана. В этом ему сильно помогала его образованность. Современники называли его «абызом», что означало широко образованного, эрудированного человека.

А.Н.Усманов, большой знаток проблем Крестьянской войны 1773 – 1775 гг., писал, что с приходом Кинзи в Бердский лагерь содержание манифестов Пугачева изменилось в лучшую сторону. Кинзя, назначенный «главным полковником башкирского полка», стал также посылать к башкирским старшинам собственные указы, которые сыграли неоценимую роль в мобилизации башкир в повстанческое движение. По прибытии в Бердскую крепость Кинзя развернул деятельность по пропаганде идей восстания среди башкир и вовлечению их в армию Пугачева. Авторитет Кинзи Арсланова в Башкирии с ходом восстания все время возрастал и, очевидно, даже не шел в сравнение с авторитетом какого-либо другого башкирского предводителя [3; С. 133]. Таким образом, агитационная деятельность Кинзи распространилась на огромную территорию, включая Ногайскую дорогу и Ставропольский уезд Оренбургской губернии. Постепенно в состав агитаторов Кинзя включал представителей татар, калмыков и других народов Башкортостана. В результате агитационной работы последовательно изменилось настроение населения края. Уже в первой половине октября начался массовый переход башкир на сторону восставших. В переломе в настроении народов края, в преодолении их колебаний большую роль сыграли манифесты Пугачева и громкие победы Главного войска повстанцев над крупными карательными корпусами полковника П.М.Чернышева, бригадира Х.Х.Билова и генерал-майора В.А.Кара. Но определяющее воздействие на население края оказывали агитаторы Кинзи. Выходцы из народа, хорошо знавшие его интересы и чаяния, обеспечили победу повстанческого центра в борьбе с местными властями за башкир и народы Башкортостана. Роль Кинзи и его агитаторов в мобилизации народов Башкортостана в повстанческое движение достойно отмечали его руководители. Перешли на сторону повстанцев и 1200 башкир и мишарей Стерлитамакского карательного корпуса, с поддержкой которого Кар связывал свои успехи в борьбе с Пугачевым. К середине ноября губернатор Рейнсдорп вынужден был признать свое полное поражение в борьбе за башкир. Все старания «верных» старшин по мобилизации башкир южных волостей Ногайской дороги, равно как и мероприятия Уфимской провинциальной канцелярии по комплектованию Стерлитамакского башкирско-мишарского карательного корпуса, завершились массовым переходом команд на сторону повстанцев. Вышеизложенные факты позволяют сделать вывод о том, что Кинзя Арсланов и его соратники своей агитационной деятельностью по мобилизации башкир и других народов южных волостей Башкортостана обусловили перерастание

локального восстания яицких казаков в Крестьянскую войну, последнюю и самую грандиозную в феодальной России. Это – главный, но не единственный вклад Кинзи в Крестьянскую войну 1773 – 1775 гг.

Будучи главным полковником и атаманом «башкирского полка», Кинзя постоянно находился в Бердской крепости и входил в число ближайших сподвижников Пугачева. Его «башкирский полк» в составе Главного войска повстанцев штурмовал Оренбург, отражал вылазки осажденных, участвовали в сражениях под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. Башкирские повстанцы вместе с казаками составляли самую боеспособную силу, ядро повстанческой армии – конницу. Они участвовали в разгроме карательных корпусов симбирского воеводы полковника Чернышева и бригадира Х.Х.Билова, в штурме Яицкого городка. 1500 башкир во главе с Идеркаем Баймековым и Кутлугильде Абдрахмановым приняли участие в разгроме корпуса генерала Кара, 1000 башкирских конников во главе с самим Пугачевым участвовали в захвате крепостей Ильинская и Илецкая защита, в штурме Верхне-Озерной крепости. В походе на Авзяно-Петровские заводы и Желтый редут Соколова-Хлопушу сопровождали 500 всадников «башкирского полка». Башкиры вместе с калмыками добровольно вызвались охранять Бердский лагерь. Кинзя умело руководил своим «башкирским полком», который составлял половину Главного войска. Одновременно с этим Кинзя продолжал вести агитацию среди народов края. Когда была одержана полная победа над местной царской администрацией за привлечение башкир на свою сторону и население Ногайской дороги полностью перешло на сторону Пугачева, повстанческий центр изменил тактику мобилизации населения. Встала задача распространения восстания вширь, на новые территории. Поэтому повстанцев, проявивших свои полководческие и организаторские способности, Пугачев и Военная коллегия направляли для организации новых повстанческих районов. Кинзя входил в число ближайших и доверенных лиц «царя», которые составляли при нем негласный совет. Заседания этого совета проходили в строжайшем секрете, его роль в руководстве движением была очень велика. Он функционировал параллельно с Военной коллегией, а с переходом Главного войска на правый берег Волги совет стал особенно авторитетным органом. Состав совета был крайне ограниченный и постоянный, в него входили самые ближайшие сподвижники Пугачева. Кинзя на протяжении всей Крестьянской войны оставался членом негласного совета.

Исключительную роль в Крестьянской войне Кинзя сыграл весной 1774 г. После потери Главного войска под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г. Пугачев фактически остался без армии. Корпус генерала П.М.Голицына продолжал наступать на Бердский лагерь. В этих критических условиях повстанческому центру удалось сформировать войско численностью 5 тысяч человек. Из них около 3 тысяч были башкирские конники Кинзи, 1 – 2 апреля они героически сражались с корпусом Голицына под Сакмарским городком. Однако в результате двух сражений Пугачев понес огромные потери в виде раненых и попавших в плен. С вождем восстания осталось 500 наиболее преданных повстанцев. В их числе было всего 100 яицких и илецких казаков, 100 заводских крестьян и 300 башкир. В эти тяжёлые для вождя дни рядом с ним, помимо небольшой группы казаков (Творогов, Чумаков и другие, которые в будущем предадут восстание и сдадут Пугачева властям), самыми верными сподвижниками оставались башкиры во главе с Кинзей. Еще в Бердском лагере, после поражения под Татищевой крепостью, перед Пугачевым и его сподвижниками встал вопрос: куда идти? Спорили долго и шумно. Одни советовали идти на соединение с Зарубиным-Чикой, другие – через Переволоцкую или Сорочинскую крепость идти на Яицкий городок, оттуда на Гурьев. Этот же роковой вопрос встал перед пугачевцами и после поражения под Сакмарским городком. Вновь разгорались споры. Идти через Яицкий городок на Гурьев, а оттуда к некрасовцам оказалось невозможным. Пугачев намеревался вернуться в Каргалу или Сакмарский городок и там продержаться до весны, что было явно нереальным. В этой сложной ситуации Кинзя предложил Пугачеву идти на север, в Башкортостан. «Если Вы туда придете, так я вам чрез десять дней хоть десять тысяч своих башкирцев поставлю», – обещал Кинзя. Пугачев принял его предложение[4; С. 97].

По утверждению историков Н.Ф. Дубровина, В.В. Мавродина, А.Н. Усманова в первые дни после поражения повстанческой армии под Сакмарским городком Пугачев со своим немногочисленным отрядом вынужден был скрываться от преследования карателей и «верных» старшин в доме Кинзи. Хозяин дома со своими соратниками в эти дни распространял новые манифесты «царя» и собирал народ для формирования новой повстанческой армии. Так начался 2-й этап восстания. Из дома Кинзи Пугачев со своим отрядом двинулся через южно-уральские заводы на север, затем резко свернул на северо-восток. Такой маршрут был подсказан, видимо, тем, что первоначально «царь» решил идти на соединение с многотысячной повстанческой армией Зарубина, действовавшей в районе Уфы. Но

вскоре было получено печальное известие о его поражении. После этого Пугачев изменил свое решение и направился в Зауралье, где продолжала действовать армия Грязнова и Туманова. На каждом заводе (Воскресенский, Авзяно-Петровский, Белорецкий) повстанческая армия пополнялась заводскими крестьянами, а Кинзя и его агитаторы продолжали приводить все новые и новые отряды восставших башкир. 19 мая, когда Пугачев подошел к Троицкой крепости, он располагал армией в 12 тысяч человек, состоявшей почти целиком из башкир и частично из заводских крестьян.

Весной и летом 1774 г. Кинзя не ограничивался мобилизацией башкир только для восстановления повстанческой армии Пугачева, но и принимал меры для распространения восстания на новые территории. Кинзя принимал участие в мероприятиях повстанческого центра по вовлечению в повстанческое движение казахов. Следует отметить, что в итоге казахи, как всегда, и на этот раз не поддерживали действия башкир.

Оказавшись перед фактом полного разгрома повстанческой армии под Челябинском, Пугачев, не дойдя до Звериноголовской крепости, резко изменил свой маршрут и направился через северные волости Башкортостана к Казани и потерпел там серьезное поражение. Удаляясь от Казани он отпустил башкир домой, оставив при себе Кинзю [4; 140]. После поражения повстанческой армии под Казанью на Арском поле, башкиры вернулись домой. Летом 1774 г., когда Главное войско Пугачева стремительным маршем двигалось вдоль Волги от Казани к Царицыну, Кинзя продолжал оставаться в числе самых доверенных людей Пугачева.

После сражения Пугачева с Михельсоном под Сальниковой ватагой 24 августа 1774 г. вместе с ним на левый берег Волги переправился из башкир только Кинзя. Но он и тогда сохранял верность вождю Крестьянской войны. Когда Творогов, Чумаков и другие казаки из окружения Пугачева затеяли заговор и задумали схватить, передать его в руки властей, они боялись Кинзи. На допросе Творогов сообщал: «Кинзю нельзя было нам никак оставить в разсуждении, что злодей тот час взял бы нас на подозрение» [1; 73]. В ночь на 15 сентября заговорщики арестовали Пугачева. Кинзя не смог им помешать в осуществлении их предательства. Причина могла быть только в одном: его не было рядом с Пугачевым. Казаки-заговорщики могли его убить или сумели разлучить их. Таким образом, Кинзя пропал без вести. Однако власти долго искали Кинзю, одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны, самого преданного сподвижника Пугачева. Военные и местные гражданские власти

многokrатно обращались к Кинзе с предложением добровольно явиться с повинной, распространяли ложные сообщения о его готовности к капитуляции. Власти боялись даже имени Кинзи, для его поимки вербовали «верных» старшин.

Башкирский народ долго не мог забыть своего любимого вождя. Осенью 1774 г., когда Главное войско уже было разбито под Черным Яром, а сам Пугачев был схвачен, в Башкортостане распространился слух, что Пугачев взял Москву, а губернатором в Оренбурге был назначен Кинзя. В Башкирии ещё долго ходили слухи, что Кинзя вернулся и собирает – нет, уже собрал! – большие отряды, которые стоят «в вершинах рек Белой, Сакмары, Ашкадара и Демы» [5; 466]. Таким способом башкирские предводители решили использовать огромный авторитет Кинзи для усиления повстанческого движения на третьем этапе восстания, которое теперь велось только силами башкир.

В последние десятилетия сделано многое для возвращения из небытия имени Кинзи Арсланова. В Республике Башкортостан издан ряд книг, проведены научные конференции, посвященные событиям 1773 – 1775 годов. На родине этого национального героя башкирского народа в деревне Кинзябыз Куюргазинского района установлен его бюст, создана музейная экспозиция, его именем названы улицы и сельскохозяйственные предприятия. С удовлетворением можно констатировать, что историческая справедливость в отношении этой выдающейся личности восстановлена.

Литература:

1. Кулбахтин, Н.М. Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз... / Н. М. Кулбахтин. – Уфа, 2004.
2. Усманов, А.Н. Кинзя Арсланов – выдающийся сподвижник Пугачева / А. Н. Усманов // Исторические записки. – М., 1962. – Т.71.
3. Лимонов, Ю.А. Пугачев и Пугачевцы / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. – Л., 1974.
4. Таймасов, С.У. Восстание 1773 – 1774 гг. в Башкортостане / С. У. Таймасов. – Уфа, 2000.
5. Гвоздикова, И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева / И.М. Гвоздикова. – Уфа, 1999.

**«Спартанскою душой пленяя нас...»:
лицейский товарищ А.С.Пушкина
В.Д. Вольховский и Оренбургский край**

Зубова И. К.

Среди дорогих нам «Пушкинских» дат есть и 19 октября. В этот день в 1811 г. состоялось торжественное открытие Царскосельского Лицея. В этот день 12-летний Александр Пушкин встретился с теми, кого потом всю жизнь называл друзьями и братьями, с кем всегда отмечал эту дату, которой в 1825 г. посвятил одно из лучших своих стихотворений:

«Роняет лес багряный свой убор.
Сребрит мороз увянувшее поле...»

В тот год он встречал лицейский праздник один, в Михайловской ссылке, и, думая над посланием к друзьям, вспоминал их такими, какими они были в школьные годы.

«Товарищи! Сегодня праздник наш,
Заветный срок! Сегодня там, далече
На пир любви, на сладостное вече
Сошлись вы при звоне мирных чаш.
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошалить».

Он представлял себе лицейскую столовую, где учащиеся, как и в классе, обязаны были рассаживаться в зависимости от своих успехов и поведения:

«Чтоб тридцать мест нас ожидали снова,
Садитесь, как мы садились там,
Когда места, в тени святого крова,
Отличие предписывало нам».

Первыми всегда были Владимир Вольховский и Александр Горчаков, ну а ему, Пушкину, приходилось сиживать и последним, за проказы.

На память пришли строчки лицейской песни:
«Покровительством Минервы
Пусть Вольховский будет первый...»
Он лишь немного перефразировал эти строчки:
«Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,

Пушай опять Вольховский сядет первый,
Последний – я, иль Брогльо, иль Данзас...»

Он скромно пристроится в конце, рядом с выдающимся лентяем Данзасом и отважным Броглио, силачом и драчуном.

Пушкин не знал, что Сильверия Броглио, скорее всего, в это время уже не было в живых. Выпущенный из Лицея армейским прапорщиком, он сразу же вышел в отставку, и много лет товарищи ничего не знали о его судьбе, участником греческого освободительного движения и вскоре погиб.

Вряд ли Пушкин мог знать и то, что на дружеской встрече, которая рисовалась в его воображении, не мог в этом году присутствовать Суворочка, ныне капитан Генерального Штаба. Ещё в сентябре он отбыл в Оренбург...

Владимир Дмитриевич Вольховский (1798-1841) родом был из Полтавы, происходил из небогатой многодетной семьи бывшего офицера, учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1811 г. семерых лучших воспитанников этого учебного заведения перевели в открывшийся Царскосельский Лицей. Это были Владимир Вольховский, Дмитрий Маслов, Сергей Ломоносов, Фёдор Матюшкин, Михаил Яковлев, Константин Данзас и Николай Ржевский. Вольховский стал лучшим и в Лицее.

Он с детства мечтал стать военным, поэтому все силы отдавал учебе и ежедневным тренировкам, стремясь закалить себя, стать сильным и выносливым. Именно за это в Лицее его прозвали Суворчиком или Суворочкой, называли также спартанцем. Его негромкое и немногословное замечание останавливало самых вспыльчивых товарищей, предотвращало большие ссоры. За это Вольховский получил второе прозвище – Sapientia (мудрость).

При выпуске в 1817 г. он получил Первую или Большую золотую медаль и был выпущен прапорщиком в гвардию. Чтобы попасть на службу в Генеральный штаб – элитное учреждение, возглавлявшее важную работу военных геодезистов по картографированию России, ему пришлось сдать дополнительный серьёзный экзамен, подтверждавший наличие необходимых научных, прежде всего математических познаний. Такими познаниями, несомненно, обладал лучший выпускник Лицея первого выпуска.

В воспоминаниях И.И. Пущина о Пушкине есть рассказ, превратившийся почти в анекдот. Он о том, как Пушкин, решая у доски алгебраическую задачу, «долго переминался с ноги на ногу и всё писал молча какие-то формулы», а в конце концов сказал, что x равен нулю. «Хорошо! – ответил преподаватель математики Карцов, –

у Вас, Пушкин, в моём классе всё кончается нулём. Садитесь на своё место и пишите стихи». Пушин добрым словом поминает преподавателя, который не преследовал «из математического фанатизма» гениального поэта за нелюбовь к своему предмету.

Не стоит, впрочем, думать, что в рассказе этом идёт речь о каком-то простеньком уравнении, которого не мог решить Пушкин. Выпускник лицея кроме алгебры до уравнений третьей степени, планиметрии и стереометрии должен был пройти курс плоской и сферической тригонометрии и освоить «приложение алгебры к геометрии и коническим сечениям», т.е. основы аналитической геометрии. Кроме того, как говорится в программе Лицея, выпускник должен был «показать нужнейшие части прикладной математики, как то: статику, гидравлику, артиллерию и фортификацию». Таким образом, лицеист должен был знать математику в существенно большем объёме, чем современный школьник. Как вспоминал другой соученик Пушкина, М.А. Корф, математику во всём классе отлично знал только Вольховский.

Итак, после дополнительного экзамена он был утвержден офицером Генерального штаба и назначен состоять при Гвардейском корпусе. Через год получил чин подпоручика, ещё через год – поручика. Как писал академик Я.К. Грот, «начался ряд служебных успехов» молодого офицера.

Во внешней политике России этого времени большое значение имело установление дипломатических связей с восточными соседями. В 1820 г. снаряжалось первое русское посольство в Бухару, во главе которого стоял опытный дипломат А.Ф. Негри (1784-1854). Оно отправлялось в ответ на присылку послов бухарского эмира, желавшего установить дружеские связи с «Белым царём», как называли в Средней Азии русского императора.

Перед миссией ставились и научные задачи, связанные с описанием и картографированием совершенно еще неизученных пустынных земель, по которым предстояло совершить путешествие. Поэтому в состав миссии 24 июня 1820 г. были включены специалисты по картографии – офицеры Генерального Штаба полковник Е.К. Мейндорф, поручик Вольховский, поручик Тимофеев, а также натуралист Х. Пандер. Миссия провела в Бухаре три месяца и вернулась в Петербург 16 мая 1821 г. Офицеры Генерального штаба в этой поездке произвели топографическую съёмку и составили карту Каспийской низменности.

Участие Вольховского в миссии Негри нашло отражение в письмах директора лицея Е.А. Энгельгардта, на всю жизнь

сохранившего дружбу со многими своими питомцами. Одному из них, Фёдору Матюшкину, он писал, что рад поездке Вольховского, так как это, несомненно, почетное поручение, которое «несколько поправит финансы», так как путешествие интересное, и так как это на некоторое время удалит Вольховского от столицы. Вероятно, Энгельгардт знал о взглядах своего воспитанника, считал небезопасным для него его политическое окружение, а потому и радовался его отъезду. Как видно из воспоминаний И.И.Пушкина, он и Вольховский ещё лицеистами стали участниками кружка «Священная артель», который позднее влился в «Союз спасения», а затем – в «Союз благоденствия».

Участие Вольховского в Бухарской экспедиции упоминается также в письмах и стихах его лицейских товарищей. Например, Алексей Илличевский, на квартире которого в 1822 г. праздновалась лицейская годовщина, по случаю этой встречи писал:

«Здесь все мы:
Из Литвы, Сибири,
Из-за Бухарии степей,
Так ныне на моей квартире
Возобновляется Лицей».

В 1821–1822 гг. Вольховский участвовал в военных походах с гвардией в Витебской и Минской губерниях. Второго августа 1822 г. он получил чин штабс-капитана, а в январе 1824 г. был прикомандирован к Отдельному Оренбургскому корпусу и с 24 февраля по 29 марта участвовал с «особенным поручением» в экспедиции, целью которой было «преследование кочевых мятежников». Имелись в виду киргиз-кайсацкие разбойники, нападавшие на жителей Астрахани, рыбачивших на Каспийском море.

Вольховскому снова пришлось побывать в Оренбурге, о чём свидетельствует и письмо к нему Пушкина от 8 апреля 1824 г. Оно начинается словами: «На другой день приезда моего в Москву (14 марта) комедиант Яковлев вручил мне твою записку из Оренбурга». «Комедиант Яковлев» – это душа Лицейского общества Михаил Яковлев, музыкант, композитор, артист. Письмо Пушкина довольно ясно свидетельствует о том, что его очень занимают дела тайного общества...

Через год полковник Ф.Ф.Берг руководил новой военной экспедицией в Оренбургский край. Вольховский был включен в неё 27 августа 1825 г. Перед этой экспедицией стояли и научные цели. Именно она впервые исследовала плато Устьурт.

Перед началом экспедиции, осенью, ее участники останавливались в Оренбурге. Это подтверждается письмом невесты А.А. Дельвига С.М. Салтыковой, написанным оренбургской подруге А.Н. Карелиной 2 сентября 1825 года. В письме говорится о дружбе Дельвига с Вольховским, уехавшим накануне и собирающемся побывать в Оренбурге у Карелиных, так как он знаком с мужем Александры Николаевны, впоследствии знаменитым натуралистом и путешественником Г.С. Карелиным.

Трудный зимний поход закончился 17 марта 1826 г. По завершении экспедиции, в Уральске, Вольховский был арестован и привезен в Петербург на следствие по делу декабристов. Он не был активным членом «Союза Благоденствия». Служба, которой он отдавал все силы, оставляла ему для этого мало времени. Следственная комиссия это быстро выяснила, и Вольховский был оправдан, но ему было приказано присутствовать при казни К.Ф. Рылеева, П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина и П.Г. Каховского. 1 сентября 1826 г. он получил назначение на Кавказ и уже никогда больше не служил в Петербурге.

Проведя немало времени в Оренбургском крае, Вольховский, конечно, был хорошо знаком с уральскими казаками, со степями, где в свое время бушевало восстание Пугачёва. Именно это имел в виду А.С. Пушкин, когда, посылая другу 2 июня 1835 г. свою «Историю Пугачевского бунта», писал: «Мнение твоё касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно».

В 1826–1828 гг. Вольховский участвовал в русско-персидской войне. В декабре 1827 г. он был командирован в Тегеран к персидскому шаху за контрибуцией, вытребовать которую было непросто. Вольховский проявил твердость и дипломатическое искусство в переговорах и привез в Россию 10 миллионов рублей контрибуции, за что 4 марта 1828 г. был произведен в полковники.

13 марта 1828 г. он был назначен обер-квартирмейстером Отдельного кавказского корпуса. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Отправившись летом 1829 г. в действующую армию, А.С. Пушкин виделся с Вольховским, о чём упоминает в своём «Путешествии в Арзрум», отмечая усталый вид «изнуренного заботами» товарища. По-видимому, переутомление привело к тому, что в сентябре того же года Вольховский вышел в отставку для лечения. Некоторое время жил в Воронеже, подумывал о преподавательской работе в военном училище. 22 ноября 1830 г. он был назначен генеральным консулом в Египет, но не смог отправиться по этому назначению в связи с польским восстанием. Во время

польской кампании 1830-1831 гг. вновь находился в действующей армии, в феврале 1831 г. был контужен на Гроховских полях под Варшавой.

В июне 1831 г. Вольховский получил чин генерал-майора и был вновь назначен обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса. Служба его на Кавказе была, таким образом, трудной, но весьма успешной.

В начале 1837 г. Вольховский, как видно из его переписки с друзьями, тяжело пережил гибель Пушкина. А в конце этого года довольно печально закончилась его служебная карьера, когда Николай I, лично inspectируя Кавказский корпус, нашёл много злоупотреблений его начальников. Гнев императора распространился не только на непосредственных виновников этих злоупотреблений, но и на всех старших офицеров. Начальник штаба корпуса Вольховский был назначен командиром 1-й бригады 3-й пехотной дивизии в Литве. Это было таким позорным понижением, что он предпочёл выйти в отставку.

С февраля 1834 г. Владимир Дмитриевич был женат на младшей дочери первого директора лицея Василия Фёдоровича Малиновского и сестре лицейского друга Ивана Малиновского. Свадьба, состоявшаяся в Ревеле (ныне Таллине), была совсем «лицейской»: шаферами жениха были его однокашники М.Л. Яковлев и Ф.Ф. Матюшкин. О Марии Васильевне Вольховской (Малиновской) стоит сказать особо.

«Доброе дело, брат Суворчик. – пишет бывшему воспитаннику Е.А.Энгельгардт, поздравляя его с бракосочетанием. – Выбор твой хорош во всяком отношении, она роду-племени доброго, выросла в тишине, привыкла отказывать себе во всем, что может называться прихотью, она одарена талантами необыкновенными, и – лицейского поля ягодка!»

Ей было всего шестнадцать лет в год восстания декабристов, которое особенно потрясло семью Малиновских: старшая сестра Анна совсем незадолго до этого вышла замуж за барона А.Е. Розена, арестованного за связи с участниками восстания. Анна Васильевна знала, что это должно случиться, и сразу пообещала мужу, что никогда его не оставит. Когда его отправляли в ссылку, сыну Евгению, родившемуся 19 июня 1826 г., было всего полтора месяца. Николай I, позволяя жёнам декабристов следовать за мужьями в Сибирь, никому из них не разрешил взять с собой детей. А.Е.Розен уговорил жену не уезжать к нему сразу, подождать, пока сын немного подрастёт. Ребенка нужно было оставить у родных, но тётушка,

вырастившая детей В.Ф. Малиновского, рано потерявших мать, теперь не решалась брать на себя ответственность за внука из-за своего уже немалого возраста. И тогда Анна Васильевна нашла поддержку в лице юной сестры Марии, которая обещала ей вырастить мальчика.

А.В. Розен уехала в Сибирь в 1830 г., последней из тех, кого мы называем «декабристками». Из ее писем родным видно, что В.Д. Вольховский провожал её в далёкий и трудный путь и очень помог при этом. Женившись на Марии Васильевне, он полностью разделил с ней все заботы об её племяннике. «Твой полусын» – так называет мальчика Е.А. Энгельгардт в одном из писем Вольховскому, где даёт ему советы педагогического характера.

С родными отцом и матерью Евгений встретился только в 1838 г. По всей вероятности, он всегда считал Вольховских своими вторыми родителями. Несколько лет назад искусствовед И.Б. Чижова доказала, что портрет, много лет считавшийся портретом А.В. Розен, на самом деле является портретом её сестры, М.В. Вольховской. А причина этой неточности трогательна: на обратной стороне портрета сохранилась надпись «Моя мать», сделанная рукой Е.А. Розена, считавшего свою тётку второй матерью.

К сожалению, счастливый брак Вольховских был недолгим: ровно через два года после выхода в отставку, 7 марта 1841 г. Владимир Дмитриевич умер от внезапной и короткой болезни. Мария Васильевна пережила мужа на пятьдесят восемь лет, но никогда больше не вышла замуж.

Лицеист выпуска 1844 г., академик Я.К. Грот в начале 70-х гг. XIX в. активно собирал сведения об истории лицея и о «Пушкинском» его выпуске. Известно письмо к нему Ивана Васильевича Малиновского, который сообщает, что вдова и дочь Вольховского обе прекрасные художницы, и обязательно скопируют для Грота имеющийся у них портрет Владимира Дмитриевича. Вероятно, это и было сделано. В наше время довольно широко известны два его портрета, один – времени лицейской юности, а второй – времени службы на Кавказе, в мундире с генеральскими погонами.

Литература:

1. Матвиевская, Г.П. Выпускники Царскосельского Лицея в Оренбургском крае / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова // Два века с Пушкиным: материалы всерос.науч.-практ.конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. – С. 47 – 52.
2. Матвиевская, Г.П. Друзья Пушкина в Оренбурге / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова // Гостинный Двор: альманах. – 1999. – № 6. – С. 62 – 69.
3. Пущин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пущин. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 576 с.

4. Руденская, М.П. С лицейского порога / М. П. Руденская, С. Д. Руденская. – Л.: Лениздат, 1984. – 318 с.

5. Чиждова, И.Б. Звёзды Северной Пальмиры / И. Чиждова. – М.-СПб.: Эксмо-Миргарт, 2006. – 448 с.

Лучшие иллюстрированные издания А. С. Пушкина начала XX века

Симонова А. Н.

В фонде отдела редких книг Челябинской областной универсальной научной библиотеки хранятся два уникальных издания А. С. Пушкина, мировые шедевры, которые представляют собой одни из лучших образцов полиграфического искусства и отличаются высоким художественным исполнением – «Пиковая дама» с иллюстрациями А. Н. Бенуа (1911) и «Евгений Онегин» с рисунками Е. П. Самокиш-Судковской (1911). Книги выпущены издательским товариществом «Р. Голике и А. Вильборг».

«Голике Р. и Вильборг А.» – акционерное художественно-книгоиздательское товарищество, специализировавшееся на выпуске дорогих и подарочных высоко художественных изданий. В 1902 г. произошло объединение типографии и литографии Романа Романовича Голике с цинкографией и хромоилитографией Артура Ивановича Вильборга. 18 июня 1902 г. император Николай II подписал Устав товарищества, тем самым его утвердив. Таким образом, Р. Р. Голике и А. И. Вильборг сразу получили звание Поставщиков Двора Его Императорского Величества. Основными заказчиками издательства были: Община Св. Евгении, Комитет популяризации художественных изданий, Кружок любителей русских изящных изданий [7]. В 1911 г. книготовариществом было выпущено подарочное издание «Пиковой дамы» форматом 30,3×24,2 см с рисунками А. Н. Бенуа. Иллюстрации-наклейки выполнены цветной автотипией.

«Пиковая дама» была издана на бумаге верже в двух вариантах:

1) в темно-зеленом издательском цельнокожаном переплете с орнаментальным золотым и блинтовым тиснением, золотым верхним обрезом, художественно оформленными форзацами и трехсторонним торшонированным обрезом;

2) в белом шелковом издательском переплете с орнаментальным золотым тиснением, трехсторонним золотым обрезом и цветными форзацами. В 1917 г. увидело свет второе издание с тех же клише – в

картонном издательском переплете с золотым тиснением на корешке и верхней крышке (автор, название, орнамент), с блинтовым тиснением на нижней крышке; форзацы, суперобложка и футляр были изготовлены из декоративной бумаги. Особая ценность изданий заключается в оформлении, а именно, в иллюстративном ряде, восхищающим идеально изображенными сценами сюжета произведения. Над циклами иллюстраций, постоянно совершенствуя их и дополняя, более десяти лет работал А. Н. Бенуа [5].

Александр Николаевич Бенуа – живописец, график, искусствовед, яркий представитель художественного объединения «Мир искусства», автор многочисленных литературных трудов, освещающих творчество русских и зарубежных мастеров, блестящий декоратор, работавший в театрах Москвы, Петербурга, во многих городах Европы и Америки. Жизнь его была полна труда и исканий, ошибок и больших творческих успехов. Необычайно одаренный художник, пропагандист искусства, организатор многочисленных выставок, музейный работник, активнейший деятель театра и кино, А. Н. Бенуа внес огромный вклад в историю русской художественной культуры XX века. Художник умел ценить величие искусства прошлого. Это сыграло особенно важную роль в России начала XX века, когда капиталистические застройки, безобразные доходные дома начали угрожать классическому облику города. Бенуа был последовательным защитником ценностей старины. Впервые художник обратился к сюжету повести в 1898 г., сделав заставку и набросок сцены в спальне графини. В канун 100-летия со дня рождения Пушкина, московский издатель П.П. Кончаловский, задумав выпустить иллюстрированное издание сочинений поэта, обратился к разным художникам, в числе них был и маститый Репин, и еще молодой Константин Сомов, который, оставив за собой «Графа Нулина», написал издателю, «что есть Шура Бенуа и что он может сделать иллюстрации к «Пиковой даме»». На эту тему Сомов уже переговорил с Бенуа, который, вероятно, сам и выбрал «Пиковую даму». «Шура, – сообщал тут же Сомов, – кажется, охотно примется и даже до ответного письма возьмется за рисование». Хотя участие Бенуа в этом издании ограничилось одной иллюстрацией и одной заставкой, именно они, наряду с рисунками К. А. Сомова и Е. Е. Лансере, были отмечены С. П. Дягилевым в статье «Иллюстрации к Пушкину»: «...это единственные настоящие иллюстрации к рассказам Пушкина, сделанные специально для этих рассказов, без них не существующие и, с другой стороны, ярко выражающие характер творчества самих художников» [3].

В 1905 г., находясь в Париже, Александр Николаевич выполнил сюиту из 7 рисунков черной акварелью с небольшой подцветкой, которая была воспроизведена в собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством «Брокгауз–Ефрон» в 1916 г. В 1910 г. Бенуа создал новую серию из 28 листов: 7 цельнополосных иллюстраций и 21 заставку и концовку. Структура издания была художником тщательно проработана. Она включает в себя фронтиспис, отдельные шмуцтитуты и дополнительные листы с эпиграфами к каждой главе. Текст каждой главы открывает заставка, а завершает концовка, в центре помещена страничная иллюстрация. Заставки и концовки выполнены тушью с небольшой подцветкой и напечатаны на одном листе с текстом, акварельные страничные иллюстрации и виньетки к эпиграфам расположены на отдельных вклейках. Основой оформительского замысла служат 6 страничных иллюстраций, где проходит главная линия графического рассказа: карточный выигрыш молодой русской графини; вечерний туалет графини, уже постаревшей и одряхлевшей; стремительный проход Германа через спальню мертвой графини; ночной визит призрака; роковой проигрыш у Чекалинского; символическое изображение Смерти. Превосходно скомпонованные, звучные, эти иллюстрации похожи на завершённые картины. Как и текст, они окружены рамкой из мелких наборных украшений, напечатанных легкой серой краской, и соответствуют размеру наборной полосы; строгий шрифт, стилизованный под шрифт пушкинской поры, не перегружен декором, буквизм нет, что вполне в духе повести – ничего лишнего [1].

Художник подробно, продуманно, с любовью воспроизводит городскую архитектуру, костюмы, быт пушкинского времени. В иллюстрациях заметно и влияние театра: над игорным столом в шестой главе пролетают вполне театральные Черт и Фортуна, а завершающая листовая иллюстрация – Смерть задерживает театральный занавес и гасит свечи, последний музыкант уходит из оркестровой ямы – рождает прямую аналогию с концом спектакля. Хотя впоследствии критики не раз отмечали недостатки иллюстраций к «Пиковой даме», «графический наряд» которой представлялся им слишком пышным, картинным и несколько тяжеловесным для «нагой прелести» пушкинского текста, тем не менее, выход книги стал значительным событием русской художественной жизни начала XX века, а современники Бенуа видели в ней живое воплощение духа артистизма.

В издании был точно воспроизведен подлинный пушкинский текст – из сборника «Повести», вышедшего еще при жизни автора в

1834 году. Он сопровождался блестящей статьей Н. О. Лернера, в которой рассматривалась история создания «Пиковой дамы», анализировалось ее значение и отношение к ней русской литературной критики. В 1917 г. увидело свет второе издание с тех же клише – в издательском переплете с золотым тиснением на корешке и верхней крышке (автор, название, орнамент), с блинтовым тиснением на нижней крышке; форзацы, суперобложка и футляр были изготовлены из декоративной бумаги. Книга участвовала в Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г.

В иллюстрациях к «Пиковой даме» Бенуа перешел от черно-белой графики, бытовавшей в его время, к живописной цветной акварели. Вот почему они оставляют ощущение великолепия интерьерной, театральной живописи. Иллюстрации сменяют друг друга, как декорации или интерьеры разных эпох. Зеленое сукно стола, кружева платьев, высокие парики, свет канделябров, зеркала, весь антураж столь излюбленного Бенуа XVIII века, в сцене в Версале – время и место действия первой иллюстрации. И зеленое сукно в петербургском доме Чекалинского, куда приходит Германн. Как будто та же композиция, но здесь все иное: и интерьер, и обстановка, и персонажи, – художник переносит нас в другой, уже XIX век. Прозаический быт дома бедного офицера в иллюстрации «Явление графини Германну» напоминает жанры П. А. Федотова, художника, которого высоко ценил А. Н. Бенуа, а сцена «Германн у подъезда дома графини», несмотря на то, что действие на этот раз вынесено на петербургскую улицу, имеет привкус театральности, идущей скорее от оперной традиции «Пиковой дамы».

Книгу большого формата *in quarto* (в четвертую долю листа) открывает фронтиспис, на котором впервые появляется Пиковая дама, но появляется в виде «дамы пик», словно вытянутой из колоды игральных карт. На втором фронтисписе, к эпиграфу из «Новейшей гадательной книги»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность», Бенуа помещает другую карту, составленную из двух половинок, однако картинки не повторяют зеркально друг друга, как на обычных игровых картах. Ясный чистый профиль молодой графини с розой в руке – на верхней половине карты и сухой профиль старухи с колючей веткой – на нижней. Два возраста, два различных образа. «Дама пик» опять становится Пиковой дамой, игральная карта – иллюстрацией к повести. Такая же краткая портретная формула игры как судьбы и судьбы как игры сопровождает эпиграф из анонимной переписки на французском

языке к четвертой главе: «7 Mai 18**. Homme sans mœurs et sans religion!» («Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого»). Германн – червонный валет с тузом в руке – наверху, и его же поникшая фигурка в смиренной рубашке – внизу. Реалии повести – игральные карты – оказываются здесь двойными портретами, графическими знаками роковой судьбы ее героев. Не случайно в книге они уменьшены до размеров колоды пасьянсных, гадальных карт.

Бенуа не скрывает сценического характера своих иллюстраций. Ранее упомянутая большая иллюстрация к заключению уже не имеет никакого отношения к сюжету и целиком сочинена художником. Здесь нет ни карт, ни Германа, ни Пиковой дамы. Только пустая театральная сцена и костлявая фигура Смерти, огромная тень которой пляшет на опущенном зеленом занавесе, и еще часы на стене, но без стрелок. Игра окончена, гаснут свечи, и последний музыкант покидает зал. Его согнутая, уходящая из картины фигурка напоминает тень человека, оказавшегося возле парикмахерских манекенов на одном из петербургских пейзажей Добужинского. Так графическая партитура к пушкинской повести, начатая художником с игровой карты и сцены в Версале, заканчивается за пределами города Пиковой дамы. Уже сам по себе такой театрализованный финал переводит графическое повествование в план театрального представления [8].

Вынося пушкинские эпиграфы к разным главам на отдельные страницы, Бенуа делает их значимыми и в чтении, и в оформлении книги, уравнивает с большими иллюстрациями. Они тоже печатались отдельно от текста, тоже наклеены на плотную бумагу книжного листа, как на паспарту, их тоже облегает бледная цветная рамка типографского бордюра, очерчивая вокруг них белое поле. Кажется, карта лежит на плоскости страницы, как на зеленом сукне стола. И вместе с тем она не чужая книге: печатная графика, как известно, начиналась тоже с игровых карт. Разбросанные по тексту заставки и концовки составляют еще один ряд графических ремарок, но относящихся непосредственно к сюжету повести. Наконец, семь больших страничных иллюстраций, по одной к каждой главе: I. Графиня в Версале; II. Туалет графини; III. Германн у подъезда дома графини; IV. Германн и мертвая графиня; V. Явление графини Германну; VI. Германн у Чекалинского; Иллюстрация к заключению.

Так, очевидно, самым художником поименованы рисунки в каталоге выставки «Мира искусства» 1911 года, на которой они были экспонированы и заслужили одобрение долго не принимавшего Бенуа И. Е. Репина («У него есть воображение, есть вкус и чувство эпохи»).

Работа над «Пиковой дамой», как известно, не ограничилась для Бенуа иллюстрированием книги. В 1921 г. на сцене Мариинского театра в Петрограде он поставил в своих декорациях оперу П. И. Чайковского, на премьере которой, состоявшейся в том же самом зале, он сам когда-то присутствовал.

На этом историю иллюстрирования Александром Бенуа «Пиковой дамы» можно было бы и закончить, если бы его рисунки не вписались так плотно в сознание целой эпохи. Так или иначе, каждый, кто вступает на территорию «Пиковой дамы», не сразу может выбраться из колеи, проложенной ее первым иллюстратором. Даже пытаясь перевести пушкинскую повесть на язык другого искусства.

Когда начинающее русское кино обратилось к «Пиковой даме», оно тоже было вынуждено оглядываться на иллюстрированное издание Р. Голике и А. Вильборг. И демонический профиль знаменитого Ивана Мозжухина – кинематографического Германна в фильме Я. А. Протазанова, вышедшем на экран в 1916 г., казался прямо срисованным с иллюстраций Бенуа. (В предисловии к либретто фильма, где он прямо назывался «киноиллюстрацией», говорилось, что «выбор пал именно на «Пиковую даму», так как сценичность этой повести давно уже признана») [3].

Второе уникальное издание фонда отдела редких книг ЧОУНБ – известный роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», выпущенное «Голике и Вильборгом» с изящными иллюстрациями талантливой художницы Е.П. Самокиш-Судковской. Елена Петровна Самокиш-Судковская (1863–1924) – выдающаяся русская художница, работавшая в техниках масляной живописи и графики. Родилась в Санкт-Петербурге, дочь военного инженера. Окончила Павловский институт, два года училась в рисовальной школе в Гельсингфорсе и брала частные уроки у В.П. Верещагина. В 1885 г. ездила в Париж, училась в частной академии Ж. Бастьен-Лепажа. Примерно с этого же времени участвовала в выставках. В 1900-е годы много работала в книготорговом плакате. Иллюстрировала книги, в том числе детские. Входила в первый Дамский художественный кружок (1882–1918 гг.), ее работы выставлялись вместе с полотнами мэтров русского искусства В. Верещагина, И. Шишкина, И. Репина. Писала портреты и жанровые картины. Но известна, в основном, как книжный иллюстратор. Много иллюстрировала А.С. Пушкина. Рисунки ее подвергались упрекам в нарочитой красивости. Так говорили именно об иллюстрациях к «Евгению Онегину» в издании 1911 г. [6]. В 1910-е годы великолепное издание «Евгения Онегина» с цветными иллюстрациями Е.П. Самокиш-Судковской было очень популярным и

пользовалось большим читательским спросом. Впервые книга увидела свет в 1908 году. Изысканные акварели художницы выполнены в стиле салонного реализма, по своему замыслу их можно назвать театрально–постановочными. Рисунки Е.П. Самокиш-Судковской проникнуты романтическим и несколько сентиментальным настроением. В них проявилась авторская интерпретация пушкинского произведения, личностное понимание текста и образного ряда. Из-за повышенного спроса книга переиздавалась несколько раз. Страницы текста украшены гравированными заставками, виньетками, рамками, заключающими в себе разные символические детали – аллегории искусств, любви и смерти. Елена Петровна часто использовала орнаментальные мотивы, что проявилось в обилии причудливых и роскошных гирлянд, украшающих заставки и концовки. Издание форматом 26 x 23 см. отпечатано на высококачественной бумаге верже в лучших традициях типографии. Гравированный титульный лист с применением повторявшихся мотивов орнаментальных украшений в стиле начала XIX в. работы А.Н. Лео.

Лео Александр Николаевич –русский художник книги, каллиграф, шрифтовик. С 1900 г. занимался графикой, с 1903 г. был художником в типографии товарищества «Голике Р. и Вильборг А.», где, непосредственно участвуя в производстве, в значительной мере обеспечивал высокий полиграфический уровень изданий. В 20-х гг. выполнил для ряда издательств (ГИЗ, «Прибой», «Атеней» и др.) множество обложек, преимущественно однотипных, шрифтовых [2].

Восемнадцать рисунков Е. П. Самокиш-Судковской в тексте и девять отдельных страничных по праву считаются лучшими иллюстрациями к «Евгению Онегину» за всю историю его издания. Книга выходила четыре раза, становясь от издания к изданию все роскошнее. Самый красивый и утонченный ее вариант вышел в тяжелейшее время между революциями и Гражданской войной [4].

«Пиковая дама» и «Евгений Онегин», выпущенные в книготовариществе «Р. Р. Голике и А. И. Вильборга», относятся к лучшим иллюстрированным изданиям начала XX века. В данных изданиях иллюстрации детально отображают повествование, дополняют его, открывают для читателя художественный мир сюжета. Сочетание нежных тонов в изящных акварелях Е.П. Самокиш-Судковской придают всеми известному «роману в стихах» более романтический оттенок, а тонко подобранные цвета и отображение эпохи в рисунках А.Н. Бенуа словно переносят в Петербург XVIII и XIX вв. Такие разные по стилю иллюстрации объединяет одно – над

ними работали гении мира искусства, поэтому они по праву считаются художественными шедеврами.

Литература:

1. Иллюстрации А. Н. Бенуа к повести «Пиковая дама» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hallenna.narod.ru/pushkin_dama_ben.html.
2. Иллюстрации Е.П.Самокиш-Судковской к роману «Евгений Онегин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literatura5.narod.ru/pushkin_onegin_s.html.
3. Молок, Ю. А. Пушкин в 1937 году [Текст] / Ю.А. Молок. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 44 – 49
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин ; С ил. Е. Самокиш-Судковской ; [Тит. л., виньетки и концовки: А. Лео] . – Санкт-Петербург : т-во Р. Голике и А. Вильборг , 1911. – [4], 120 с., цв. ил.
5. Пушкин, А. С. Пиковая дама / А. С. Пушкин ; Ил. Александра Н. Бенуа; [Вступ. ст. Н. О. Лернера] . – Петроград : т-во Р. Голике и А. Вильборг , 1911. – [4], XXII, 65, [3] с., 1 л. фронт. (цв. ил.), 7 л. цв. ил.
6. Синкевич, Л. Мастер акварели. К 150-летию Е.П.Самокиш-Судковской [Электронный ресурс / Л .Синкевич]. – Режим доступа: <http://www.ochakiv.info/articles/5156048109305856>.
7. Штейн, В. Товарищество Р.Р. Голике и А.И. Вильборга [Электронный ресурс] / В. Штейн. – Режим доступа: <http://fantlab.ru/publisher2612>.
8. Эттингер П. Иллюстрированные издания Пушкина за годы революции / П. Эттингер // [А. С. Пушкин : Исследования и материалы]. – М. : Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 1173 – 1179. – (Лит. наследство; Т. 16–18).

***Вокальные произведения на стихи А.С. Пушкина
издательства П. И. Юргенсона из фонда библиотеки
ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей***

Емуранова М. С., Безпалова Г.В.

Библиотека ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей обладает уникальным для области информационным ресурсом – фондом музыкальной и нотной литературы. Его формирование происходило на протяжении почти десятилетий существования библиотеки. В настоящее время фонд библиотеки насчитывает более семидесяти пяти тысяч экземпляров. Его основа – музыкальная и нотная литература, изданная практически всеми издательствами, существовавшими в дореволюционной России, а также за рубежом. В

коллекции представлена продукция издательств: П.И. Юргенсона, В. Бесселя, М.П. Беляева, С.А. Кусевицкого, А. Гутхейль и др.

Наиболее интересными томами музыкальной литературы, на наш взгляд, являются вокальные произведения (автор – П. И. Чайковский) на стихи А.С. Пушкина издательства П. И. Юргенсона. Примечательно, что все сборники изданы в конце XIX века. Это делает данные издания памятниками музыкальной литературы. Все издания находятся в довольно удовлетворительном физическом состоянии, хотя постоянно востребованы педагогами и студентами. Данные материалы хранятся в редком фонде библиотеки института и являются его непосредственным достоянием.

«Если-б милые девицы: песня Томского и хор игроков из оперы П. Чайковского «Пиковая Дама» Опера в 3 действиях и семи картинах. Либретто М. И. Чайковского при участии П. И. Чайковского по одноименной повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». Опера была написана композитором во Флоренции в январе – июне 1890 года по заказу дирекции Императорских театров в 1887 – 1888 годах. Сюжет предложен И. А. Всеволожским. Первоначально Чайковский отказывался от работы и лишь в 1889 году дал свое согласие. Первое исполнение оперы состоялось 7 декабря 1890 года в Петербурге на сцене Мариинского театра. Дирижировал постановкой Э. Ф. Направник. Особый интерес этого издания представляет художественное оформление обложки: текст на русском языке набран различными шрифтами. Перед нотным текстом дается заглавие на русском и итальянском языках.

Еще одно интересное произведение, поставленное на сюжет знаменитой повести А. С. Пушкина «Пиковая Дама», «Мой маленький дружок: дуэт Прилепы и Миловзора» из одноименной оперы П. Чайковского. В этом издании по сравнению с остальными отсутствуют несколько листов с содержанием вокальных партий.

Всем известна знаменитая ария Ленского «Любви все возрасты покорны» из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Лирические сцены в 3-х действиях и семи картинах. Опера была написана композитором в Москве и Сан-Ремо в мае 1877 – феврале 1878 гг. Сюжет предложен Е. А. Лавровской. На начальном этапе работы в разработке сюжета принимал участие К. С. Шиловский. Ему принадлежат французский и русский тексты куплетов Трике. Окончательный вариант либретто составлен в процессе работы самим композитором, который выписал текст либретто самостоятельно для издания партитуры. Первое исполнение оперы состоялось в декабре 1878 г. в Московской консерватории, были исполнены отдельные

картины. 17 марта 1879г. состоялась постановка ученического спектакля Московской консерватории на сцене Малого театра. Дирижировал Н. Г. Рубинштейн. Переложение оперы для пения с фортепиано было издано П. Юргенсоном в 1878 году в Москве.

Нотные издания как особый информационный ресурс и историко-культурный феномен изучены недостаточно. В последнее время внимание к ним актуализируется, они становятся объектом серьезного научного интереса. Изданы новые сводные каталоги, появились статьи, справочные и энциклопедические издания, знакомящие с многообразием музыкальной нотной литературы и позволяющие оценить ее роль в контексте культуры той или иной эпохи. Выделенные экземпляры нотных и музыкальных изданий имеют для нашего региона, и не только для него, историческую и полиграфическую ценность. Поэтому их всестороннее изучение становится одним из приоритетных направлений в деятельности библиотеки Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей.

Литература:

1. Беспалова, Г.В. Деятельность библиотек по сохранению книжных памятников / Г.В. Беспалова // Актуальные проблемы культуры, искусства и художественного образования : сб. науч. тр. ОГИИ. Вып. 19 / гл. ред. Б.П. Хавторин ; сост. и науч. ред. В.А. Логинова. – Оренбург, 2016. – 243 – 246.
2. Тематико-библиографический указатель сочинений П. И. Чайковского / ред.-сост. П. Вайдман, Л. Корабельникова, В. Рубцова. – М.: Муз. изд-во «П. Юргенсон», 2006. – 1194 с., нот.
3. Чайковский, П. И. Если-б милые девицы: песня Томского и хор игроков из оперы П. Чайковского «Пиковая Дама» [Ноты] / П. И. Чайковский. – М.: Музыкальное изд-во П. Юргенсона [189.?]. – 9с. – Н.д. 25410.
4. Чайковский, П. И. Я не способна к грусти томной: ария Ольги из оперы П. Чайковского «Евгений Онегин» [Ноты] / П. И. Чайковский. – М.: Музыкальное изд-во П. Юргенсона [1881?]. – 7с. – Н.д. 21735.
5. Чайковский, П. И. Любви все возрасты покорны: ария Ленского из оперы П. Чайковского «Евгений Онегин» [Ноты] / П. И. Чайковский. – М.: Музыкальное изд-во П. Юргенсона [1878]. – 9с. – Н.д. 3318.

***Ориентация личности на гуманистические ценности
(на примере изучения повести «Капитанская дочка»
А.С. Пушкина)***

Бобылева А. А.

В творческом наследии Александра Сергеевича Пушкина произведения о Крестьянской войне 1773 – 1775 годов под предводительством Е.И. Пугачева занимают особое место. Последняя повесть Пушкина несет в себе вечные нравственные ценности, раздумья автора о судьбах народа и нации в переломные моменты истории и является своеобразным завещанием поэта будущим поколениям. Поднятые Пушкиным в «Капитанской дочке» проблемы по сей день актуальны и значимы, а нравственный потенциал, заключенный в пушкинском наследии для формирующейся личности, определяет его прочное место в школьных программах по литературе.

Изучение повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» может помочь ориентации личности на гуманистические ценности, то есть осознанному освоению (принятию) этих гуманистических ценностей, социальных норм, образцов поведения и отношений в целях выбора стратегии своего жизненного пути [1]. Необходимо отметить, что гуманистические ценности – это такие ценности, которые единодушно приняты во всех высших формах культуры; они являются общими для всех гуманистических философских и религиозных систем Запада и Востока. Гуманистические ценности понимаются нами как значимые, жизненно важные установки относительно целей и средств жизнеосуществления, принятые личностью в качестве базовых, образующие смысловое ядро духовности личности и определяющие ее отношение к другим людям и самому себе [2].

Гуманистические ценности включают в себя такие ценности, как человеческое достоинство, уважение, доверие и любовь к человеку, забота о его благе и счастье. Последнее составляет основу таких моральных ценностей, как благородство, доброта, доброжелательность, чуткость, деликатность, тактичность [3]. Необходимо отметить, что не каждая нравственная ценность становится гуманистической. Различают ценности «для себя» и ценности «для другого». Именно последние и приобретают статус гуманистических.

Хочется подчеркнуть, что все творчество Пушкина – высшее выражение гуманистических ценностей: любви, дружбы, чести, совести, справедливости, человеческого достоинства, милосердия. И

особенно проникнута духом гуманизма его повесть «Капитанская дочка».

В начале произведения А.С. Пушкин обращается к читателю как будто с завещанием: «Молодой человек! Если записки мои попадут в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [4]. И, конечно, знаменитые слова о русском бунте: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка – копейка»[5]. Это позиция гуманиста, душа которого противится насилию в любых его проявлениях.

Какие же нравственные ориентиры следует выбрать в жизни? Ответ на этот вопрос можно получить, изучая повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Эпиграфом ко всему произведению является пословица: «Береги платье снову, а честь – смолоду».

Обычно честь – это совокупность наиболее благородных, доблестных чувств человека, позволяющих ему достичь поставленной цели, заслужить уважение других людей и не потерять уважение к самому себе. Под совестью же можно понимать неспособность переступить через вечные моральные принципы.

Понятие чести должно воспитываться в человеке с детства. Так, главный герой повести Петр Гринев с детства воспитывался в обстановке высокой нравственности и понимает честь, с одной стороны, как долг, а с другой, как действие «по совести». Душа Гринева содержит как бы две чести, два понятия о чести – это долг по отношению к императрице, а, следовательно, к Родине, к Отечеству, и долг, который на него накладывает любовь к дочери капитана Миронова. Например, Гринев поступает по чести, возвращая карточный долг Швабрину, хотя Савельич и пытается его уговорить уклониться от расчета. А приехав в Белогорскую крепость, Гринев свято помнит наказ отца и защищает Машу Миронову от клеветы Швабрина.

От поступка к поступку восходит Гринев «к вершинам нравственного воспитания». И когда перед Петром Андреевичем встает вопрос жизни и смерти: нарушить присягу и сохранить свою жизнь или погибнуть честным офицером, сохранив доброе имя, Гринев выбирает последнее. Он хоть и благодарен вождю бунтовщиков, но говорит: «Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того,

что противно чести моей и христианской совести» [6]. Только добрая воля Пугачева спасает героя от виселицы.

Показателен в этом отношении финал повести. Казалось бы, связь с мятежным атаманом станет для Гринева роковой. Ему грозит смертная казнь, но Гринев решает из соображений чести не называть имени своей возлюбленной, хотя это могло бы его спасти от смерти.

В любой ситуации Петр Андреевич ведет себя достойно, будь то с бунтовщиком Пугачевым во время беседы с ним в кибитке или на суде среди равных себе. Для него нет разницы, перед кем держать слово. Он дворянин, и, однажды присягнув, соблюдает верность государыне и Отечеству. Ни одно противостояние Гринева героям или судьбе, раскрывшееся на страницах повести, не сумело отнять у него честь и достоинство.

Но достаточно ли для жизни одной чести перед людьми? Оказывается, нет. Жизнь со всеми ее драматическими перипетиями намного сложнее. Честь слишком хрупка и сама требует защиты. Не оступишься, не смалодушничает сам – на этот случай всегда готова клевета. Не случайно глава «Суд» имеет эпиграф: «Мирская молва – морская волна». Чем руководствоваться? За что же держаться? Ответ автора «Капитанской дочки» однозначен: держаться нужно за свою совесть и честь в глазах Бога. Это поможет сохранить честь и в глазах людей. Но как непосредственно в жизни следовать этому совету? «Капитанская дочка» подсказывает: надо быть милосердным.

Центральная сюжетная линия повести – история взаимоотношений Гринева и Пугачева – это, прежде всего, история милосердия. С него эта история начинается, им и заканчивается. Вспомним первую встречу Гринева с Пугачевым, когда Гринев в благодарность за спасение от бурана приказывает отдать Пугачеву свой заячий тулуп. Савельич изумлен: мало того, что тулуп дорог, но сам подарок вообще бессмыслен. «Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке!». Да и не полезет этот юношеский тулуп на пугачевские «окаянные плечища» [7]... Но тут не в тулупе дело. Этот подарок – не только проявление благодарности, хотя она, несомненно, явилась главным мотивом поступка Петруши. Дело тут в жалости, милосердии и уважении – уважении к человеку и его достоинству. Все это почувствовал Пугачев. И через все остальные встречи Гринева и Пугачева основной темой проходит именно тема милосердия. Не боясь уронить достоинство атамана в глазах соратников, Пугачев, заняв Белогорскую крепость и узнав Гринева, следует именно велению сердца, когда спасает того от смертной казни. «Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты

оказал мне услугу», – говорит Пугачев Гриневу [8]. Пугачев помиловал Гринева за то, что однажды Гринев разглядел в Пугачеве человека. Он не может не помиловать Гринева, так как перечеркнуть то внутреннее человеческое единение, которое оба ощутили при первой встрече, значило бы уничтожить в себе самом нечто самое дорогое, самое святое. Потому-то напряженный и драматический диалог, в котором Петр Андреич, следуя совести своей и чести, отказывается присоединиться к восставшим (отчаянно рискуя), имеет такой примиряющий финал: «Так и быть, – сказал он (Пугачев), ударяя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» [9].

То же и в третьей встрече. Вот какую беседу ведет с Пугачевым Гринев:

- О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

- Как не задуматься, – отвечал я ему. – Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

- Что же? – спросил Пугачев. – Страшно тебе?

Я отвечал, что, был однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

- И ты прав, ей-богу, прав! – сказал самозванец. – Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья [10].

Во всех перипетиях откровенного и рискованного разговора, который ведет с Пугачевым герой Пушкина, направляет Петрушу, питает надежду опять милосердие, хотя и о достоинстве офицера Гринев никогда не забывает. Он понимает, что нарушил кодекс дворянской чести. И это тяготит его. В ходе жизненных испытаний он, а вместе с ним и читатель, постигает нравственные законы, куда более значимые, чем набор представлений о сословной исключительности.

Все в повести полно милосердием. Сама любовь Петра Андреевича Гринева и Марьи Ивановны Мироновой – это не любовь-страсть, не любовь-восхищение, а христианская любовь-жаление. Любит и слезно жалеет Марью Ивановну, сироту, у которой не осталось никого близкого во всем мире, Гринев. Любит и спасает своего рыцаря от ужасной участи бесчестия Марья Ивановна.

Милосерден Гринев и к своему врагу – Швабрину. Когда Петруша вырывает с помощью Пугачева Марью Ивановну из рук Швабрина, он имеет достаточно оснований, чтобы ненавидеть «изменника и насильника». Однако вот как кончается глава «Сирота». Гринев с Машей отбывают из крепости: «Мы поехали. У окошка

комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над униженным врагом и обратил глаза в другую сторону» [11]. И опять в этом милосердие целомудренной души.

Таким образом, честь, совесть и милосердие можно назвать важнейшими гуманистическими ценностями. И счастливый конец «Капитанской дочки» – это следствие глубочайшей уверенности писателя-гуманиста в том, что человеческая история имеет свой смысл, что падший мир держится все-таки на добре, главными составляющими которого являются совесть и милосердие, достоинство и сострадание, и мы, читатели этой повести можем на примере героев научиться ценностям.

Литература:

1. Бобылева, А.А. Ориентация старшеклассника на гуманистические ценности в профильном образовании : автореф. дис... канд. пед. наук / А.А. Бобылева. – Оренбург: ОГПУ, 2011. – С. 8.
2. Там же.
3. Блюмкин, В.А. Мир моральных ценностей / В.А. Блюмкин. – М.: Знание, 1981. – С. 29.
4. Пушкин, А.С. Капитанская дочка / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1962. – Т. 5. – С. 286.
5. Там же. – С. 388.
6. Там же. – С. 379.
7. Там же. – С. 302.
8. Там же. – С. 349.
9. Там же. – С. 352.
10. Там же. – С. 373.
11. Там же. – С. 383.

«Путешествие Пушкина в Оренбургский край»: использование технологии образовательного путешествия на уроке литературы в 8 классе

Беньковская Т. Е.

*Активное обучение представляет собой такую организацию
и ведение учебного процесса, которая направлена на всемерную
активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся.
В.Н. Кругликов*

Литературное образование в современной школе предполагает изучение литературы в широком контексте отечественной и мировой культуры, в создании учеником целостной картины мира и определении себя, своего места в нем. Изучение литературы – это своеобразное путешествие в безграничном пространстве культуры, возможность находить ориентиры, способные «приоткрыть» дверь в прошлое и объяснить настоящее, осуществить связь времен. А путешествие – это не только стремление раздвинуть горизонты, увидеть мир своими глазами, но и верный способ найти себя, обрести свое собственное «Я», осуществить культурную самоидентификацию, осознать и свое личное достояние, осознать себя как ценность. Не случайно все чаще учителями-словесниками используется на уроках литературы и во внеклассной работе с учащимися технология образовательного путешествия, способная соединить реальное передвижение в пространстве с освоением культурных пространств, призванная формировать у школьников наряду с предметными знаниями и знания метапредметные, позволяющая решать комплексно целый ряд проблем:

- расширить общую картину мира ученика и возможности самоопределиваться в ней;
- вызвать интерес к исследовательской деятельности и сформировать исследовательские навыки работы;
- научить работать в команде;
- освоить необходимые компетенции и ориентацию на их дальнейшее использование в пространстве культуры в процессе самостоятельной деятельности.

Именно организация процесса познания, в основе которого лежит непосредственный диалог человека с миром, и является предметом рассмотрения методики образовательного путешествия, идея которого, разработка и внедрение в образовательную практику принадлежит ученым кафедры прикладной культурологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (АППО) Л.М. Ванюшкиной, Л.К. Ермолаевой, Е.Н. Коробковой [1].

Образовательное путешествие как технология состоит из трех взаимосвязанных этапов:

- 1 этап: подготовка к путешествию;
- 2 этап: работа на маршруте;
- 3 этап: подведение итогов путешествия (защита).

Подготовка к образовательному путешествию включает в себя, прежде всего, определение его темы и идеи, или проблемы,

осмысление которой должно быть интересно и актуально для современного школьника, способно «повести» его по пути познания. Так, разработанный нами урок литературы в 8 классе в режиме технологии образовательного путешествия по теме «Путешествие Пушкина в Оренбургский край», предваряющий изучение романа «Капитанская дочка», выходу в свет которого в этом году исполняется 180 лет, может начаться вступлением учителя, настраивающим учащихся на необходимость задуматься над тем, что же заставило А.С. Пушкина оставить Петербург и по бездорожью устремиться на границу Европы и Азии, где в XVIII веке возник пожар крестьянской войны, почему автор так упорно пробивался сквозь время, восстанавливая истинный характер давних событий, вчитываясь в документы архивов, с особым вниманием слушал и записывал рассказы свидетелей и участников народного мятежа. На этом этапе осуществляется разработка учащимися пушкинского маршрута, который выведет его в оренбургские степи. Задача, поставленная учителем, потребует от учащихся осуществления библиографического поиска необходимых источников исследовательского, краеведческого характера. И в этом необходимую помощь им должен оказать учитель. Это, прежде всего, книги известных оренбургских краеведов: Н. Прянишникова «Писатели-классики в Оренбургском крае» (1977), Т.Н. Пузановой, А.Г. Прокофьевой «Оренбургский край в произведениях русских писателей» (1991), В.Л. Савельзона «Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» (1998), А.Г. Прокофьевой «Пушкин и Оренбургский край. Документы. Записи. Письма. Воспоминания. Исследования» (2000), А.Г. Прокофьевой, В.Ю. Прокофьевой, С.М. Скибина «Оренбургский край в русской литературе» (2015) [5; 4; 6; 2; 3]. Несомненную помощь учащимся в подготовке к путешествию вместе с поэтом окажет и книга И. Смольникова «Путешествие Пушкина в Оренбургский край» (1991) [7], который со скрупулезной точностью с привлечением документов, писем Пушкина жене и друзьям во время длительного путешествия и других фактов воспроизводит этот физически и эмоционально тяжелый путь, начавшийся с Петербурга и завершившийся возвращением в Болдино. Учащиеся осуществляют и собственный поиск источников. Далее следует серьезная, вдумчивая и целенаправленная работа восьмиклассников в группах над литературой, вычерчивание маршрута, по которому следовал Пушкин, определение его промежуточных пунктов следования: от Петербурга до Москвы; от Москвы до Нижнего Новгорода; от Нижнего

Новгорода до Казани; от Казани до Симбирска; от Симбирска до Оренбурга; от Оренбурга до Уральска и Болдина.

Итак, что же заставило Пушкина отправиться в столь дальнюю дорогу – из Петербурга в Москву, а оттуда – в Оренбург и Уральск? Ответ на этот вопрос заставляет обратиться к замыслам Пушкина, посвященным Петру Первому. Интерес к личности Петра, к его роли в истории России и к его месту в общеевропейской истории усиливается у Пушкина в конце 1820–начале 1830-х годов. Это, по свидетельству биографов, исследователей творчества поэта, было связано как с революционными событиями во Франции в 1830 году, с восстанием в Польше, так и с усилившимся недовольством русского народа, которое столь бурно проявилось во время холерных бунтов 1830 года и восстаний новгородских поселений. Пушкин всерьез задумывается над судьбами российского дворянства, над отношением его к народу и народа к нему. Русская история XVIII века виделась ему как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных политических событий, социальных столкновений, начатых в эпоху Петра и продолжавшихся во время царствования его преемников, вплоть до Екатерины Второй, до грозных потрясений, испытанных российским государством в пугачевскую эпоху. Пушкин изучил сотни печатных и рукописных источников, сделал многочисленные выписки и копии, добыл малоизвестные или найденные им впервые и не известные другим историкам, его современникам, документы из эпохи Петра. Одновременно им задумывается художественное произведение, в центре которого мыслится судьба офицера-дворянина, оказавшегося в водовороте бурных событий «пугачевщины» и примкнувшего к пугачевцам. «Подсказкой» для этого сюжета, по мнению И. Смольникова, «явилось не что иное, как углубленное знакомство с документами, относящимися к Петру I и ко всему XVIII столетию» [7, с.16.]. Пушкину, как историку и художнику, надо было непременно увидеть места, где разворачивались эти грозные события. Надо было услышать людей, которые принимали в них участие, стали их очевидцами, и записать их рассказы.

Каждая группа, тщательно изучая материалы, документы, письма и другие свидетельства передвижения поэта от одного населенного пункта к другому, восстанавливает не только маршрут следования поэта, но и ощущают связь времен. Дорога из Петербурга в Москву, отмечают учащиеся первой группы, сопровождалась его заездом в Торжок, в Малинники, где проживали его старинные приятели Вульфы, в Павловское. Эта часть дороги заметно отличалась от основной, которая вела непосредственно к Москве, т.к. буря,

разыгравшаяся на Невской губе, принесла тучи, дожди, и дорога размокла. Учащиеся обращают внимание на то, что бичом путешествия Пушкина были и экипажи, и лошади, и в особенности дороги. Ученики второй группы с аналогичной скрупулезностью прокладывают вместе с Пушкиным и с помощью исследователей этот нелегкий путь от Москвы до Нижнего Новгорода через Ворсму, Муром, Манаково, Озябликово, Ярымово, Алешково, Доскино. И не перестают удивляться, как, несмотря на непролазную грязь, с какой быстротой он совершал свою поездку, ссылаясь на свидетельства оренбургского ученого-краеведа Н. Прянишникова: «Пушкин ехал днем и ночью, вез в экипаже съестные припасы и останавливался даже в губернских городах лишь на 2-3 дня. Прибыв в Нижний 2 сентября (по старому стилю), поэт 5 сентября был уже в Казани, а 9 – в Симбирске, откуда заезжал к поэту Языкову в его имение, отстоявшее от Симбирска в 65 верстах» [5, с. 37]. Приводят письмо поэта жене Наталье Николаевне, отправленное из имения Языкова 12 сентября: «Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться... Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора. А к вечеру отправлюсь в Оренбург – последняя цель моего путешествия» [цит. по кн.: 5, с. 37.] В ночь на 13 сентября, свидетельствуют ученики других групп, Пушкин действительно выехал из Симбирска по дороге на Сенгилей, но из-за беспорядков на дороге решил вернуться в Симбирск, чтобы оттуда выехать другой дорогой – на Сызрань, что он и сделал 15 сентября. Под Самарой Пушкин переправился через Волгу. Дальнейший путь он совершал через Бузулук на Тоцкую – Сорочинскую – Новосергиевскую – Переволоцкую. 18 сентября прибыл в Оренбург. Во время реконструкции маршрута путешествия поэта ученики, по их собственному признанию, словно находятся рядом с Пушкиным, «трясаясь в холодном экипаже, то и дело застревая в непролазной грязи», видят «его усталое лицо, склонившееся над листом бумаги, на котором он быстро пишет своим летящим почерком» (из сочинений-эссе, написанных восьмиклассниками на стадии рефлексии). Перед ними предстает не хрестоматийный, а живой Пушкин, из плоти и крови, Пушкин – верный друг, любящий муж и отец, Пушкин-историк и художник. Как видим, технология образовательного путешествия будит воображение ребят, приближает и пушкинскую, и пугачевскую эпоху, вызывает неподдельный интерес к роману, чей замысел разрастался уже в дороге. Особенно привлекают внимание восьмиклассников оренбургские впечатления Пушкина, встреча со старой казачкой Бунтовой, с которой его

познакомил В.И. Даль, чьи воспоминания об этой важной для Пушкина встрече приведены в книге А.Г. Прокофьевой. В.Ю. Прокофьевой, С.М. Скибина «Оренбургский край в русской литературе»: «Мы поехали в Бёрды, бывшую столицу Пугачева, который сидел там – как мы сейчас видели – на престоле. Я взял с собой ружье, и с нами было еще человека два охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома; но мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это – простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец» [3, с. 70]. И уже читая «Капитанскую дочку», они явственно увидят и самого Пугачева, и его «дворец», оклеенный «золотой» фольгой... Так, «Путешествие Пушкина в Оренбургский край», что совершили восьмиклассники вместе с поэтом, приведет их к роману, к чтению и изучению которого они уже не смогут отнестись равнодушно.

Литература:

1. Ванюшкина, Л.М. Мировая художественная культура: контуры современного урока: методические рекомендации в помощь учителю / Л.М. Ванюшкина, Л.К. Ермолаева, Е.Н. Коробкова. – СПб., 2007. – 110 с.
2. Прокофьева, А.Г. Пушкин и Оренбургский край. Документы. Записи. Письма. Воспоминания. Исследования: учеб. пособие и хрестоматия для студ. филол. фак. / А.Г. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000. – 240 с.
3. Прокофьева, А.Г. Оренбургский край в русской литературе: моногр. / А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева, С.М. Скибин. – М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2015. – 276 с.
4. Пузанева, Т.Н. Оренбургский край в произведениях русских писателей: учеб. пособие по лит. краеведению. Ч. 1 / Т.Н. Пузанева, А.Г. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1991. – 91 с.
5. Прянишников, Н. Писатели-классики в Оренбургском крае / Н. Прянишников. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1977. – 207 с.
6. Савельзон, В.Л. Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» / В.Л. Савельзон. – Оренбург, 1998. – 352 с.
7. Смольников, И. Путешествие Пушкина в Оренбургский край / И. Смольников. – М.: Мысль, 1991. – 271 с.

Использование ментально-патриотического потенциала творчества А.С.Пушкина в формировании духовно-нравственной культуры сельских школьников

Бочкарева Т. Р.

Возрождение духовно-нравственной культуры через поиск и реализацию новых форм воспитания школьников, адекватных содержанию современного человека, является приоритетным направлением современной государственной образовательной политики. Однако в условиях кризиса культуры, европеизации ценностных ориентаций, замещения в школьном образовательном процессе аналитического чтения художественной литературы интерактивными играми, тиражирования в СМИ негативных образцов российской и западной культуры неизбежен упадок нравственности, патриотизма, духовности русского человека.

Школьники, с одной стороны, наиболее подвержены деструктивному влиянию внешней среды, с другой, именно этот период является сенситивным для формирования духовно-нравственной культуры, усвоения нравственных норм, эталонов, ориентиров. Нейтрализовать отрицательное влияние факторов внешней среды возможно при условии создания в образовательной организации культурно-воспитательного фона, содержание которого представлено ментально-патриотическим потенциалом русской классической литературы, и в первую очередь, творчеством Александра Сергеевича Пушкина. По мнению Г.А. Анищенко, именно «творчество Пушкина есть сконцентрированный путь духовного, нравственного, культурного, эстетического развития человека» [1].

В личности А.С. Пушкина отразилась русская ментальность. Эту мысль подтверждают исследователи творчества поэта. А.В. Сухарев в статье «Этнофункциональный анализ ментальности А.С.Пушкина в историческом развитии России» указывает: «В русской ментальности это имя является эпохальным символом, в нем отразились противоречия и тенденции развития ментальности не только России, но и всей Европы и, кроме того, его деяния являются существенными для понимания ведущего направления в развитии всего человечества» [6]. А.С. Пушкин сумел понять особенность русского менталитета, о котором пишет Н.А.Бердяев «...Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира» и далее указывает на ее особенности: «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия– «святая Русь»[3].

И это «русское» Пушкин воплощает в своих любимых героях Владимире Дубровском, Петре Гриневе, Маше Мироновой, Татьяне Лариной, которые выражают характер русского человека, проявляемый в соборности, жертвенности, патриотизме, семейственности, святости.

Герои его произведений «Дубровский», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «История Пугачева», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», а также знаменитых сказок демонстрируют образцы русской ментальности. Так, по мнению Т.М. Рудаковой, «с милой Татьяной» связаны представления поэта о русском национальном характере... Пушкин наделил свою любимую героиню богатым внутренним миром и душевной чистотой: «воображением мятежным, умом и волею живой, и своенравной головой, и сердцем пламенным и нежным». Основа мира Татьяны – народная культура. «Татьяна – русская душою» думает и чувствует, как истинно русский человек[7].

Семья, семейные ценности, патриотизм, благородство – эти ментальные ценности русского человека составляют содержание повести «Капитанская дочка». Маша Миронова – воплощение любви, жертвенности, преданности, характерных для русской женщины.

Петр Гринев является образцом стойкости, истинного патриотизма, чести и достоинства. Писатель ведет героев через многие испытания, в которых они демонстрируют лучшие качества, воспитанные в семье, приобретают терпение. «Особенно Маша научена родителями терпеть, а через нее и Гринев учится смиряться, молиться, уповать на Бога»[6].

А.Н. Ужанков справедливо назвал это произведение «духовным завещанием писателя будущим поколениям»[10].

Ф.М. Достоевский, отмечая понимание А.С. Пушкиным глубины русской души, писал: «Пушкин угадал самую основную суть того, что народ наш считал и считает завысшую нравственную красоту души человеческой: это – тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) смиреннoлюбие...»[5].

Пушкин – это не только теоретик «русской духовности», он создатель национального литературного языка, который соединил в нём книжную и народную речь, причем народный способ выражать мысль прямо, ясно, открыто сделал нормой национального литературного стиля.

Подчеркивая особенности русского языка, А.С. Пушкин писал: «... есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч.»[7].

Язык поэта – это, в первую очередь, русский язык, отображающий все многообразие, особенность, самобытность русской речи. Язык Пушкина должен стать эталоном для наших современников. Однако это не так. Исследователями отмечается массовое нарушение речевых норм, характеризующееся интенсивным распространением употребления ненормативной лексики, засильем иноязычных слов и выражений, обилием просторечий, слов-паразитов, сленговых выражений [2].

Это обусловлено следующими причинами:

- резким изменением аксиологических и поведенческих стандартов;
- утратой традиционных российских ценностей;
- активной демонстрацией различных типов девиантного поведения, сопровождающегося использованием ненормативной лексики [2].

Необходимо принимать меры для того, чтобы засильев повседневной речи молодых людей лексики ограниченного употребления не препятствовало формированию навыков литературной речи и не разрушало их.

Ментально-патриотический потенциал творчества А.С. Пушкина бесспорен, и значимость его в формировании духовно-нравственной культуры школьников велика, но как использовать наследие великого поэта в современной школе?

Знает ли юное поколение А.С. Пушкина, гордится ли его наследием так, как мы?

Результаты анкетирования, проведенного преподавателями Чернореченской средней школы в рамках социального проекта «Роль наследия А.С. Пушкина в жизни чернореченцев» свидетельствуют о том, что:

- 60,4 % школьников уверены, что знают творчество А.С. Пушкина, но при этом только 46,2% смогли назвать три его произведения; 13,1% назвали 1 произведение, 29, 5% – 2, 12,4% не вспомнили ни одного произведения;
- 80,1% участников анкетирования вспомнили, что поэт жил в XIX веке, 10,6% указали XVIII век, 10,3% не ответили на этот вопрос;
- 4,8% респондентов знают год и цель приезда поэта в Оренбуржье, 13,3% назвали только год приезда, 53,1% – цель приезда и 30,3 % ничего не знают о пребывании А.С. Пушкина в Оренбургском крае.

Результаты показали, что школьники знают о писателе, но эти знания поверхностные, эпизодические.

Это дает основание утверждать, что ментально-патриотический потенциал творчества А.С. Пушкина в формировании духовно-нравственной культуры не используется, несмотря на то, что творчество поэта изучается в школе во всех классах.

Два часа в учебном плане, отводимых на изучение литературы, являются явно недостаточными для постижения национального литературного наследия.

«Как часто звучат тексты написанных им произведений на школьных уроках? Читают ли дети произведения вне урока? Понимают ли они смысл этих произведений? Как часто сегодня и на каких телевизионных каналах показывают экранизации пушкинских произведений? Когда мы ответим на эти вопросы, тогда мы сможем ответить на вопросы школьников (современные ученики отличаются одной важной чертой, они задают вопросы, чаще всего: зачем? и почему?). Это нам, взрослым, понятно, «Пушкин – это наше все» [4].

По поводу изучения творчества А.С. Пушкина за рамками школьной программы, у учащихся может возникнуть негодование: «почему я должен это делать?», «а зачем это нужно мне?», «а почему Пушкин, а не Джоан Роулинг?». Чтобы школьники хотели читать книги А.С.Пушкина, изучать его творчество, чтобы герои его произведений становились для них образцами проявлений патриотизма, верности, преданности, соборности, нужно в первую очередь, совершенствовать читательскую культуру школьников. И это работа не только школы, а всего российского сообщества.

Сегодня необходимо понимать, что пассивные формы и методы в воспитании современных детей не дают должного результата, поскольку современные дети деятельны, они хотят участвовать в процессе, видеть результат своей деятельности. У учителя, воспитателя, классного руководителя есть арсенал современных технологий, которые позволяют вовлечь школьников в активную совместную образовательную деятельность.

Читать «Унылая пора! Очей очарованье!» куда интереснее во время «парковых уроков», нежели в стенах школы. Изучение «Евгения Онегина» невозможно без декламации художественного текста, изучения литературной критики, инсценирования, глубокого аналитического погружения в текст.

Чтение «Капитанской дочки» в Оренбургской области предполагает посещение музея, драматического театра, выполнение проектов. Конечно, в городе больше возможностей, чем в сельской

местности, но даже глубинке доступны виртуальные экскурсии по музеям, видео-, фоно- записи, посещения краеведческого музея. Еще большими возможностями обладает внеурочная деятельность, тем более в школах Оренбургской области.

Рассмотрим наиболее эффективные формы работы по изучению наследия поэта, реализуемые на уроках литературы в Чернореченской средней школе Оренбургского района.

Пушкин для чернореченцев – национальный герой. Здесь каждый, от мала до велика, знает, что поэт проезжал через село по дороге из Петербурга в Оренбург (по мнению некоторых краеведов), из Оренбурга в Уральск. По этому поводу в селе сложено немало легенд. В «Истории Пугачева» А.С. Пушкин рассказал о Черноречье, чем очень гордятся жители села. Чернореченцы из поколения в поколение передают сложившееся десятилетиями доброе отношение к поэту. Достаточно сказать, что на протяжении 25 лет ежегодно в селе празднуют «День Пушкина», активными участниками которого являются школьники и учителя.

При деятельностном участии и научном руководстве доктора исторических наук, профессора кафедры истории государства и права Оренбургского государственного аграрного университета А.В. Федоровой в школе открыт филиал областного историко-литературного музея «Капитанская дочка».

Пять лет назад в школе реализован литературно-исторический проект «Роль поэтического наследия А.С. Пушкина в жизни чернореченцев». Педагоги и школьники перечитали «Капитанскую дочку», нарисовали на стене возле музейной комнаты карту движения А.С. Пушкина из Петербурга в Оренбург. Проехали по этому пути до села Татищево. Летом школьники побывали в Санкт-Петербурге в знаменитом доме на Мойке.

Позже именно школьники обратились в администрацию села с ходатайством назвать одну из новых улиц села именем Александра Сергеевича Пушкина. Сегодня они работают над реализацией проекта «Сквер «Капитанская дочка», по замыслу которого возле школы планируется разбить сквер и установить памятник Маше Мироновой как воплощению ментальных взглядов русского народа на женственность, преданность, любовь, патриотизм.

Реакция школьников на мероприятия, посвященные творчеству писателя, позволяет говорить об эффективности названных форм работы.

Безусловно, организовать такие массовые и затратные проекты невозможно без участия социальных партнеров, представителей сельского социума.

Литература:

1. Анищенко, Г. А. Литературный справочник / Г. А. Анищенко. – М.: Форум, 2012. – 176 с.
2. Бенин, В.Л. Социокультурная коммуникация в контексте образовательного диалога [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В.Л. Бенин, А.В. Кирьякова, Т.А. Ольховая, О.В. Фролов. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 233 с.
3. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
4. Григорьев, А.А. Апология почвенничества / А. А. Григорьев; сост. и коммент. А. В. Белова. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.
5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-и т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Наука, 1980. – Т. 20. – С. 229.
6. Комар, Н.Г. Семейные ценности в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» / Н. Г. Комар // Вестник Новгород.гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 1 (84).
7. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 10. – 902с.
8. Рудакова, Т.А. Русская литература XII – первая половина XIX века / Т.А. Рудакова. – М.: Дрофа, 2005.
9. Сухарев, А.В. Этнофункциональный анализ ментальности А.С.Пушкина в историческом развитии России[Электронный ресурс] / А. В. Сухарев // Пространство и Время : альманах. – М., 2014. – Т.5. Вып.1. Ч. 1.
10. Ужанков, А.Н. Капитанская дочка. Ч.1 [Электронный ресурс]// Национальный образовательный телевизионный канал «Просвещение». – Режим доступа: [http:// www.youtube.com/watch?v=iSFSuSSxGl0](http://www.youtube.com/watch?v=iSFSuSSxGl0) (дата обращения 11.12.2012).

Секция 3. Оренбургские страницы А.С. Пушкина

К вопросу о начале оренбургского пушкиноведения

Тугай Т. И.

Организацию подготовки к празднованию пушкинского юбилея в 1899 г. взяла на себя Оренбургская учёная архивная комиссия (ОУАК), которую с полным основанием можно считать культурно-просветительским центром города конца XIX – начала XX вв. В VI юбилейном выпуске «Трудов ОУАК» подробно освещаются

организационная и исследовательская работа, описание самого празднования, а также рефераты, подготовленные членами ОУАК [1, 206–337]. Накануне юбилея была составлена особая комиссия, в которую вошли Н.И. Бутовский, Н.Г. Иванов, И.И. Евфимовский-Мировицкий, С.Н. Севастьянов, И.С. Шукшинцев, С.А. Быбин. Пушкинская комиссия провела целый ряд подготовительных мероприятий. Это и собрание сведений о местах остановки А.С. Пушкина в Оренбурге, и переписка с И.В. Ладыгиным – владельцем бывшего дома-квартиры военного губернатора Перовского по поводу установки памятной доски, и ходатайства в городскую думу с просьбой о помощи в её изготовлении и установке. Были опрошены старожилы Оренбурга, бывшие свидетелями пребывания Пушкина в Оренбургском крае: Н.Н. Бекчурин, И.В. Чернов, помещица Тимашева, И.Е. Рогожин.

Наиболее активную работу в составе Пушкинской комиссии провёл Н.Г. Иванов – член ОУАК с 1889 г. Его роли в научных изысканиях Комиссии еще не было уделено внимания со стороны современных краеведов. Он впервые охарактеризовал опыт Архивных комиссий, в том числе и ОУАК, в деле сохранения и систематизации “ценных бумаг”, подробно осветив значение архива Оренбургского генерал-губернаторского управления. В доказательство им был приведен большой список рефератов, составленных на основе материалов этого архива и прочитанных членами Комиссии на заседаниях [2, 37–65]. Оценив деятельность Н.Г. Иванова и его компетентность в архивном деле, Оренбургская Духовная Консистория в 1897 г. доверила ему осмотр архивов церквей Оренбурга под наблюдением местных священнослужителей [3]. 27 мая 1899 г. Н.Г. Иванов выступил на заседании Комиссии с докладом «Пушкин в Бердах», явившимся результатом проведенной им поисковой работы о пребывании поэта в Оренбурге. Доклад был опубликован в юбилейном выпуске ОУАК [1, 220–232]. Иванов подробно описал этот знаменательный эпизод в истории Оренбурга, отметив активное присутствие В.И. Даля. Это он обнаружил донесение бердских казаков губернатору Перовскому «о человеке неизвестного звания, который подбивал под Пугачевщину и дарил золотом». В канцелярии бывшего Оренбургского генерал-губернатора в деле под №78 за 1838 г. им было найдено упоминание об утверждении за Пушкиным секретного полицейского надзора во время его пребывания в Оренбурге. Н.Г. Иванов использовал «Историю Пугачевского бунта» А.С. Пушкина, «Топографию» и «Историю Оренбургскую» П.И. Рычкова, воспоминания В.И. Даля и

купца Н.А. Кайданова, а также другие материалы, опубликованные в «Русской старине» в 1800, 1881 и 1886 гг. Он беседовал со старожилами, помнящими приезд Пушкина в Оренбург, в частности, с И.В. Черновым – автором знаменитых «Записок» о губернаторах и начальниках Оренбургского края. Попутно он исследовал историю Бердского поселка. В заключении статьи автор высказал пожелание, «чтобы как Пушкин увековечил в своих творениях Бердский поселок, так и этот последний увековечил бы память поэта устройством школы или читальни его имени». Иванов сетовал на то, что в поселке, отстоящем всего в 3-4 верстах от города, «не имеется просветительных учреждений для обывателей, основание которых в наступившие Пушкинские дни было бы всего благовременнее» [1, 232]. Он был первым, кто обратил внимание на историческое значение пос. Берды. Очерк Н.Г. Иванова «Пушкин на Бердах» был опубликован в 1900 г. в «Русском архиве» [4, 149–158].

По посёлку Бёрды работал и другой видный член ОУАК – знаменитый историк оренбургского казачества С.Н. Севастьянов. Здесь он встретился с 86-летней казачкой Акулиной Блиновой и записал её воспоминания о внешности А.С. Пушкина, его разговорах с местными жителями. С.Н. Севастьянов предложил организовать при музее особый «Пушкинский отдел», в котором были бы собраны как произведения поэта, так и посвящённые его памяти брошюры и заметки.

Член ОУАК и владелец типографии И.И. Евфимовский-Мировицкий внёс предложение напечатать все рефераты и сообщения отдельной книгой. Именно в его типографии печатались первые выпуски «Трудов» ОУАК и был напечатан VI выпуск. Чуть позже к отдельному сборнику «Пушкин в Оренбурге» решили приложить фотографии дома Тимашева (Ладыгина), где останавливался Пушкин, а также фото его портрета и гипсовой маски, хранящейся в музее комиссии. Бесплатные фотоснимки для комиссии выполнял оренбургский фотограф, член ОУАК А. Норвилло.

М.Л. Юдин – есаул, член ОУАК с 1895 г. – являлся одним из самых даровитых представителей казачьей интеллигенции. Его статьи в «Трудах» ОУАК, губернских газетах и центральных исторических журналах показывают необычайную широту научных интересов автора. Помимо археологических исследований и вопросов, связанных с историей казачества, М.Л. Юдин занимался историей военно-политических отношений с бывшими среднеазиатскими ханствами, завоевательных походов русской армии на юго-востоке [5, 142–146]. Несколько статей в «Оренбургских ведомостях» посвятил

обоснованию необходимости железнодорожного строительства через Оренбург, а в 1896 г. представил «Записку» Оренбургской городской Думе «О Среднеазиатской железной дороге и преимуществах направления ее от Оренбурга на Ташкент» [6]. Определенный вклад он внес в изучение деятельности персоналий оренбургской и российской истории: Г.Ф. Генса, В.А. Перовского, А.А. Григорьева, А.Н. Плещеева, барона О.А. Игельстрома, графа Ланкерона, М.Д. Скобелева, князя Багратион-Имеретинских и др. Большие статьи о «пугачёвщине» с обстоятельным анализом источников были опубликованы в «Русском архиве» и «Историческом вестнике» [7, 8]. Он занимался также историей раскола и распространения христианства у «иноверцев» в Оренбургском крае [9]. По нашим подсчетам М.Л. Юдиным только в столичных исторических журналах в 1890–1900-е гг. было опубликовано около 40 статей. Его обширная переписка с редактором «Исторического вестника» С.Н. Шубинским была обнаружена автором в Отделе рукописей РНБ [10].

Казачий офицер М.Л. Юдин был одним из лучших знатоков истории Оренбургского края, и не случайно, именно ему ОУАК поручила составить библиографию Оренбургского края. Причём, в своей исследовательской деятельности он уделял первостепенное внимание архивным источникам. Так, он первым обнаружил массу неточностей в воспоминаниях бывшего воспитанника Неплюевского кадетского корпуса Н.П. Иванова* о пребывании А.С. Пушкина в Оренбурге [11]. Юдин сопоставил их с письмами Пушкина жене и установил точное время года, дни недели посещения поэтом города. Привлекая документы из канцелярии Оренбургского военного губернатора, он определил маршрут его следования по городу и те здания, в том числе, и дом Тимашева (Ладыгина), в которых Пушкин останавливался [1, 209–220]. О тщательной проверке фактов и скрупулёзной работе с архивными документами свидетельствует и заметка М.Л. Юдина в «Оренбургском листке», опубликованная накануне юбилея. Он не только рассматривает пушкинский «след» в доме Тимашева, но и поднимает всю историю этого исторического здания: когда построено, кому и когда принадлежало, кто из известных людей в нём проживал или останавливался [12].

В заключении можно предположить, что последующие исследователи оренбургской «пушкинианы» – советского периода – в той или иной степени использовали наработки своих забытых предшественников. В виду тенденциозной установки, что архивные

**Иванов Николай Павлович - унтер-офицер, участник Хивинской экспедиции 1839 - 1840 гг. Не путать с членом ОУАК - Н.Г. Ивановым.*

комиссии являлись реакционными учреждениями царской России, ссылки на труды членов ОУАК – губернских чиновников (Н.Г. Иванов) и казачьих офицеров (М.Л. Юдин) – давать было не принято.

Литература и источники:

1. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 6. / под ред. Н.С. Шукшинцева. – Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1900. – 337 с.
2. Иванов, Н.Г. О задачах деятельности и общественном значении Ученых Архивных Комиссий вообще и Оренбургской Архивной Комиссии в частности / Н. Г. Иванов // Труды ОУАК. – 1897. – Вып. II. – С. 37 – 65.
3. Труды ОУАК. Вып. IV. – Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1898. – 122 с.
4. Иванов, Н. Г. Пушкин на Бердах / Н.Г. Иванов // Русский архив. – 1900. – Кн. I. – С. 149 – 158.
5. Тугай, Т.И. Военная тематика в трудах членов Оренбургской учёной архивной комиссии / Т.И. Тугай // Народы Южного Урала на страже Родины: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. – С. 142 – 146.
6. ГАОО.Ф.96.Оп.1.Д.88.Л.32.
7. См.: Русский архив. – 1892. – Кн. I, 1895. – Кн. III, 1897. – Кн. III, 1902. – Кн. I. – С. 627 – 636; Исторический вестник. – 1894. – дек., 1905. – окт.; Русская старина. – 1896 – май-июнь, 1898 – авг.
8. См.: Русский архив. – 1896. – Кн. 5. – С. 5 – 46; Исторический вестник. – 1898 – авг.
9. См.: Русская старина. – 1898 – янв.; Исторический вестник. – 1894 – июнь, авг.; Русский архив. – 1900. – Кн. II; Новое слово. – 1894. – Кн. 6.
10. ОР РНБ. Ф. 874. Шубинский С.Н. Оп. 1. № 111.
11. Иванов, Н.П. Воспоминание бывшего воспитанника Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Н. П. Иванова / публ. и примеч. М.Л. Юдина // Труды ОУАК. – 1900. – Вып. 6. – С. 209 – 211.
12. Юдин, М.Л. Историческая справка / М. Л. Юдин // Оренбургский листок». – 1899. – №15(11 апр.).

Пушкинские конференции в Оренбурге

Прокофьева А. Г.

Известна значимость поездки А.С. Пушкина в Оренбург в 1833 году, давшей поэту богатейший материал для создания одного из лучших романов в русской литературе – «Капитанской дочки». Для оренбуржцев же приезд Пушкина во многом определил пути

развития литературной жизни края. Одно из направлений развития культуры Оренбуржья можно назвать пушкинским. В Оренбургском крае регулярно отмечаются юбилейные даты поэта, его имя носят улицы, учреждения, местные поэты слагают стихи о Пушкине и его поездке в Оренбургский край, в его честь учреждена литературная пушкинская премия «Капитанская дочка».

Начиная с XIX в. в Оренбургском крае начались исследования жизни и творчества поэта в научном плане.

Оренбургская ученая архивная комиссия в 1899 году, готовясь к празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, создала Пушкинскую комиссию, в состав которой вошли краеведы и журналисты – Н.И. Бутовский, Н.Г. Иванов, И.И. Евфимовский-Мировицкий, С.Н. Севастьянов, И.С. Шукшинцев. Эта комиссия провела своеобразное исследование: были выявлены старожилы, записаны их воспоминания о пребывании поэта в Оренбурге, осмотрены пушкинские места в Оренбурге. Материалы комиссии, опубликованные в шестом выпуске «Трудов» ОУАК, включали: две работы М.Л. Юдина – «Воспоминания современников о пребывании А.С. Пушкина в Оренбурге» и «Дом, в котором останавливался Пушкин в Оренбурге», статьи С.Н. Севастьянова «Несколько указаний о пребывании А.С. Пушкина в Бёрдах» и Н.Г. Иванова «Пушкин в Бёрдах».

В XX веке, кроме юбилейных торжеств в 1937 г., в 1949 г., был проведен ряд пушкинских конференций. Так в 1983 году под эгидой Пушкинского Дома прошла XXVII Пушкинская конференция. Она была приурочена к 150-летию поездки А.С. Пушкина в Оренбург. Предварительно, за год до этого, была организована пушкинская экспедиция под руководством члена-корреспондента АН СССР А.С. Хоментовского, в состав которой входили ученые, краеведы, писатели: Р.В. Овчинников, Ю.С. Зобов, М.М. Чумаков, А.Г. Чибилев, В.П. Крючков, О. Балыков, Б. Бурлак, В. Кузнецов, А. Прокофьева и др. Члены экспедиции, следуя по маршруту Оренбург–Уральск, заезжали в те населенные пункты, которые посетил Пушкин, – Бёрды, Татищево, Нижнеозерную и др.

На конференцию, проходившую в Оренбурге и Уральске 19 – 22 сентября 1983 года, приехали пушкинисты из Ленинграда – Ф.Я. Прийма, Н.Н. Петрунина, С.А. Фомичев, В.Э. Вацура (Пушкинский Дом – ИРЛИ), В.Г. Маранцман (ЛГПИ); из Москвы – А.П. Чудаков (ИМЛИ), Р.В. Овчинников, Н.А. Тархова (Московский Пушкинский музей); из Харькова – Л.Г. Фризман; из Коломны – А.Т. Ауэр; из Самарканда – Р.Г. Назарян; из Уральска – Н.И. Фокин, Н.М.

Щербанов, А.И. Белый; из Уфы – М.Г. Рахимкулов, И.М. Гвоздикова. Активное участие в конференции приняли оренбургские ученые Т.Н. Пузанова, Ю.С. Зобов, В.В. Дорофеев, Н.П. Сысоева, Р.К. Злобинская, Л.В. Иванова, А.Г. Прокофьева, краеведы – С.А. Попов (Оренбургский краеведческий музей), М.М. Чумаков (Саракташ), П.С. Филатов (Бузулук), писатели – М.С. Клипиницер, Л.Н. Большаков.

В период проведения пушкинской экспедиции и конференции были осмотрены пушкинские места в Оренбуржье и Уральске, состоялись встречи пушкинистов с жителями этих мест у памятников поэту. Жители Татищевой и Нижнеозерной показали пушкинистам место, где якобы произошла дуэль Гриневы и Швабрина, и белые – меловые горы (с чем связывают название Белогорской крепости в «Капитанской дочке»). Пушкинисты посетили в Уральске музей Пугачева и церковь, где Пугачев венчался с казачкой Устиньей, в Бёрдах – школьный краеведческий музей, состоявший из двух залов: пушкинского и пугачевского. Во время посещения музея в Бёрдах произошёл курьезный случай. Р.В. Овчинников, доктор исторических наук, автор книг о «пугачевских страницах Пушкина», рассказывал школьникам о пугачевцах – фамилии которых ученый выяснял в течение ряда лет в оренбургском архиве. По предложению учительницы, во время рассказа Овчинникова, ученики, услышав свою фамилию, вставали. Так выяснилось, что в классе сидели в основном потомки пугачевцев.

На конференции учеными были подняты многие актуальные проблемы пушкиноведения: источники «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, принципы воссоздания исторической действительности в романе, эволюция пушкинской прозы, уральский фольклор в произведениях поэта, пушкинские традиции в произведениях продолжателей пугачевской темы, оренбургская архивная пушкиниана, пушкинские города – Оренбург, Уральск и др. Тезисы докладов были опубликованы в 1983 году в Оренбурге.

Начиная с 1999 года на базе краеведческой лаборатории (зав. лабораторией А.Г. Прокофьева) филологического факультета Оренбургского педагогического университета были организованы Измайловские чтения – всероссийские конференции. Н.В. Измайлов, известный пушкинист, текстолог, сотрудник Пушкинского Дома, один из участников академического издания произведений Пушкина, в 1941 -1953 гг. жил в Оренбурге. Измайлову принадлежат исследования об оренбургских материалах в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева».

На каждую Измайловскую конференцию приходило до 100 заявок ученых из разных городов России, что связано как с именем гениального русского поэта А.С. Пушкина, так и с научной значимостью работ пушкиниста Н.В. Измайлова.

Первые Измайловские чтения были посвящены 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Они проходили в Оренбургском государственном университете и областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской 17–18 февраля 1999 г. В проведении конференции приняли активное участие сотрудники Пушкинского Дома, оренбургские писатели, краеведы, преподаватели вузов из Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Стерлитамака, Орска. На пленарном заседании выступили зам. главы администрации Оренбургской области А.Г. Иванова, председатель Оренбургского отделения Союза писателей России Н.Ф. Корсунов и гости с докладами: «Капитанская дочка» в контексте поздней прозы А.С. Пушкина» – С.А. Фомичев, ученый секретарь Пушкинской комиссии, доктор филологических наук; «К рецепции Пушкина в позднем футуризме (кинолибретто И. Терентьева «Евгений Онегин»)» – Ю.Б. Орлицкий, доктор филологических наук, главный редактор «Вестника гуманитарной науки». Интерес участников конференции вызвали краеведческие сообщения Ю.С. Зобова – «Пугачевская тема в оренбургском краеведении 1830 – 1880гг.», Н.М. Щербанова из Уральска – «Пушкин в Уральске», В.В. Дорофеева – «Мистический дом и другие заблуждения», Г.М. Матвиевской и И.К. Зубовой – «Выпускники Царскосельского лицея в Оренбурге», В.Г. Семенова – «Оренбургский современник Пушкина и родственник Даля Л. Соколов» и др.

В ходе конференции был проведен «круглый стол», во время которого секретарь Пушкинской комиссии ИРЛИ С.А. Фомичев (Ленинград) рассказал о многогранной филологической деятельности Н.В. Измайлова как текстолога и руководителя Рукописного отдела ИРЛИ, редактировавшего многие тома полного собрания сочинений А.С. Пушкина, а оренбуржцы В.В. Дорофеев, Г.П. Матвиевская, В.А. Крутилина, А.Г. Прокофьева и др. поделились воспоминаниями о жизни и деятельности ученого в Оренбурге.

Для участников конференции были организованы выставки Оренбургской областной библиотекой – «Пушкин в изданиях и переводах» и «Изобразительная пушкиниана», Оренбургским государственным архивом – «Пушкин и его время в документах Оренбургского государственного архива» и экскурсия «По пушкинским и пугачевским местам Оренбуржья».

В 2001 году Измайловские чтения были посвящены 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Владимир Иванович Даль прожил в Оренбурге более восьми лет (1833 –1841). Именно в этот период Даль стал известным в России писателем, автором повестей и рассказов, созданных в духе «натуральной школы». Особое внимание было уделено проблеме «Пушкин и Даль». С приветственным словом к участникам конференции обратились зам. главы администрации Оренбургской области В.А. Ковалев и председатель Оренбургского отделения Союза писателей России Н.Ф. Корсунов.

На пленарном заседании выступили доктора наук: С.А. Фомичев (Санкт-Петербург, ИРЛИ) – «Актуальный Даль», В.А. Кошелев (Новгород) – К истории повести В.И. Даля «Цыганка», Ю.Б. Орлицкий (Москва) – «Стих и проза в Далевом словаре», Ю.П. Фесенко (Луганск) – «Русская литература XIX века в Словаре В.И. Даля», М.В. Строганов (Тверь) – «Даль: пространственная модель жизни человека», Г.П. Матвиевская (Оренбург) – «Новые данные о научной деятельности В.И. Даля в Оренбурге», А.Г. Прокофьева (Оренбург) – «Оренбургские мотивы в прозе В.И. Даля».

На секциях – литературоведческой, лингвистической, краеведческой и методической, были заслушаны доклады преподавателей из вузов Оренбурга, Урала, Башкирии, Казахстана, сообщения краеведов, учителей оренбургских школ. Много было сообщений, отражавших краеведческие изыскания: В.В. Дорофеева «Оренбург В.И. Даля», Н.М. Щербанова «В.И. Даль и уральские казаки», М.М. Чумакова «В.В. Даль и оренбуржцы», А.В. Фёдоровой «Этнографические изыскания В.И. Даля на Южном Урале», В.Г. Семенова «Лев Даль –уроженец Оренбурга», В.Ю. Прокофьевой «Оренбургские слова в Словаре В.И. Даля» и др. Различные аспекты деятельности Даля как лексикографа были рассмотрены на лингвистической секции.

Третьи Измайловские чтения (9 –10 октября 2003) были приурочены к юбилейной дате – 170-летию приезда Пушкина в Оренбург. Конференция была международной, так как в ней приняли участие ученые из Италии, Японии, Украины, Белоруссии.

Как и прежде, на пленарном заседании выступили В.А. Ковалев, Н.Ф. Корсунов, из Санкт-Петербурга – доктора филологических наук С.А. Фомичев, К.Д. Томашевская. В круглом зале областной библиотеки прозвучали доклады В.А. Кошелева (Новгород) – «Из наблюдений над «Евгением Онегиным», Ю.Б. Орлицкого (РГГУ, Москва)– «Египетские ночи» А.С. Пушкина как прозиметрическая композиция», Ю.П. Фесенко (Луганск) – «А.С. Пушкин и В.И. Даль: к

проблеме «ускоренного развития» русской литературы XIX в.», С.М. Скибина (ОГПУ, Оренбург) – «Собачья комедия нашей литературы...» (А.С. Пушкин): к проблеме подтекста «Капитанской дочки». Доклады на секциях были предложены в русле следующих проблем: пушкинское наследие, творческие искания послепушкинской поры в призме современного литературоведения, проблемы литературного краеведения и этнологии, аспекты изучения литературного языка и художественного произведения. В конференции участвовали очно и заочно такие ученые, как Е.В. Абрамовских (Самара), А.С. Акбашева (Стерлитамак), Г.П. Матвиевская (Оренбург), С.А. Матяш (Оренбург), И. Б. Ничипоров (Москва, МГУ), В.П. Фёдорова (Курган), Г.Я. Шишмаренкова (Челябинск) и мн. др.

Четвертые Измайловские чтения состоялись 26 – 28 сентября 2013 года. Они были посвящены 180-летию поездки А.С. Пушкина в Оренбург. Заявки на участие в чтениях были получены из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Самары, Челябинска, Омска, Орла, Петропавловска, Воронежа, Волгограда, Комсомольска-на-Амуре, Орска и ряда других городов. Как и в предыдущие годы, были присланы сообщения и из других стран – из Японии, Китая, Казахстана, Украины. По-прежнему оставался неизменным большой интерес к творчеству А.С. Пушкина и работам пушкинистов у ученых из разных республик России – Башкирии, Бурятии.

К Измайловским чтениям изначально был внимателен Институт русской литературы. На первые Измайловские чтения Пушкинский Дом отправлял своих сотрудников, приезжал обычно известный пушкинист Сергей Александрович Фомичев. На IV-е Чтения из Рукописного отдела Пушкинского Дома, которым долгие годы руководил Н.В. Измайлов, прислали подготовленный Н.А. Прозоровой фильм об ученом, снятый на основе документов, хранящихся в фонде Измайлова.

На пленарном заседании выступили с докладами «Творчество А.С. Пушкина с точки зрения вечности» – Виктор Мирославович Гуминский, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, «Послание В.А. Жуковского «Императору Александру» как литературный фон «Вольности» А.С. Пушкина» – Галина Владимировна Зыкова, доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова; на секционном заседании – «Типологическая модель «Литературной газеты» А.С. Пушкина и А.А. Дельвига» – Михаил Васильевич Шкондин, доктор филологических наук, профессор МГУ. На

пленарном же заседании были прослушаны доклады оренбургских ученых – профессоров кафедры литературы и методики преподавания литературы ОГПУ: С.М. Скибина – «Откуда у Гринёва «приличный» французский? (К вопросу подтекста романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»)», Н.П. Сысоевой – «Пушкинская историософия "русского бунта" в "Капитанской дочке», А.Г. Прокофьевой «Педагогическая и литературоведческая деятельность Н.В. Измайлова в Оренбургском пединституте в 1941—1953 гг. (по архивным материалам)», а также профессора ОГПУ Г.П. Матвиевской – «Письма Н.В. Измайлова в Оренбург последних лет жизни». С приветственным словом от пушкинистов Казахстана выступил поэт Амантай Ахетов.

После пленарного заседания участники конференции присутствовали на торжественном открытии мемориальной доски (на здании педагогического университета – Советская, 19) в память о Н.В. Измайлове.

В этот же день в Пушкинском зале областной библиотеки ученые собрались за круглым столом и в непринужденной форме беседовали о проблемах пушкиноведения, оренбургских архивных документах о поэте и редких изданиях произведений Пушкина, имеющихся в библиотеке.

На секционных заседаниях, проходивших 27–28 сентября, обсуждались актуальные проблемы современного пушкиноведения, пушкинские традиции в литературе, пушкинские произведения в современной культуре, в информационном пространстве, лингвистические, педагогические аспекты изучения творчества поэта. Две секции занимались творчеством А.С. Пушкина (руководители секций – С.М. Скибин, Н.П. Сысоева и С.А. Матяш).

Учеными, обратившимися к краеведению, культурологами и краеведами затрагивались вопросы: «А.С. Пушкин и П.И. Рычков» (Тоёкава Коити, профессор университета Мэйдзи, Токио), «Потомки П.И. Рычкова в литературном мире Оренбуржья» (И.К. Зубова, доцент ОГУ, Оренбург), «Категория времени в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»» (В.Л. Савельзон, журналист, Оренбург), «Юбилей Пушкина в Оренбурге» (Е.Г. Вертоусова, краевед, Оренбург), «Оренбургский музей пушкинских героев» (А.В. Федорова, доктор исторических наук ОГАУ, Оренбург), «Оренбургская писательница пушкинской поры О.П. Крюкова» (В.Ю. Прокофьева, доктор филологических наук ОГПУ, Оренбург) и др. На краеведческой секции, объединённой с культурологической

(руководители – профессора Г.П. Матвиевская и В.Ю. Прокофьева), рассматривались не только региональные литературные связи, но и проблемы пространственного подхода к изучению произведений, «локального текста» в литературе.

В ходе конференции были получены и обсуждены материалы о казахских пушкинистах и их исследованиях (С.В. Ананьева, А.Т. Калиаскарова, научные сотрудники Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Алматы, О.А. Иост, доцент ПГУ, Павлодар, Казахстан), о переводах произведений А.С. Пушкина на казахский (Т.В. Кривошапова, доктор филологических наук, профессор Казахстанского филиала МГУ, Астана), чувашский (Э.П. Аргунеев, студент ОГПУ) и китайский языки (Вэй Сяо, У Пэйхуа, выпускники Шаньдунского женского университета, КНР; Е.Е. Тихомирова, доцент Новосибирского университета).

Завершились Измайловские чтения подведением итогов конференции и экскурсионной поездкой на Красную Гору – место съёмок исторического фильма о Пугачёве А. Прошкина «Русский бунт».

Результаты всех Измайловских чтений отражены в опубликованных сборниках, большинство из которых редактировала доктор филологических наук В.Ю. Прокофьева.

***Оренбургские историки об А.С. Пушкине
(по документам личных фондов ГБУ «ГАОО»)***

Косцова Е. Н.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина, и в особенности посещение им нашего края, всегда интересовали оренбургских историков и краеведов.

В Государственном архиве Оренбургской области находятся на хранении личные фонды исследователей, посвятивших поэту немало своих творческих работ.

В 2007 году в Государственный архив Оренбургской области был принят на хранение личный фонд профессора Оренбургского педагогического университета Юрия Спиридоновича Зобова.

Юрий Спиридонович Зобов родился 8 августа 1934 года в селе Ташла Тюльганского района Оренбургской области в семье рабочего. Окончив с отличием в 1953 году Чкаловское педагогическое училище им. В.В. Куйбышева, он в 1953-1958 гг. обучался на историческом

факультете Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Уже в студенческие годы Ю.С. Зобов начал заниматься научно-исследовательской работой. По окончании университета Юрий Спиридонович работал учителем истории, завучем, методистом различных школ. С ноября 1967 года он трудился в государственном педагогическом институте на кафедре истории СССР. Прошел путь от ассистента до доцента.

Документальные материалы, в числе которых были машинописные и рукописные черновики работ, посвященных великому поэту, были переданы в архив самим фондообразователем.

В рукописи статьи «А.С. Пушкин и Оренбургский край» исследователь замечает, что поездка Пушкина в наш край детально описана в исследованиях Н.В. Измайлова, Р.В. Овчинникова, С.А. Попова, Н.Е. Прянишникова, М.Г. Рахимкуловой и поэтому он кратко рассказывает «об оренбургском вояже поэта-историка» [1, Л. 2].

Более детально Ю.С. Зобов остановился на описании «Оренбуржья в 1833 году»: «Если предположить, что собираясь в дорогу, Пушкин просматривал сведения о главнейших пунктах и районах маршрута, то об Оренбургской губернии он мог узнать следующее. Губерния, образованная в 1744 году, после ряда административных изменений в 30-х годах XIX века занимала обширную территорию в 339447 кв. верст и состояла из 12 уездов. На этом пространстве проживало тогда лишь 1,7 млн. человек» [1, Л. 4]. В статье рассказано об экономике края, народах населяющих губернию, о «внешнем облике и размерах» населенных пунктов, которые посетил А.С. Пушкин.

При посещении нашей губернии поэт побывал в г. Бузулуке, Сорочинской, Новосергиевской, Переволоцкой, Татищевой крепостях. «В Татищевой состоялась беседа Пушкина с очевидцем «пугачевщины» – 82-летней казачкой Матреной (Дехтеревой) Дегтяревой. С её слов он кратко записал в своей дорожной записной книжке рассказы о печальной участи жены коменданта Нижнеозерной крепости Елизаветы (Лидии) Харловой и её брата, о расправе повстанцев с комендантом Татищевой крепости, отцом Харловой полковником Елагиным и о казни по приказу Пугачева одного казака за пьянство и атамана Татищевой крепости за утайку сведений о наличии продовольственных запасов» [1, Л. 11, 12].

Одним из вопросов, освещенных в работе Ю.С. Зобова, стал вопрос, посещал ли Пушкин Оренбургский архив? «В обширной литературе, посвященной поездке А.С. Пушкина в Оренбургский край, по-разному рассматривается этот вопрос. За те двое суток,

которые поэт пробыл в Оренбурге, он не имел возможности заняться поиском и изучением «пугачевских» документов в местном архиве. В архиве Оренбургской пограничной комиссии тогда хранилось 13 объемистых «книг» с документами Оренбургской канцелярии за 1772 – 1775 гг.». Юрий Спиридонович соглашается с мнением Н.В. Измайлова, который выдвинул предположение, «что Пушкин, зайдя в Пограничную комиссию, мог лишь бегло просмотреть интересующие его материалы» [1, Л. 19].

С октября 2013 года в Государственный архив Оренбургской области стали поступать документы известного оренбургского краеведа В.В. Дорофеева.

Виктор Васильевич Дорофеев родился в 1927 году в г. Ленинграде. 1 июля 1942 г. семья Дорофеевых была эвакуирована в г. Чкалов. С 1949 года Виктор Васильевич обучался в Уральском политехническом институте на отделении архитектуры строительного института (г. Свердловск), а с 1952 г. – в Чкаловском педагогическом институте на факультете иностранных языков. С 1961 по 2010 гг. В.В. Дорофеев работал старшим преподавателем, заведующим кафедрой, доцентом кафедры иностранных языков Оренбургского педагогического института (университета).

Первые печатные статьи Виктора Васильевича публиковались еще в студенческие годы в газете «Народный учитель». С 1979 года его материалы печатались в газетах «Комсомольское племя», «Южный Урал», «Оренбуржье» и др. В.В. Дорофеев заслуженно считался авторитетным знатоком истории и архитектуры г. Оренбурга.

В личном фонде Виктора Васильевича хранятся рукописи, посвященных А.С. Пушкину и городу Оренбургу пушкинской поры.

В 1982 году Оренбургское областное и городское отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры совместно с Оренбургским областным государственным архивом выпустили брошюру В.В. Дорофеева «Оренбург 1833». В ней автор подробно, с указанием каждого места на плане города, описывает маршрут поэта. Разъясняет, что на тех или иных местах находится в современном городе. «Место, где сейчас драмтеатр, еще пустовало, а на месте здания школы № 30 (физико-математический лицей – Е.К.), возможно, еще стояла старая гауптвахта. Если бы с площади повернуть по Неплюевской (ныне ул. Ленинская – Е.К.) улице направо, то вскоре показалась бы Троицкая церковь, а напротив неё каменное здание Неплюевского училища, куда А.С. Пушкин, вероятно

заходил. Здание сохранилось, но перестроено до неузнаваемости (Ленинская, 25)»[2].

«Отдельно от города и предместий стояли военный госпиталь, там же, где и сейчас (т.е по Госпитальному переулку), и загородный дом военного губернатора, на его месте сейчас больница (проезд Коммунаров, 1). Дом этот непосредственно связан с именем А.С. Пушкина, поскольку сейчас считается доказанным, что первую ночь в Оренбурге он провел именно в загородном доме»[2].

В 1999 году в журнале «Оренбургский край» в рубрике «Пушкинский год» был опубликован ряд публикаций В.В. Дорофеева на интересующую нас тему. В статье «Берды и их место в истории» автор пишет: «В Пушкинский год стоит сказать о поселении, куда ездил поэт и историк, побывав там, очевидно не менее двух часов. Благодаря пушкинским работам Берды известны и за границей. Ведь о Берде, как тогда называли поселение, сказано не только в «Истории пугачевского бунта», но и в «Капитанской дочке», где выделена даже глава «Мятежная слобода»[3].

В своей статье Виктор Васильевич предпринимает попытку определить место размещения «Золотой палаты» Пугачева: «Наиболее вероятным местом представляется торец северо-западного квартала. Дом стоял на его юго-восточном углу. Есть план 1788 года, на котором квартал изображен, но все поселение сдвинуто на север, а кварталы раза в два уже, чем следовало. Это т.н. геометрический план. На таких планах правильно наносится только местность, населённые же пункты могли указываться очень условно. Так что этот план во внимание приниматься не может. Но исключить существование северного квартала тоже нельзя. По отношению к современной ситуации возможное место дома находится на углу ул. Державина и ул. Салавата Юлаева. Но это, разумеется, лишь предположение»[3].

В публикации «Пушкинские места Оренбурга» в 1997 году В.В. Дорофеев отвечает на вопрос, почему важно знать какие оренбургские места увидел «желанный путешественник».

«Вопрос о том, где, в каких местах Оренбурга побывал осенью 1833 года великий российский поэт, может показаться обычным провинциализмом. Но, как представляется, для удовлетворения провинциального самолюбия достаточно знать, что поэт действительно посетил город, а определение с достаточной степенью достоверности конкретных мест не столь важно, принимая во внимание значительные изменения, которые произошли с тех пор в средовой застройке и в городе в целом. Для общей истории это,

очевидно, тоже не имеет существенного значения, но для истории местного края должна иметь»[2].

Краевед Елизавета Георгиевна Вертоусова родилась 21 марта 1936 г. в г. Тбилиси. В г. Оренбург Елизавета Георгиевна переехала в октябре 1970 года. Работала она в строительном управлении, но уже с 1976 года являлась внештатным экскурсоводом Оренбургского экскурсионного бюро. В 1991 году, выйдя на пенсию, Елизавета Георгиевна приступила к плодотворному изучению архивных документов. Елизавета Георгиевна – автор ряда научных статей по истории Оренбургского края. Её статьи публиковались в газетах «Южный Урал», «Оренбуржье», в альманахе «Гостиный двор», журнале «Отечественные архивы». В газете «Вечерний Оренбург» на протяжении нескольких лет существовала рубрика «Листая старую тетрадь», из которой оренбуржцы, с помощью автора Е.Г. Вертоусовой, узнавали много нового из прошлого своего родного города. Елизавета Георгиевна была соавтором краеведческих книг таких известных ученых и краеведов Оренбуржья, как Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева, И.К. Зубова.

В ГБУ «ГАОО» документы личного происхождения безвозмездно поступили от подруги Елизаветы Георгиевны Вертоусовой – Лидии Ивановны Финоленко на основании договора от 2 марта 2015 г. В сдаточную опись фонда включены: биографические документы, приглашения на конференции, а также рукописи статей фондообразователя. Некоторые статьи Е.Г. Вертоусовой посвящены связи Александра Сергеевича Пушкина с Оренбургским краем.

Всем известно, что в путешествии по Оренбургу поэта сопровождал

В.И. Даль, с которым они были знакомы задолго до 1833 года. Еще одна встреча состоялась «в роковом январе 1837 года» в Петербурге. Но мы знаем, что в эти годы В.И. Даль в должности чиновника по особым поручениям находился в Оренбургском крае. Как же оказался он у одра умирающего поэта. Об этом читаем в статье Е.Г. Вертоусовой «В И. Даль в январе 1837 г.», рукопись которой хранится в личном фонде: «В фондах областного архива имеется «Дело о Всемиловейшем дозволении Оренбургскому военному губернатору прибыть в С.Петербург зимой 1836/7 гг.», из которого узнаем, каким образом оказался Даль в С. Петербурге в трагическом январе» [4].

В журнале «Отечественные архивы» в 2004 году была опубликована статья Е.Г. Вертоусовой «Документы Госархива Оренбургской области свидетельствуют». В ней автор уточняет

биографию героя произведений Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская дочка» – оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа. «В документах фонда «Оренбургской экспедиции пограничных дел» (Фонд Оренбургской губернской канцелярии – Е.К.) выявлено письмо вице-губернатора князя А.М. Хвабулова, направленное 3 февраля 1781 года из Оренбурга в Уфимскую провинциальную канцелярию, в котором сообщалось, что «господин генерал-поручик кавалер и оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп, будучи одержим продолжительной горячкою, а наконец апоплексиею сего числа пополудни в 10-м часу скончался...»[5].

В личном фонде Е.Г. Вертоусовой хранится рукопись статьи «Пушкинский комитет 1937 года», посвящённой судьбам членов комитета, созданного в г. Оренбурге для организации празднования «всенародного праздника социалистической культуры» (так в 1937 году называли столетие со дня гибели А.С. Пушкина): «Юбилейный Пушкинский комитет, утвержденный президиумом облисполкома 9 сентября 1936 года, состоял из 22 человек. Зная, что многие члены этого комитета были репрессированы, мы решили подробнее узнать о каждом члене комитета и о его дальнейшей судьбе. Состав комитета был опубликован в газете «Оренбургская коммуна». Состав комитета был традиционен: руководители области и города, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Естественно, что они, как и писатели и поэты, вошедшие в комитет, в большинстве своем были известны современникам. Сегодня же приходится прикладывать немало усилий, чтобы узнать их имена и занимаемые должности». Исследуя судьбы этих людей, Елизавета Георгиевна обращалась к различным источникам: публикациям А.В. Федоровой, Л.И. Футорянского, Ф.А. Ишбулатова, «Книге памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области». «В результате поисков стало известно, что 11 членов комитета были расстреляны. Сведения об остальных членах комитета удалось найти в центре документации новейшей истории, в фондах которого имеются личные дела «номенклатурных работников»[4].

Документы фондов В.В. Дорофеева и Е.Г. Вертоусовой, совсем недавно переданные в архив, еще находятся в переработке, но уже совсем скоро они станут доступны для изучения всем желающим и смогут послужить новым исследователям жизни и деятельности великого поэта.

Источники:

1. ГАОО. Р. 3013. Оп. 1. Д. 21.

2. ГАОО. Р. 3038. Сд. оп. Ед. хр. 18.
3. ГАОО. Р. 3038. Сд. оп. Ед. хр. 53.
4. ГАОО. Р. 3039. Сд. оп. Ед. хр. 18.
5. ГАОО. Р. 3039. Сд. оп. Ед. хр. 20.

***Два строя, две даты: юбилеи Пушкина в 1899 и 1937 годах
(по документам Государственного архива Оренбургской
области)***

Попова К. Ю.

Пушкинских юбилеев в нашей стране отмечалось множество. Однако, Пушкинский праздник 1880 г. и траурные юбилеи пятидесятилетия (1887) и семидесятилетия (1912) со дня смерти А.С. Пушкина не вызвали в русском обществе и литературе особенно широкого отклика.

Самыми масштабными в этом плане празднествами литературоведы считают два столетних юбилея поэта – 100-летие со дня рождения и со дня смерти. Оба юбилея имели широкий общественный резонанс, хотя и проходили в совершенно разных политических условиях.

В Оренбургской губернии подготовка к 100-летию со дня рождения

А.С. Пушкина началась еще в марте 1899 г. Оренбургская ученая архивная комиссия⁴ марта 1899 г. направила прошение в Оренбургскую городскую думу, в котором просила последнюю уведомить, что предполагает дума сделать для «увековечивания памяти великого человека в сердцах граждан г. Оренбурга». В свою очередь, Оренбургская ученая архивная комиссия предложила городской думе прибить доску с соответствующей надписью на дом Ивана Васильевича Ладыгина, что против церкви Вознесения Христова, так как в этом доме останавливался А.С. Пушкин во время своего пребывания в г. Оренбурге в 1833 г., причем право редакции надписи на доске архивная комиссия просила оставить за собой.

Следующим отношением за № 2199 Оренбургская ученая архивная комиссия уведомила думу о проведении 26 мая 1899 г. публичного заседания, на котором членами архивной комиссии будут доложены рефераты, касающиеся значения А.С. Пушкина в развитии отечественной литературы и языка, а также тех его произведений,

которые были навеяны посещением им Оренбургского края. Все доклады планировалось отпечатать в отдельном выпуске трудов комиссии, к которому также должны были быть приложены портрет поэта и фотографии с маски, снятой с умершего А.С. Пушкина, хранящейся в музее комиссии. В виду ограниченности своих средств, архивная комиссия имела честь просить городскую думу отпустить ей для этой цели 200 рублей.

Со своей стороны Оренбургская городская управа признавала, что и ей необходимо принять активное участие в чествовании памяти А.С. Пушкина: «...очень своевременно надо отметить тот дом, в котором пребывал Пушкин во время посещения г. Оренбурга, дом этот, находящийся на Николаевской улице против церкви Вознесения Христова и бывший гг. Тимашевых, принадлежит в настоящее время Ивану Васильевичу Ладыгину. На изготовление мраморной доски ассигновать из сумм запасного капитала 100 руб. Вместе с тем, Управа полагала бы оказать из того же источника пособие Оренбургской ученой архивной комиссии в размере 200 руб. на издание выпуска ее трудов, посвященных памяти великого поэта и дням его пребывания в г. Оренбурге».

Независимо от этого, городская управа с целью увековечивания памяти о великом поэте в сердцах подрастающего поколения, планировала раздать оканчивающим курс в городских приходских училищах похвальные листы с портретами поэта, а также его избранные сочинения.

Непосредственно, накануне празднования юбилея, 20 мая 1899 г. комиссия по обсуждению порядка чествования столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина полагала, что участие города в этом празднике должно выразиться, в том числе, и в раздаче детям гостинцев – леденцов и пряников, «так как без этого лакомства бедным детям будет праздник не в праздник» [1].

Следует отметить, что кроме вполне выполнимых мероприятий, были и более серьезные предложения, требующие значительных затрат. Так, ссылаясь на недостаточность в г. Оренбурге женских училищ, городская управа считала вполне своевременным открыть в г. Оренбурге 6-е приходское женское училище, наименовав его в память поэта «Пушкинским». Училище это планировалось открыть уже с нового учебного года, т.е. с 1 сентября 1899 г. К тому же рассматривался вопрос о переименовании набережной улицы, идущей от Преображенской церкви до соединения ее с Водяной улицей в Пушкинскую.

Об итогах празднования столетнего юбилея поэта мы можем судить из прессы. В газете «Оренбургский листок» за 30 мая 1899 г. была опубликована заметка «Пушкинские дни в Оренбурге», которая дает представление о масштабах празднества: «Пушкинские дни в Оренбурге можно назвать пушкиниадой. Праздники в честь великого Пушкина начались 25 мая и кончаются лишь сегодня 30 мая».

Автор заметки подробно излагал сценарий праздника: «25 мая чествование поэта проходило в девичьем институте императора Николая I и в Оренбургском общественном собрании [...] 26 мая 1899 г., в день рождения великого поэта, заупокойные литургии и панихиды отслужены были в соборе и во всех церквях города, после чего состоялись акты во всех учебных заведениях».

Торжественное заседание, подготовленное Оренбургской ученой архивной комиссией, состоялось 27 мая. К бюсту Пушкина был возложен венок с надписью на ленте: «Оренбургская ученая архивная комиссия А.С. Пушкину. 27 мая 1899 года». Согласно программе, с докладом «Обзор художественной деятельности А.С. Пушкина» выступил Ф. Лисицын. О ««Капитанской дочке» как завершении реального направления в поэтическом творчестве А.С. Пушкина» рассказал Г. Соколов. Н. Иванов сделал сообщение о «Пушкине в Бердах». В заключение оркестр исполнил «Боже, царя храни!». На этом заседании присутствовало десять членов комиссии и пятьдесят гостей[2].

Как видим, многое из задуманного ранее, осуществлено так и не было. Не был издан и юбилейный сборник «Пушкин в Оренбурге». Единственное, что было сделано в этом плане – публикация в шестом выпуске «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии».

Следует отметить, что сразу после торжеств, в российской печати послышалась грустная нотка разочарования – на торжественных собраниях и обедах почти совсем отсутствовали литераторы, которых ближе всех касался праздник, не было ни общественного подъема, ни воодушевления.

В 1937 г., в совершенно иных политических условиях, Советский Союз отмечал траурную дату – столетие со дня смерти великого поэта. Подготовка к этой дате началась практически за год до самих мероприятий. Очевидно, что кампания по подготовке к пушкинскому юбилею не была стихийным явлением, а представляла собой вполне сознательную акцию партийного руководства. В определенной степени, этот юбилей был самым масштабным из всех отмечавшихся ранее.

В Оренбургской области еще осенью 1936 г. был организован областной пушкинский комитет, который провел подготовку целого комплекса мероприятий.

Сами торжества начались в г. Оренбурге 10 февраля 1937 г. В областном драматическом театре прошло городское заседание представителей партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, а также воинских частей. На заседании было объявлено, что городской совет принял решение об увековечении памяти А.С. Пушкина. Его имя было присвоено улице Орской г. Оренбурга, а также новой школе № 22 и библиотеке. В институтах города с 1937 г. для студентов-отличников были установлены две пушкинские стипендии по 250 руб. каждая. Кроме того, было объявлено, что городской совет будет просить советское правительство об установлении в г. Оренбурге памятника А.С. Пушкину. К тому же, к 100-летию со дня смерти поэта в областном издательстве вышел сборник статей «Пушкин в Оренбурге», в котором были опубликованы статьи известных оренбургских писателей и литературоведов С. Колесниченко, Н. Прянишникова, К. Сальникова и других авторов.

Вечером того же дня в г. Оренбурге состоялся митинг трудящихся г. Оренбурга, посвященный установлению мемориальной доски на доме, где в 1833 г. останавливался А.С. Пушкин. В 1937 г. в этом здании располагался Кагановический райсовет, а когда-то здесь стояла загородная дача губернатора В.А. Перовского. Текст мемориальной доски гласил: «А.С. Пушкин 1837 – 1937 Здесь стоял дом, в котором останавливался в дни своего пребывания в Оренбурге (с 30.IX – 2.X.1833 года) Александр Сергеевич ПУШКИН»[3].

Традиционно празднования не закончились одним днем. В Государственном архиве Оренбургской области сохранились материалы заседания выездного президиума Оренбургского городского совета в станице Берды, состоявшегося 13 февраля 1937 г. Согласно повестке дня, митинг закончился установлением еще одной мемориальной доски – на месте, где ранее стоял дом казачки Бунтовой, беседовавшей с А.С. Пушкиным о Пугачеве осенью 1833 г.[4]

По сообщению газеты «Оренбургская коммуна» столетие со дня смерти поэта не менее масштабно было отмечено и в районах области. Приведем некоторые выдержки из газеты: «Орск. 9 – 10 февраля на всех стройках, школах, предприятиях организованы пушкинские вечера. Большой общегородской вечер состоялся в городском театре [...]. Краснохолм, 11 февраля. К торжествам, посвященным Пушкину,

готовилась вся станица. Казаки-артисты приготовили инсценировку «Цыганы». Декорация сделана руками артистов[...]. В роли цыган выступили казаки и казачки-колхозницы. Инсценировка сопровождалась звонкими песнями и лихими плясками[...].

Беляевка. 9 и 10 февраля в Доме культуры Буртинского района состоялись пушкинские вечера, на которых участвовало свыше 1000 рабочих, колхозников, служащих и учащихся. На вечере учащиеся старших классов буртинской школы на немецком языке исполнили стихотворение Лермонтова «На смерть поэта». Школьники казахи читали стихи Пушкина на казахском языке[...].

Акбулак. 11 февраля. Сегодня в доме культуры учащиеся школ и техникума проводят костюмированный пушкинский маскарад» [5].

Как видим, как в дореволюционной, так и в советской России интерес к А.С. Пушкину и его творчеству был неизменным, и, соответственно, пушкинские юбилеи всегда проходили на достойном уровне, отличались лишь, в силу различных обстоятельств, сами масштабы празднования.

Но общим оставалось одно, несмотря на первоначальные замыслы и планы пушкинских комитетов, праздник всегда приобретал всенародный характер.

Литература:

1. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1225. Л. 1, 10 – 12, 16 – 16 об., 21 – 22.
2. Оренбургский листок. – 1899. – 30 мая. – Л. 45.
3. Оренбургская коммуна. – 1937. – 11 февраля. – Л. 66.
4. ГАОО. Р-63. Оп. 1. Д. 1349. Л. 7.
5. Оренбургская коммуна. – 1937. – 12 февраля. – Л. 68 об.

К вопросу о работе Пушкинского юбилейного комитета 1937 г. в архивных документах ГБУ «ЦДНННО»

Люкина И. В.

На протяжении многих лет информативность документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» недооценивается, тем не менее, архив хранит значительное количество документов по истории Оренбуржья, обладающих краеведческим потенциалом.

В данной публикации наша задача – познакомить читателя с непосредственным содержанием документов, содержащих интересные сведения о работе как областного, так и городского Пушкинских юбилейных комитетов 1937 г.

Впервые документы о деятельности областного Пушкинского юбилейного комитета 1937 г. в ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» обнаружила краевед, директор ГБУ «ЦДНННО» в 2011 – 2015 гг. Татьяна Сергеевна Панина. Сведения о его работе опубликованы в материалах Пушкинских чтений, посвященных открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка» в 2010 г. [3, с. 104 – 109].

В Оренбургской области, как и по всей стране, дату гибели великого поэта отмечали широко. К юбилейным пушкинским дням в г. Оренбурге создали специальный Пушкинский комитет. Решение о его организации и составе было принято Оренбургским обкомом ВКП(б) 15 июля 1936 г. [6, Л. 39.]

Первое сообщение о деятельности комитета и подготовке к пушкинским дням было зафиксировано протоколом заседания бюро Оренбургского обкома ВКП(б) от 23 января 1937 г. № 49 п. 12.: «...3. Обязать культпросвет отдел обкома ВКП(б) и облоно усилить обслуживание районов квалифицированными лекторами о творчестве А.С. Пушкина, обслужив в оставшиеся до юбилея и в ближайшие после него все районы, где не были прочитаны лекции. Райкомам ВКП(б) и райисполкомам наметить сроки лекций, организовать их слушание и договориться с облоно и культпросветотделом обкома ВКП(б) о своевременной присылке лекторов.

4. Для обслуживания лекциями и докладами о творчестве А.С. Пушкина колхозов, МТС и совхозов привлечь преподавателей родного языка и литературы неполных средних и средних школ всех районов области. Для подготовки их облоно провести кустовые однодневные совещания-семинары в Орске, Саракташе, Оренбурге, Бузулуке, Бугуруслане, обеспечить чтение инструктивных лекций и докладов о творчестве Пушкина на совещаниях квалифицированными областными работниками.

5. Управлению по делам искусств при облисполкоме организовать группы в 3 – 5 человек из артистов театров драмы и музыкальной комедии и обслужить совхозы, МТС и колхозы выездами этих групп с постановкой отрывков из трагедии Пушкина, чтением его стихотворений и исполнением музыкальных произведений на его тексты. Партгруппе облисполкома обеспечить ассигнование управлению искусств особых средств на эту цель.

6. Облоно и Оренбургскому горкому ВКП(б) перевести Пушкинскую выставку из педлаборатории в клуб им. В.И. Ленина [дорпрофсожа Оренбургской железной дороги (ныне ул. Советская, 56)], обеспечить ее просмотр рабочими предприятий и колхозниками, облоно обеспечить, чтобы посещающим выставку давались правильные и квалифицированные объяснения.

7. КОГИЗу немедленно разослать в библиотеки, магазины и киоски произведения Пушкина, имеющиеся на базе и в коллекторе, приняв меры к дополнительному завозу пушкинской литературы в оставшиеся до юбилея дни.

8. Областному книжному издательству (т. Ефремов) выпустить к юбилею отдельной книжкой биографию Пушкина.

9. В день годовщины со дня гибели А.С. Пушкина (10 февраля) провести по городам и райцентрам заседания партийных, советских и общественных организаций, посвященные памяти великого поэта и значению его творчества для современности.

10. Произвести 10 февраля закладку памятника Пушкину в Оренбурге и обелиска в Бердах, организовав митинги трудящихся при закладке памятника и обелиска. Партгруппе облисполкома обеспечить ассигнование средств на закладку памятника и обелиска, Оренбургскому госсвету определить и согласовать с облисполком места сооружения памятника и обелиска». [7, Л. 100 – 102].

Оренбургский областной совет профсоюзов составил план проведения 100-летнего юбилея 27 января 1937 г., в котором указывалось: «10 февраля 1937 г. исполняется 100 лет со дня трагической смерти великого русского поэта–создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы А.С. Пушкина. В дополнение к ранее данным указаниям облпрофсовет предлагает отметить дни юбилея А.С. Пушкина проведением следующих мероприятий:

1. До 10 февраля с.г. на предприятиях, клубах, красных уголках провести лекции и доклады о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

2. 10 февраля с.г. в день столетнего юбилея со дня смерти А.С. Пушкина на всех предприятиях, учреждениях, клубах – провести торжественные вечера рабочих и служащих, посвященных памяти и деятельности А.С. Пушкина силами кружков художественной самодеятельности, организовать показ драматических и музыкальных произведений, отрывки из опер, стихотворений, поэм А.С. Пушкина.

3. Устроить выставки, посвященные жизни и творчеству А.С. Пушкина, выставки его произведений и рекомендательные списки пушкинской литературы.

4. Для кино вечеров организовать показ кинокартин из произведений Пушкина: «Поэт и царь», «Дубровский», «Капитанская дочка» «Коллежский регистратор» и т.д.» [12, Л. 45.].

Следует отметить, что помимо областного комитета довольно активным был городской Пушкинский комитет, созданный Оренбургским горкомом ВКП(б) 2 ноября 1936 г., который провел городское совещание с культпросветработниками, зав клубами, работниками библиотек, руководителями кружков (драматических, хоровых, музыкальных), директорами театров и кинотеатров и разработал план работы: «1. Доклады заведующих клубов им. Ленина и швейфабрики, директора кинотеатра «Молот» и заведующей библиотекой Дома учителя о ходе подготовки к юбилею А.С. Пушкина.

2. Об олимпиаде художественной рабочей самодеятельности из пушкинских произведений.

3. При библиотеках, клубах, красных уголках организовать выставки книг А.С. Пушкина и о Пушкине. Вывесить рекомендательные списки пушкинской литературы и книг о Пушкине для начинающих и подготовленных читателей.

4. Провести в библиотеках, клубах им. Ленина, швейфабрике, Домах учителя, мукомолов и Орлесе по одной конференции читателей.

5. Провести общегородскую конференцию читателей.

6. Провести не менее одной лекции на каждом предприятии города (44 предприятия). Тема: жизнь и творчество великого поэта А.С. Пушкина (лекторов распределяют Махалина и Мельников):

а) проводить беседы, читки произведений Пушкина и о Пушкине в клубах, красных уголках, общежитиях и на предприятиях[1].

б) чтецов-беседчиков выделяют предприятия из состава грамотных товарищей [13].

в) все чтецы-беседчики должны быть пропущены через семинар с числом уроков – 8. Тема: программу семинаров разработать тт. Махалиной, Мельникову.

7. Провести организованный просмотр кинофильмов из произведений А.С. Пушкина и обсуждение содержания»[4, Л. 260; Л. 28 – 29].

Предполагалось организовать Пушкинскую выставку в клубе им. Свердлова г. Оренбурга (ныне ул. Советская, 17) и открыть ее не позднее 30 января 1937 г.

Намеченный план проведения Пушкинских торжеств городским Пушкинским комитетом утвердили протоколом заседания бюро Оренбургского горкома ВКП(б) от 2 февраля 1937 г. № 3 § 3. Кроме того, обязали отделы горкома ВКП(б), партгруппы горсовета и облпрофсовета, районные комитеты партии обеспечить проведение Пушкинского юбилея на высокой основе как праздника всенародного торжества. При этом: «2. Возложить персональную ответственность за проведение отдельных частей этого плана на следующих лиц: а) За собрания на предприятиях и в учреждениях – на треугольники их.

б) За мероприятия в школах, техникумах и вузах – на т. Соколова и директоров учебных заведений.

в) За подготовку и проведение закладки памятника А.С. Пушкина и организацию делегации на торжество по закладке памятника на Комиссию в составе тт. Либман (председатель), Ускова (комитет искусств), Зеленина (облпрофсовет), Осокина (милиция).

г) За подготовку и проведение торжественного заседания 10 февраля отвечает т. Махалина (за содержание данного собрания) и т. Вайнштейн (за организацию собрания).

Установить, что билеты на торжественные заседания на 10 – 11 февраля выдаются каждому участнику персонально и только лично т. Вайнштейн по персональным заявкам организаций.

Предложить т. Вайнштейн обеспечить участие на торжественном заседании лучших людей города – стахановцев, отличников, ударников.

т. Вайнштейн заявки на заседание собрать к 7 февраля и доложить секретариату горкома ВКП(б) порядок персонального вручения билетов.

д) За проведение районных торжественных заседаний отвечают лично председатели райсоветов.

е) За проведение расширенного заседания президиума горсовета в Бердах – т. Либман.

ж) За проведение торжественных собраний в сельском районе – т. Вайнштейн.

з) За посылку шефами в подшефные колхозы кружков художественной самодеятельности – т. Зеленин (облпрофсовет).

3. Выпустить специальные номера многотиражек и стенных газет, посвященные памяти А.С. Пушкина.

Поручить т. Колесниченко помочь в выпуске этих специальных номеров многотиражек и стенгазет.

т. Соколовой вместе с редакцией «Оренбургской коммуны» созвать для инструктажа редакторов многотиражек и стенгазет.

4. Поручить т. Михалиной и т. Ускову созвать инструктивное совещание руководителей клубов и руководителей кружков самодеятельности»[5, Л. 29 – 30].

Примечательно, что в ходе работы над подготовкой мероприятий Оренбургский областной профсовет и городской Пушкинский комитет оповещали участников торжеств о контрольных смотрах того, что сделано. Так, например, повестка Оренбургского областного профсовета от [8 января 1937 г.] гласила: «зав. клубом... 12 января с.г. в 12 час. дня в зале Оренбургского медтехникума Городской Пушкинский комитет и облпрофсовет проводит предварительный просмотр пушкинского репертуара, подготовленного кружками и одиночками Вашего клуба. Облпрофсовет предлагает представить на просмотр художественную самодеятельность вашего клуба. Кроме того 9 января к 2 часам дня представьте в культинспекцию облпрофсовета полную программу показа пушкинского репертуара кружками и одиночками вашего клуба на городском просмотре» [9, Л. 5].

Повестка городского Пушкинского комитета от 18 января [1937 г.] созывала на олимпиаду-просмотр художественной самодеятельности: «18 января в 6 часов вечера Городской Пушкинский комитет и облпрофсовет проводит Городскую Пушкинскую олимпиаду-просмотр кружков и одиночек художественной самодеятельности Вашего клуба. Горком ВКП(б) и облпрофсовет обязывают вас представить к указанному времени кружки вашего клуба на просмотр в клуб им. Свердлова» [10, Л. 8].

Несомненно, что хотя и руководящие органы принимали документы с некоторым опозданием, мероприятия уже понемногу проводились. Так, например, в материале к отчетному докладу о работе Оренбургского обкома ВЛКСМ за 1937 г. отмечалось: «[В средней школе зерносовхоза «Электрозавода» Новосергиевского района] проведено два литературных вечера, посвященных Пушкину. В начальных классах идет чтение сказок Пушкина, разучивание песен и стихотворений. В старших классах для учащихся проводились лекции о творчестве Пушкина» [8, Л. 30]. Также силами областных лекторов организовано чтение лекций о творчестве Пушкина в ряде районов, предприятий, МТС, совхозов и колхозов; напечатана и разослана в районы области брошюра с инструктивно-методическим письмом и примерным планом работы клубов в связи с Пушкинским юбилеем; организованы областной и городской семинары по подготовке докладчиков и беседчиков; при областной библиотеке [им. Н.К. Крупской] организован семинар чтецов произведений А.С.

Пушкина; создана пушкинская выставка; в кинотеатре Октябрь г. Оренбурга проводились мероприятия пушкинского фестиваля. В лекциях, докладах, на вечерах, концертах, посвященных Пушкину, на предприятиях особенно подчеркивался патриотизм, его любовь к своей родине [11, Л. 11 – 20].

Основные же мероприятия в г. Оренбурге прошли 8 – 10 февраля 1937 г., в т.ч. торжественное заседание в областном драматическом театре им. М. Горького (10 февраля 1937 г.), на котором с докладом о А.С. Пушкине выступил редактор «Оренбургской коммуны» С.А. Колесниченко, затем состоялся концерт, подготовленный силами театров, Дома пионеров, музыкального училища. Президиум Оренбургского облсовпрофа, подводя итоги проведения Пушкинского юбилея, на заседании 20 февраля 1937 г. особо отмечал подготовку и проведение юбилея на оренбургских предприятиях [2].

Не все из задуманного осуществилось. Тем не менее, основная задача проведения 100-летнего юбилея со дня смерти – «массовое разъяснение значения великого русского поэта как гордости русского народа, родоначальника русской классической литературы» – была реализована.

Примечания:

1. Звучали также такие темы как «Жизнь и творчество А.С. Пушкина», «Пушкин – создатель русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы», «Пушкин и мировая литература», «Пушкин и декабристы», «Лирика Пушкина», «Поэмы Пушкина и роман «Евгений Онегин», «Драматургия Пушкина: «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии», «Проза Пушкина: «Капитанская дочка» и другие произведения», «Пушкин и фольклор. Сказки Пушкина». – ЦДНПО. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

2. Например, культорганизатор шорно-седельной фабрики им. Правды Поликарпов за хорошую организацию и проведение Пушкинского юбилея был премирован в размере 100 рублей. – Панина, Т.С. Документы Пушкинской юбилейной комиссии 1937 г. в Центре документации новейшей истории Оренбургской области / Т. С. Панина // Пушкинские чтения, посвященные открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка». – Оренбург: Изд. дом ОГАУ, 2010. – С. 107; ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 340. Л. 15.

3. Панина, Т.С. Документы Пушкинской юбилейной комиссии 1937 г. в Центре документации новейшей истории Оренбургской области / Т.С. Панина // Пушкинские чтения, посвященные открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка». – Оренбург: издательский дом ОГАУ, 2010. – С. 104 – 109.

4. ЦДНПО. Ф. 267. Оп. 7. Д. 14. Л. 260; Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 28 – 29.

5. ЦДНПО. Ф. 267. Оп. 9. Д. 22. Л. 29 – 30.

6. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 452. Л. 39.

7. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 17. Л. 100 – 102.

8. ЦДНННН. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 214. Л. 30.
9. ЦДНННН. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.
10. ЦДНННН. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.
11. ЦДНННН. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 11 – 20.
12. ЦДНННН. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 45.

13. Чтецов-беседчиков на общегородской семинар по проведению Пушкинского юбилея в количестве 100 человек привлекли с таких предприятий как (всего 40 предприятий): ПВРЗ, швейфабрика, фабрика им. Правды, завод им. Кирова, обзостроительный завод, мукомольно-элеваторные предприятия, комжилстрой, Орлес, мебельная фабрика, кожзавод, обувная мастерская, гостипография, энергокомбинат, суд и прокуратура, кооперация, производственные тресты и т.д. – ЦДНННН. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 61. Л. 4, 36.

***Пушкинское наследие и библиотечная деятельность:
традиции и инновации:
«Собирайтесь иногда читать мой свиток верный...»***

Ермеева А. А.

Русская поэзия родилась под счастливой звездой Пушкина. Идут века, а путеводная звезда гения горит на небосклоне проникновенного слова. От колыбели до последней дороги живёт в каждом из нас свой Пушкин – образом, строкой, мыслью, страстностью и убежденностью. Сначала сказка захватывает дух и полонит воображение, потом стихи врываются со стихией мороза, метели, с однозвучным колокольчиком, внезапно и властно возникает «чудное мгновенье» – и так неотступно и желанно для нас идёт с нами великий поэт, учит жить и понимать жизнь во всей её неповторимости и сложности.

Творчество А.С.Пушкина – это чистейший нравственный родник. Его поэзия делает нас чище, богаче, добрее. Она дарит нам минуты радостного общения. Весь творческий путь Пушкина был озарён Божественным светом любви и добра. И мы, прикасаясь к его поэзии, зажигаемся этим огнём, этой энергией, которая даёт нам силы жить, любить, творить добро.

«Образ, бережно хранимый...»

26 июля 1945 года была открыта городская массовая библиотека, которой было присвоено имя великого поэта А. С. Пушкина. Фонд состоял из 6915 экз. книг. Библиотека обслуживала 1032 читателя книговыдача составляла 13447 экз. Со дня своего основания библиотека стремится быть достойной имени великого гения. К услугам пользователей: зал культуры и досуга «Территория

свободного общения», абонемент, детский отдел «Почитай-ка». Книжный фонд составляет 51300 экз. книг. Посещают библиотеку 48500 пользователей, в год выдается 172250 экземпляров печатной продукции.

Абонемент представлен книгами русской, российской и зарубежной классики, популярными сегодня отечественными и зарубежными детективами, литературой учебно-делового характера, научно-познавательной и исторической.

Зал культуры и досуга является сердцем нашей библиотеки. В нем проводятся интересные и разнообразные по тематике библиотечные программы для взрослых и детей. Здесь всегда действуют выставочные книжные экспозиции на актуальные темы современности. Богат мир периодики. Газеты и журналы помогают читателям быть в курсе всех событий.

Отдел детской литературы «Почитай-ка» предлагает своим юным читателям самые интересные и нужные книги: энциклопедические словари и справочники, произведения детских писателей, русские народные сказки и сказки народов мира, детские детективы, приключения и фантастику.

В библиотеке работают клубы по интересам:
литературная гостиная «Прекрасен наш союз...»;
клуб татарской культуры «Йолдыз» (Звездочка);
клуб «Открытые сердца» для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья;
клуб садоводов и огородников «Дачник»;
кружок «Рукодельница»;
детский клуб «Солнышко».

В деятельности библиотеки важным и значимым было и остается популяризация произведений классика, внимательное изучение жизни и творчества великого гения – Александра Сергеевича Пушкина. Меняются поколения, одни уходят, другие приходят им на смену, а Пушкин остается все таким же живым, необходимым, к его поэзии обращаются вновь и вновь.

На протяжении многих лет сотрудники библиотеки кропотливо собирают материалы о Пушкине и, конечно, весь информационный потенциал является духовным достоянием наших читателей.

Наследие поэта

Пушкинский фонд библиотеки составляют: более 800 экземпляров печатных изданий, 5 тематических папок-досье, иллюстрированные материалы о жизни и творчестве А.С. Пушкина. Работники библиотеки раскрывают фонд пушкинской литературы

через книжно-иллюстративные выставки, открытые просмотры, видеофильмы. Долгие годы собирается материал для альбомов и папок. Оформлены тематические папки: «Пушкин известный и неизвестный», литературная гостиная «Зеленая лампа», «Потомки Пушкина», «Пушкин в Оренбурге», «Фотографии и иллюстрации» и т. д. В альбоме под названием «Самым святым в жизни был для меня А.С. Пушкин» собран материал о выступлениях, стихах журналистки и поэтессы Надежды Быстрой. Она любила повторять: «А.С. Пушкин для меня был всегда тем авторитетом, перед которым я преклонялась». В папке «Оренбургская Пушкиниана» собраны вырезки из газет и журналов о пребывании Пушкина в нашем крае и о людях, с которыми он встречался. Пушкинская тема отражена и в других папках, имеющихся в нашей библиотеке.

Имеются издания 1936, 1937 гг., полные собрания сочинений поэта, программные произведения, ценные издания и книжные миниатюры. Особой популярностью пользуются издания «Пушкин. Школьный энциклопедический словарь», «Онегинская энциклопедия», книга А.А. Черкашина и Л.А. Черкашиной «Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона» с замечательной картой-схемой.

Справочно-библиографический аппарат отражает творчество писателя и литературу о нем в тематической картотеке «Солнце России», картотеке сценариев «Волнуют сердце пушкинские строки». Мы разрабатываем и издаём буклеты, путеводители, закладки, рекомендательные списки литературы.

Страницы летописи

В феврале 1987 года при библиотеке им. А.С. Пушкина впервые зажгла свой свет литературно-музыкальная гостиная «Зеленая лампа». Ее организаторами стали краевед С.Е. Сорокина и заведующая библиотекой А.Ф. Буряк. Задачами гостиной были: возрождение русской духовности, воспитание творческой личности. Свои первые вечера «Зеленая лампа» посвящала жизни и творчеству А. С. Пушкина. Затем спектр интересов расширился. Родной край, его прошлое и настоящее стали темами заседаний гостиной. Гостями «Зеленой лампы» были старейший поэт Оренбуржья М. Клипиницер, поэтессы Н. Емельянова, Н. Быстрая, писатели Г. Саталкин, П. Краснов, Л. Большаков. Свою деятельность «Зеленая лампа» прекратила в 1993 году.

«С Пушкиным не расставайтесь!»

В библиотеке выделены следующие композиции: в фойе находится постоянно действующая выставка «России первая любовь»,

в зале культуры и досуга оформлен стенд «Оренбургская Пушкиниана». Для всех групп читателей проводятся различные мероприятия, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина: литературно-музыкальные вечера, вечера поэзии, театрализованные представления, праздники, выставки творческих работ, конкурсы чтецов, художников.

С целью повышения эффективности деятельности библиотеки по популяризации литературного наследия поэта мы разработали проект «Светлое имя Пушкин», включающий следующие направления – организация и пополнение книжного фонда, информационно-библиографическое обслуживание, выставочная и культурно – досуговая деятельность.

Уже столетие назад замечено, что Пушкин – наше все. Одним из важных направлений является духовно-нравственное воспитание детей. На протяжении многих лет к творчеству Пушкина мы приобщаем детей дошкольного возраста. Разработана программа «Я в гости к Пушкину спешу» с целью познавательного и эстетического развития воспитанников через творчество А.С.Пушкина. Программа включает: чтение произведений Пушкина, игры, викторины, загадки, театрализованную и эстетическую деятельность. С нетерпением малыши ждут встречи с героями произведений поэта.

Торжественно проходят Пушкинский День России, День Лицея и День Памяти великого поэта.

В этом году библиотека была ответственной за проведение Пушкинского дня России. Совместно с областным домом литераторов и городскими библиотеками МБУ «БИС» прошел прекрасный праздник «Пушкинским стихам звучать на свете белом...». Пушкинский день России и День русского языка открыли возложением цветов к памятнику Пушкину и Далю. В этот день работали творческие площадки, где проводились литературные викторины «Вместе с Пушкиным», «Если в сказку очень верить, то она к тебе придет», увлекательные игры с котом ученым «Там, на неведомых дорожках...», «У лукоморья дуб зеленый...», конкурсы «Я рисую сказку», «Петушок-золотой гребешок», «Волшебный бег гусиного пера». Книжные экспозиции «России первая любовь», «Потомки Пушкина» привлекали внимание горожан своим содержанием и прекрасным оформлением. Любители живописи познакомились с выставкой работ учащихся ДШИ им. А.С.Пушкина «Пушкин в живописи».

Оренбургские поэты и писатели своими произведениями выразили почтение и любовь к творчеству А.С. Пушкина. Для

почитателей таланта Великого поэта был предоставлен свободный микрофон. Желающих было много, особенно молодежи.

Стало традицией ежегодно в библиотеке организовывать для разных категорий пользователей День памяти А. С. Пушкина. Каждый год ребята узнают о великом поэте что-то новое, учатся понимать и любить поэзию, ведь понимать поэзию может научиться каждый, кому доступны такие "души прекрасные порывы", как любовь, сострадание, грусть.

Жизнь Пушкина коротка и бесконечна. Так много вместились в эту недолгую жизнь, осененную высоким крылом поэзии, что вся она похожа на один чудесный миг, а каждый миг ее – на целую жизнь.

Материал обычно составляем блоками, соответствующими определенному периоду жизни поэта. Это позволяет к каждому блоку подобрать определенную музыкальную тему (музыка Свиридова, Шопена, Моцарта) и включить в сценарий бальные танцы, присущие дворянской культуре XIX века, романсы, инсценировки из произведений А.С. Пушкина, фольклор (хоровые песни, частушки).

Необходимо, чтобы ребята чувствовали себя на сцене непосредственными участниками происходящих событий; должны прозвучать голоса собеседников, с которыми нас разделяют столетия: это и преданный Иван Пущин, и лирическая Анна Керн, и добродушный Дельвиг, и восторженный Жуковский, и шеф жандармов Бенкендорф, и, конечно же, голос Пушкина – его стихи, его мысли.

Главная цель таких вечеров – показать поэта как человека глубоких переживаний, счастливой и вместе с тем трагической судьбы, и на примере жизни Пушкина способствовать формированию личности ребят, их духовности и нравственности. Именно поэтому в этот день мы приглашаем нашего современника отправиться в пушкинское время, взглянуть на него глазами его близких, друзей, собратьев по перу, перелистать некоторые страницы его биографии.

В конце 2010 года мы решили вновь создать литературную гостиную. А поводом этому послужили творческие работы наших читателей, повышение интереса к классике. В беседе с ними выяснилось, что они пишут стихи, сочиняют песни, но пишут для себя, об этом мало кто знает даже из их близкого окружения. И, конечно, мы сочли необходимым создать коллектив единомышленников, нацеленный на творчество. Названием для литературной гостиной мы взяли слова А.С. Пушкина «Прекрасен наш союз...», а поэтические строки «...Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...» стали путеводной звездой для нашего объединения.

Литературная гостиная приглашает своих читателей в последнюю пятницу месяца. Именно для читателей «золотого» возраста и предназначалась идея создания гостиной, они с удовольствием и благодарностью собираются здесь с тем, чтобы пообщаться, познакомиться с поэтами и музыкантами, вспомнить и послушать любимые и возможно, забытые произведения.

Тематика наших встреч расширяется с каждым разом. В нашей гостиной есть свои самобытные поэты. Их творения продиктованы настроением и внутренними ощущениями. Это стихи об интересных жизненных ситуациях, отношениях между людьми, о путешествиях, и, конечно же, о любви. В этом объединении собрались единомышленники и друзья, первые помощники библиотеки. Именно они поддерживают библиотеку, показывают ее значимость, участвуют в формировании положительного имиджа. Именно они открывают двери всем желающим ближе познакомиться с удивительной атмосферой пушкинской эпохи. Основная цель нашего объединения – поднять престиж литературной классики, пробудить и углубить интерес к ней.

Когда-то французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения». Мудрые слова! Нам остается лишь находить подтверждение им в жизни! Общение с человеком талантливым – двойная роскошь. Главное — увидеть, заметить его вовремя и сказать ему «спасибо» за щедрость души, за умение дарить свой талант бескорыстно, за то, что он живет на свете и делает добро.

Библиотека должна быть готова к сотрудничеству. Партнёрство – это фактор успеха деятельности по поддержке и развитию чтения. Тесное взаимодействие с ДШИ им. А.С. Пушкина помогает нам глубже раскрыть творчество великого гения. В 2016 году был разработан совместный проект проведения городского конкурса детского рисунка «Золотая рыбка». Цель данного проекта – содействие эстетическому и художественному воспитанию детей, развитие интереса к жизни и литературному наследию А.С. Пушкина, приобщение подрастающего поколения к культурным и духовным ценностям своего народа. Выставочные экспозиции будут демонстрироваться на разных площадках города, в том числе и в библиотеке им. А.С. Пушкина. Открытие выставки будет приурочено к Пушкинскому дню России. Пока в нашей духовной жизни есть такие события, как Пушкинские дни России, нам предоставляется великий шанс возвысить русское слово, чудное мгновенье любви, возвратить сказки Лукоморья, утвердить Русский Дух в народе.

Мы понимаем, что в библиотеке у нас не так много книжных памятников, но наша задача собрать и сохранить те книги, которые через 100, 200 лет станут памятниками литературы. Эти книги встретят трехсот и четырехсотлетие со дня рождения А. С. Пушкина, и благодарные потомки нам скажут «спасибо!».

«И продолжает жить в потомках вечный Пушкин»

Гусева О. И.

*«Мы жили на этой земле. Не давайте ее в руки опустошителей,
пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, с нас за это спросится».*
К. Паустовский

Библиотека-филиал №1 МБУ «Библиотечная информационная система г. Оренбурга» находится в историческом районе города – поселке Бёрды. Это небольшой посёлок, расположившийся на краю Оренбурга. Место внешне ничем особым не примечательное, оно, тем не менее, привлекает к себе своей историей. Именно здесь Емельян Пугачев несколько месяцев стоял со своим войском. Сюда приезжал Александр Пушкин перед тем, как приступить к созданию «Истории Пугачева». Мы, библиотекари, считаем своим долгом популяризировать историю своего поселка, именно поэтому в своей работе основным направлением выбрали краеведение. В этой благодатной сфере мы используем самые разнообразные формы, но хотелось чего-то более конкретного и наглядного. Давно родилась задумка основать музей истории Берд при библиотеке. И вот, усилиями всего дружного коллектива (а нас всего три человека) нам удалось отыскать первые экспонаты – прялку, чески, веретена. Их сразу же разместили на выставке «Жили-были казаки». Она заинтересовала наших читателей, и они стали нести нам предметы старины, пылящиеся у них в сараях и на чердаках. Слухами земля полнится, о нашей задумке стали говорить в народе, и народ к нам потянулся со своими идеями, предложениями и экспонатами. Это был 2007 год. Так, благодаря неравнодушию людей, и появился в нашей библиотеке мини-музей. Но на звание библиотеки-музея мы пока не претендуем, не тот еще размах, поэтому свою экспозицию мы назвали этнографическим уголком казачьего быта «Память вольной старины». После проведенной систематизации собранного материала мы выделили в нем 4 основных раздела: 1. «Чу, сила могучая встала!» посвящен основному предназначению казачества – воинской службе,

защите рубежей государства, в нашем случае – города Оренбурга, ведь это и было целью основания Бердской крепости. 2. «Слава тебе, Господи, что мы – казаки!» расскажет о всем известной силе глубокой Веры казаков, о верности и преданности своим законам и традициям. 3. «Крепок курень, коль работать не лень» содержит сведения о том, какими рачительными хозяевами слыли казаки, а основная доля домашних забот ложилась на плечи женщин-казачек. 4. «У нас недавно проезжал Пушкин...» раскрывает тему связи Берд с именем великого поэта, посетившего крепость в 1833 году. Говорят, любой человек тем мудрее, чем больше знает о себе, о своих корнях и истоках. Мы живем на уникальной земле, которая вырастила действительно великих людей и пережила действительно великие исторические события. А.С.Пушкин писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно». Именно поэтому все мы, россияне, чтим память величайшего поэта, доброго сына русского народа Александра Сергеевича Пушкина. Нам дороги все даты жизни Пушкина: и день рождения, и лицейские годы, и знаменитые Болдинские осени.... Нам так же дороги отдельные места России, так или иначе связанные с именем поэта. Но особенно мы горды тем, что наш город Оренбург Александр Сергеевич удостоил своим посещением. Этот факт является особенной гордостью и жителей такого небольшого населенного пункта, как Бёрды. Ведь это именно сюда были устремлены все мысли и чаяния поэта. Именно здесь он рассчитывал получить свидетельства драматических событий Пугачевского бунта. И вот цель его поездки достигнута. Это произошло, как известно, 18 сентября 1833 года, а 19 сентября Александр Сергеевич в сопровождении Владимира Даля прибыл в Берды. Всего три дня! Как они отозвались в сердцах оренбуржцев и жителей Берд! Ведь это было неслыханное событие: сам Пушкин, поэт, барин, запросто разговаривал с простыми казаками и казачками! Так открылась новая, оренбургская страничка Пушкинской истории. Позднее в Оренбурге побывали и потомки великого поэта.

Лев Анатольевич Пушкин – внучатый племянник великого поэта, внук младшего его брата. В государственном архиве Оренбургской области хранится донесение действительного статского советника в звании камергера Высочайшего Двора Льва Анатольевича Пушкина его Превосходительству господину Оренбургскому губернатору от 1 сентября 1914 года: «Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что, прибыв 31 августа сего года к месту своего назначения, я сего числа вступил в отправление должности Оренбургского вице-губернатора».

В сложное время прибыл на оренбургскую землю Л.А. Пушкин – уже шла первая мировая война. Да, трудное время было во всей стране, которая считалась империей. Видимо, новый вице-губернатор решил хоть чем-то помочь своей родине. И он, прежде всего, пытается навести порядок в органах управления губернией. Бюрократизм чиновников всех уровней, скандальные интриги в правительстве, казнокрадство, трудное продовольственное положение в губернии... Все эти проблемы не оставляют его равнодушным. Но...патриотично настроенный, внимательный к людям, образованный и государственно мыслящий, Лев Анатольевич Пушкин представлял тип не совсем «удобного» губернатора и, естественно, в 1917 году вице-губернатор уже не устраивал Временное правительство. Сохранился самый поздний документ, выданный 28 марта 1917 года следующего содержания: «Дано сие оренбургскому вице-губернатору Льву Анатольевичу Пушкину, в том, что со стороны Временного правительства не встречается препятствий к поступлению его в добровольческую организацию по изготовлению снаряжения для Кавказской Армии». В апреле вице-губернатор Пушкин уже выехал из Оренбурга.

Ещё одна незримая ниточка соединяет Оренбургский край с русским гением – через праправнука поэта Сергея Евгеньевича Клименко (правнука Александра Александровича, старшего сына Пушкина). После Октябрьской революции в роду Пушкиных появляются представители самых разнообразных профессий. Однако, когда началась Великая Отечественная война, в рядах Советской Армии и флота сражались девять прямых потомков поэта. Среди них – Сергей Евгеньевич Клименко. Он защищал от фашистских налётов небо Москвы. В 1943 году двадцатичетырёхлетнего сержанта Клименко направили на учёбу в Чкаловское училище зенитной артиллерии им. Орджоникидзе. Собственно, судьба Клименко сложилась, как и сотни тысяч судеб советских молодых людей в ту пору. Помимо учёбы – служба на станции Оренбург, куда непрерывно днем и ночью прибывают поезда с ранеными, с техникой, живой силой, беженцами.... И всех надо пристроить, накормить, отгрузить; нести караульную службу... Младший лейтенант получил хороший закал и знания зенитных установок, орудий... Новоиспеченный офицер получил назначение в распоряжение командира Московского учебного лагеря зенитной артиллерии. После победы над гитлеровской Германией С.Е. Клименко поступил на японское отделение Военного института иностранных языков. И в 1950 году, закончив учебу, получил направление на Дальний Восток.

Затем годы работы в отделе радиовещания на японском языке. Сергей Евгеньевич пропагандировал творчество прапрадеда за границей. Дружил с поэзией, хорошо знал искусство. До последних дней своих С. Е. Клименко жил интенсивно, творчески, что позволило ему оставаться душевно молодым. На этом оренбургская пушкинская летопись не заканчивается. В 2007 году, примечательном для нас, как дата основания нашего музея, произошло еще одно знаменательное событие – Берды готовились отпраздновать свой 265-летний юбилей (отсчет ведется от 1742 года, когда Бердская крепость была перенесена именно на это место на берегу Сакмары, где находится и сейчас). Весть о предстоящем событии разнеслась очень быстро. В апреле, когда мы готовили программу празднования, собирали сведения о замечательных жителях поселка (так как точной даты основания крепости мы не нашли, было решено отпраздновать это событие 21 июля, в День Явления иконы Казанской Божьей Матери, особопочитаемом празднике бердскими казаками и являющимся престольным в местном приходе), в библиотеку обратился мужчина, житель Подгородней Покровки. Он хотел уточнить дату мероприятия для своих родственников, уроженцев Берд, проживающих в Москве и желающих присутствовать на этом празднике. За дня до праздника мы познакомились с ними. Женщина представилась Пушкиной Лидией Ивановной?! Она рассказала свою историю, которая нас поразила. Лидия Ивановна – вдова праправнука поэта Александра Георгиевича Пушкина (Адамова). История их знакомства может показаться банальной, но нам она кажется интересной. В 1976 г. Лида Лукьянова (девичья фамилия Никифорова) работала на аппаратном заводе, и ее направили в служебную командировку на радиозавод в г. Мытищи. Но эта командировка очень была желанной для ее подруги и коллеги, у которой в Мытищах служил в армии жених. Лида уступила подруге, согласовав это с руководством. В самолете соседом подруги оказался очень интересный общительный мужчина средних лет. Как обычно бывает в дороге, к концу полета они уже знали истории жизни друг друга. Девушка поведала и о том, что лететь-то должна была ее подруга, и очень тепло отозвалась о ней, коснувшись и ее жизни. Александр Георгиевич Пушкин, а именно так звали мужчину, неожиданно попросил дать адрес этой «хорошей женщины». Позднее он написал Лидии Лукьяновой, находившейся к тому времени в разводе и имевшей сына Сергея 8 лет. Завязалась теплая переписка, а в 1976 году Александр приехал в Оренбург для очного знакомства и пригласил Лидию к себе в Москву погостить. Женщина очень

понравилась Александру Георгиевичу, у которого за плечами тоже было 2 брака. Лидия ответила ему взаимностью, и в конце 1977 он увез ее с сыном в г. Тургай в Казахстане, где он находился в длительной командировке от треста «Мосфундаментспецстрой». Там они и оформили брак, который был третьим для Александра Георгиевича Пушкина. В 1978 году они переехали жить в Москву. Александр Георгиевич неоднократно приезжал в Оренбург, и всегда они с супругой посещали памятные Пушкинские места. В Москве Лидия Ивановна познакомилась с родным братом супруга Михаилом Георгиевичем и сыном супруга от второго брака с М.М. Леушовой (в этом же браке рождена дочь Анна, она живет в Москве). Александром Александровичем, впоследствии уехавшим в США. Он живет там и поныне. Там же живет и родная сестра (по матери) Александра Георгиевича и Михаила Георгиевича – Наталья Харитоновна. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...», – сказал поэт Некрасов. Александр Георгиевич не стал поэтом, не стал он и летчиком, как мечтал в детстве, но он был настоящим гражданином своей страны. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, он 15-летним парнишкой пошел работать на авиационный завод. Там он возглавлял комсомольскую организацию и работал на сборке самолетов. С 1946 г. А.Г. Пушкин служил в армейском филиале Московского академического Малого театра – обслуживал части Советской Армии за рубежом, где провел несколько лет. Последним местом его работы было специализированное управление №191 треста «Мосфундаментспецстрой», в котором он был в последние годы начальником управления механизации. Это был высококвалифицированный специалист, нередко публиковавший свои статьи в профессиональных журналах, а некоторые его изобретения были приняты к производству. С Лидией Ивановной, своей третьей женой, Александр Георгиевич счастливо прожили в браке 9 лет, общих детей у них не было, но сын Лидии Сергей и сын Александра, по традиции тоже Александр росли вместе и были дружны, а супруги не делали разницы между ними. Умер Александр Георгиевич в 1986 году от аневризмы головного мозга буквально через три месяца после эмиграции сына. Его подкосило известие о том, что сын Александр уезжает на ПМЖ в США. Отец не мог понять, как можно променять советскую Родину на чуждую нам капиталистическую Америку. Александру Александровичу Пушкину, сыну Александра Георгиевича, сейчас 59 лет (1957 г. рождения). Еще в Москве он получил филологическое образование. После смерти Александра

Сергеевича Пушкина ходило много легенд. Например, о том, что великий поэт запретил писать стихи своим потомкам. Якобы лучше него всё равно никто писать не сможет. Впрочем, по словам Александра Александровича, в этом доля истины есть. Он единственный из потомков великого поэта нарушил завет пращура. Александр Александрович Пушкин, потомок великого поэта, сказал о себе: «В Америке работал таксистом, грузчиком. Теперь пишу стихи». В 2015 году в Москве вышел сборник его стихов.

Пусть Александр Георгиевич Пушкин ничего значимого не совершил для Оренбурга, он приезжал в Оренбург с частными визитами, но примечательно то, что судьба свела его именно с уроженкой пос. Берды (мать Лидии Ивановны – Ольга Мельникова – из семьи потомственных казаков Мельниковых), где когда-то побывал его знаменитый предок. Хочу обратить внимание еще на тот факт, что двое из потомков поэта, побывавших в нашем городе, произошли от старшего сына Александра Сергеевича – Александра. Всего у него от двух браков было 13 детей. Его праправнук Сергей Евгеньевич Клименко – произошел от ветви сына А. Пушкина (сына А.С.Пушкина) по линии брака со второй женой Натальей Александровной Воронцовой–Вельяминовой. А Александр Георгиевич Пушкин – по линии брака с первой женой – Ольгой Николаевной Решетовой. Таким образом, в нашем городе Оренбурге побывали два праправнука великого поэта по линии его старшего сына Александра. Это представляется очень интересным фактом. Мы не только гордимся историей, но и хотим в прошлом найти объяснение событиям, происходящим в настоящем. Белинский отмечал, что «настоящее и есть результат прошедшего и указание на будущее».

В настоящее время вдова А.Г. Пушкина, Лидия Ивановна со своим сыном от первого брака Сергеем Лукьяновым бережно хранят историю семьи Пушкиных, собирая по крупицам факты, систематизируя их и ставя главной целью – сделать это достоянием широкой общественности. Они ежегодно приезжают в родной город Оренбург и обязательно посещают Берды, где когда-то и началась вся эта история. В каждый свой приезд они обязательно приходят в библиотеку, где встречаются не только с библиотекарями, но и с нашими читателями и жителями поселка, ведь им есть что рассказать, чем поделиться! Кроме того, Сергей Лукьянов создал сайт Бердская слобода. РФ, где скрупулезно собирает материал об истории села и всего, что связано с именем А.С. Пушкина и его пребыванием в Бердах, в Оренбурге. Поступок? Несомненно!

Сведения об авторах

Безпалова Галина Викторовна – старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности ГБОУ ВО «Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей»

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Беньковская Татьяна Екимовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Бобылева Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»

Большакова Татьяна Леонидовна – член Союза журналистов России

Бочкарева Татьяна Равильевна – заместитель директора МБОУ «Чернореченская средняя общеобразовательная школа имени кавалера ордена Красной Звезды А.И. Гонышева»

Гусева Ольга Ивановна – заведующая филиалом №1 МБУ «БИС» г. Оренбурга

Емуранова Мария Сергеевна – студентка 1курса гуманитарно-творческого факультета, ГБОУ ВО «Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей», специальность – библиотечно-информационная деятельность

Ермеева Анжела Ахсановна – ведущий библиотекарь библиотеки-филиала №14 (библиотека им. А.С. Пушкина) МБУ «БИС» г. Оренбурга

Зубова Инна Каримовна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Капустина Валентина Михайловна – заведующая сектором литературного краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской

Косцова Екатерина Николаевна – ведущий архивист отдела публикации и научного использования документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области»

Люкишина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела публикации и научного использования документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Матвиевская Галина Павловна – доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры, геометрии и истории математики ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Мельникова Алла Александровна – заведующая научно-просветительным отделом ГБУК «Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей»

Надришин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»

Попова Ксения Юрьевна – начальник отдела публикации и научного использования документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области»

Прокофьева Алла Георгиевна – доктор педагогических наук, ведущий сотрудник УрО РАН

Растрюгина Анастасия Алексеевна – студентка 1 курса гуманитарно-творческого факультета ГБОУ ВО «Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей», специальность – библиотечно-информационная деятельность

Савельзон Вильям Львович – заведующий отделом областной газеты «Оренбуржье»

Савельзон Игорь Вильямович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Симонова Анна Николаевна – библиотекарь отдела редких книг ГКУК «Челябинская областная универсальная научная библиотека»

Скибин Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Судоргина Татьяна Владимировна – консультант Комитета по делам архивов Оренбургской области

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»

Хохлова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»

Черкасова Наталия Федоровна – главный библиограф ГБУК «Центральная областная библиотека для молодежи»

Содержание

Пленарное заседание

Скибин С. М.

Значение образа капитанской дочки «Капитанской дочке» А.С. Пушкина..... 4

Бекасова Е. Н.

«Бросал живительное семя...»..... 16

Савельзон В. Л.

«Что в имени тебе моём?»..... 23

Матвиевская Г. П.

А.С. Пушкин и В.И. Даль. Встречи и беседы..... 30

Савельзон И. В.

Так чем же вальдшнеп похож на Валленштейна?..... 39

Секция 1 «Капитанская дочка»: издания, исследования, экранизация

Федорова А.В.

Университетский литературный музей..... 49

Капустина В. М.

Коллекция изданий повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской (обзор)..... 56

Большакова Т. Л.

Оренбургская Пушкинская энциклопедия: замысел, особенности, значение 63

Растрюгина А. А, Безпалова Г.В.

Оренбургская пушкинская энциклопедия как источник изучения темы «Пушкин в Оренбургском крае»..... 69

Мельникова А. А.

«Чему свидетели мы были»: к 180-летию выхода повести «Капитанская дочка»..... 72

Черкасова Н. Ф.

Спасительницы капитанских дочек (по произведениям А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и А.П. Крюкова «Рассказ моей бабушки»)..... 79

Хохлова Т. А.

«Капитанская дочка» А.С. Пушкина: к вопросу об истории экранизации повести..... 85

Судоргина Т. В.

«Капитанская дочка»: от световых до кинокартин..... 88

Секция 2. Историко-литературное изучение произведений А.С. Пушкина

Савельзон И. В.

Пушкинская запись «Показания Крылова (поэта): попытка нового прочтения»..... 94

<i>Надришин Ф. М.</i>	
Башкирские вожди в Пугачевском восстании.....	104
<i>Зубова И. К.</i>	
«Спартанскою душой пленяя нас...» Лицейский товарищ А.С.Пушкина В.Д. Вольховский и Оренбургский край.....	113
<i>Симонова А. Н.</i>	
Лучшие иллюстрированные издания А. С. Пушкина начала XX век.....	120
<i>Емуранова М. С., Безпалова Г.В.</i>	
Вокальные произведения на стихи А.С. Пушкина издательства П. И. Юргенсона из фонда библиотеки ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей.....	127
<i>Бобылева А. А.</i>	
Ориентация личности на гуманистические ценности (на примере изучения повести «Капитанская дочка А.С. Пушкина»).....	130
<i>Беньковская Т. Е.</i>	
«Путешествие Пушкина в Оренбургский край»: использование технологии образовательного путешествия на уроке литературы в 8 классе.....	134
<i>Бочкарева Т. Р.</i>	
Использование ментально-патриотического потенциала творчества А.С.Пушкина в формировании духовно-нравственной культуры сельских школьников.....	140
Секция 3. Оренбургские страницы А.С. Пушкина	
<i>Тугай Т. И.</i>	
К вопросу о начале оренбургского пушкиноведения.....	145
<i>Прокофьева А. Г.</i>	
Пушкинские конференции в Оренбурге.....	149
<i>Косцова Е. Н.</i>	
Оренбургские историки об А.С. Пушкине (по документам личных фондов ГБУ «ГАОО» П.Е. Матвиевского и Ю.С. Зобова).....	156
<i>Попова К. Ю.</i>	
Два строя, две даты: юбилеи Пушкина в 1899 и 1937 годах (по документам Государственного архива Оренбургской области).....	162
<i>Люкина И. В.</i>	
К вопросу о работе Пушкинского юбилейного комитета 1937 г. в архивных документах ГБУ «ЦДНПО».....	166
<i>Еремеева А. А.</i>	
Пушкинское наследие и библиотечная деятельность: «Слово о Пушкине»	173
<i>Гусева О. И</i>	
«И продолжает жить в потомках вечный Пушкин».....	179
<i>Сведения об авторах</i>	185